

Таначис

Марат Байпаков

Марат Байпаков

Танаис

«Издательские решения»

Байпаков М.

Танаис / М. Байпаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930366-0

7 век до нашей эры. Великая Степь. 18-летняя девушка возглавляет военный поход объединённых скифских племен на могущественную державу Чжоу. Сможет ли неопытная скифская армия оказать помощь родственным племенам жунов и переломить ход войны?

ISBN 978-5-44-930366-0

© Байпаков М.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Гости	6
Глава 2. Жертвоприношение	10
Глава 3. Встреча с послами	13
Глава 4. Разоблачение	21
Глава 5. Прощание с племенем	25
Глава 6. Перебежчик	29
Глава 7. Западня	32
Глава 8. Тризна	36
Глава 9. Секретный разговор с отцом	41
Глава 10. Танаис и озерный край	46
Глава 11. Признание в любви	51
Глава 12. Свадьбы	56
Глава 13. Испытания невест	59
Глава 14. Совещание двухсот	63
Глава 15. Прогулка с медведем	68
Глава 16. Триумф	72
Глава 17. Поединок семерых	74
Глава 18. Выбор пар и танцы	78
Глава 19. Персидский арсенал	82
Глава 20. В гостях у императора Чжоу	88
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Танаис

Марат Байпаков

Редактор Евгении Беяниной
Корректор Александра Рябухина
Дизайнер обложки Мария Бангет

© Марат Байпаков, 2018
© Мария Бангет, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-0366-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тебе, Мать-Богиня

– Но если знаешь наперед... Если все, что рассказала мне, приключится с тобой, тогда объясни мне, зачем выбираешь этот путь?

Раздался шорох падающей меховой накидки. Мужчина встал. Его фигура выглядела сгорбленной. Огонь костра заметался в очаге, неровно вскинулся вверх, поленья треснули. Девушка напротив мужчины тоже медленно встала.

– Отец... – она подняла голову, но не к собеседнику, а в сторону, отводя взгляд. – ...Мой дорогой отец. Увидела путь. Свой путь. Так решила за меня судьба. Нет права нарушить...

Мужчина резко поднял руку. Заговорил:

– Есть такое право – право отца. Я...

Его голос спокоен. Темнота ночи не смогла скрыть недовольство. Но не в голосе сквозило недовольство, а в движении плеч.

– Нужна нам. Ты... ты ведешь нас... – Голос мужчины задрожал. – Твои глаза... Сколько раз спасала нас! То ущелье не забуду никогда... и ведь ты... ты знала, что они там! Все мы живы только благодаря тебе... Что будет с нами *без тебя*?

Он еще сильнее сгорбился. Подавленно вздохнул. Раскинул руки. Сел. Теперь он отвернулся от собеседницы. Казалось, интересовал его только огонь. Костер нервно метался под ветром. Неожиданно стало светло. Тучи открыли полный диск луны.

– Отец. То, что вижу, – не мое. Не твое. И даже не племени. Это воля. Воля Матери-Богини. Я должна... обязана пройти путь...

Девушка говорила, обращаясь уже не к мужчине, словно она беседовала с кем-то еще. Незримым, стоявшим тенью рядом. Луна погасла. Девушка села. Заботливо обеими руками крепко обняла мужчину. От прикосновения тех рук мужчина вздрогнул. Нехотя заговорил.

– Не так представлял тот день. Совсем не так... – тяжело вздохнув, в скорби продолжил: – Возьмемся за приготовления к празднеству? Да? *Моя верховная жрица*? Встретим особо торжественно? Поднимем трофеи? Так, как ожидают знатных, в почете, гостей?

Девушка молча одобрительно закивала. Собеседник, медленно повернув к ней голову, ласково спросил:

– Ты и вправду хочешь покинуть нас?

Молчание. Снова яркий лунный свет. Костер затухал. Девичий голос, как песня, легко полетел к звездам.

– Да. Такова воля Богини. Прими, отец, Ее волю... Не мою – Ее волю...

Костер еще раз ярко вспыхнул. Дрогнул и погас. Погас и разговор в ночи.

Глава 1. Гости

Весна. Великая Степь

Утренняя прохлада. Холодная роса на траве. Лучи солнца, спеша стать новым весенним днем, едва коснулись степи. Резкий неожиданный звук – рев трубы. Долгий звук. К ней, призывающей, поспешая, примкнула еще труба. За ней третья, четвертая, пятая. Протяжные звуки в ладном хоре слились в музыку: торжественную, холодную музыку. Тревожащую, злящую. Рев труб, постепенно нарастая, дополнили, вливаясь перебранкой, барабаны. И вдруг на высокой ноте беспокойная музыка труб и барабанов резко прервалась. В тишину влилась флейта. Переливаясь звуками, печалью, сменила злость труб и барабанов. Грусть флейты важно повстречалась с беззаботным теплым солнцем.

Утренний сумрак развеялся. На широкой поляне меж громадных, присыпанных битыми камнями курганов быстро собирались люди. Торопились. Некоторые трудно дышали, словно после бега. Мужчины разных возрастов, женщины, дети. Многочисленное разноголосое племя заняло места на лобном месте поселения. Расселись плотным кругом. Через узкую, петлей, дорогу между расступившихся людей к помосту в центре прошел высокий сутулый мужчина лет сорока. Шел не спеша. Шел молча. В высоком красном уборе. Шел в одиночестве. Никто не сопровождал его. Никто не присоединился к нему. Шел, опираясь на резной, отделанный золотом посох. Шел так, словно нес на плечах огромный груз. Три ступени, пять ступеней, семь. И вот он выше собравшихся. Ступни на уровне устремленных к нему голов. Солнце взяло дневной разбег.

– Приветствую племя. Рад видеть всех вас. Хвала Богам, заботливым небесным покровителям, мы снова встретили светило. День да подарит нам радость. – Закончив с положенным приветствием, мужчина коротко шагнул влево. Четыре стороны света. Четыре шага. Взгляд вверх голов. Вновь говорящий – напротив восходящего весеннего солнца.

– Сегодня... – Мужчина наклонил голову. Затем поднял. Шуба из волчьей шкуры упала с голых плеч. Но он не обратил ровно никакого внимания на утраченную одежду. Наколки, от груди, убегая на плечи, до самых кончиков пальцев, витым узором оплетали сильные руки. Словно протоки одеяния покрывали кожу. Мощь борьбы диковинных зверей на руках мужчины передалась его голосу. Голос этот, сильный, странно задрожал. Задрожал, как хрип раненого зверя. – ...*Великий день*. Великий день, народ. Я, ваш вождь, несу вам, первым, весть. Мать-Богиня решила породнить нас с племенем на дальнем море. Послы того племени явятся скоро к нам. В чудном обличии явятся. Не в собственном...

Шепот удивления тревожным ветром пробежал среди собравшихся. Вождь высоко поднял правую руку с резным посохом – символом власти. Надменно посмотрел, но не на удивленных людей, а куда-то далеко, поверх горизонта, в сторону восхода. После паузы неспешно продолжил речь:

– ...Не в своем обличии. Встретим послов, кем бы они ни были. Никто не должен говорить с ними. Только я. Отводите от них глаза. Безмолвствуйте. Повеление то вам...

Вождь ударил посохом о почерневшее дерево помоста. Грусть вложил в следующие слова.

– Послы не уйдут от нас. Послы умрут. Опоем ночью их. Казним. Моя дочь, ваша жрица, отправится в путь к дальнему морю с их головами. Такова воля Богини... – Выждав, продолжил: – Примемся за приготовления к их визиту. Чистите казаны. Подберите скот на угощение...

Мужчина замолчал, словно подавился косточкой.

– ...На угощение. Но не им. А вам. Главному богатству племени. В честь Матери-Богини будем пировать.

Вождь резко вздрогнул. Сжал зубы. Нахмурился, ссутулился, став как будто ниже ростом, и сошел с помоста на лобном месте. Толпа молча почтительно расступалась перед ним.

Десятью днями ранее...

– ...Мои руки в крови.

На слова, в недовольстве, сквозь зубы сказанные, незамедлительно последовал тем же тоном скорый ответ:

– Вижу, мог про то и не говорить...

Но закончить возражавшему гневный собеседник не дал, прервав его очередным, уже громким, как вопль, восклицанием:

– *В невинной крови*, хотел тебе сказать! Твоим велением в крови руки мои умылись...

Двое мужчин яростно спорили меж собой. Еще чуть-чуть, и едкий спор сменится дракой. Тот, что стоит слева, похож на плотно набитый мешок с зерном. Тот, что справа, – повыше. Худой. Взъерошенные седые волосы. Спорщики расположились в двух шагах от трупа, обнаженного, беспомощно распростертого на камне. Веревка плотно обвивала шею мужчины с завитой бородой. Убитому было года двадцать три от силы. На шее украшение знати – татуировка – орел с раскрытыми в полете крыльями, и кусок грязной веревки, сломавшей эту шею, – страшным контрастом. Злой крик, как лай собак, мешал приятным вечерним сумеркам влиться в ночь.

– Просто поделим добычу, и всё! – сказал стоявший справа.

Предложение гулом одобрения поддержали восемь крепко сбитых, сидевших на земле, в молодой траве, мужчин. Обветренные лица веселы. Блаженные улыбки блуждают по лицам. Перебранка главарей явно забавляла сидящих. Чуть поодаль лежали их кожаные с красной тесьмой дорожные тюки. Не менее пяти, плотно упакованные заботливой рукой.

– Нет-нет! Добычи мало. Мы довеском повеселиться должны. Почести нам. Вино. Золота... – Тот, что ниже, Мешок с зерном, упрямо тянул свою правду. При ярком слове «золото», сказанным громко, с причмокиванием, вкусно, словно про горячую еду, улыбки разом исчезли с простоватых лиц. Брови сидевших поднялись в удивлении. Уловив искомую перемену настроения слушателей, прищурился хитро глаза, Мешок с зерном крепко ладонью левой руки прикрыл рот высокому.

– ...А золото у них... – Мешок с зерном важно обвел взглядом изумленных товарищей. Покачав головой и вновь причмокнув мясистыми губами, продолжал заманивающим тоном: – ...*От края до края*. Во оно как! Золото в реках на шкуры ловят. Сколько нам дадут золотых шкур? Дурачье. – Мешок с зерном выпятил губы. Помолчав, очевидно для важности, уже тише сказал, указывая вытянутой правой рукой на дорожные тюки:

– ...Да вся эта добыча... Просто... – задумался, свел брови, подбирая выражение. Улыбнулся и развеселым тоном продолжил вещать: – ...*Дохлая рыба*. Вот что. Вся добыча – *дохлая рыба*. Шкур золотых нам дадут... – тут Мешок с зерном прикрыл глаза в подсчетах, – ...много. Мы им так и скажем: «Послам не должно с пустыми-то руками уходить». В знак дружбы племен положены щедрые, очень щедрые дары. Нам не откажут. Так и скажем: «Дайте нам подношения».

Мешок с зерном важно замолчал. Опустил руку, надулся от важности. Пришел черед остальных участников банды выказать свою жадность. Разными голосами поспешили выкрики:

– Дело рискованное! – то было явно в сомневающейся боязливости сказано.

– Много-много дадут золота! – с твердой надеждой на успех задуманного.

– Лошадей, в породе крепко сложенных, – мечтательным тоном.

– Так как выдать себя-то за послов? – уточняющим, к делу переходящим.

– Согласен, – басовито, решительным.

– Веселья будет много, – глуповато-наивным, уж в совсем недалеких думах.

Мешок с зерном обвел глазами банду. Быстрым пронизательным взглядом приметил желаемые искры интереса. Неспешно продолжил, оглашая подробности плана:

– Нашего Длинного переоденем в платье главного посла. Да, Длинный? – сказал с наигранным смехом и, не давая высказать возражения, выкрикнул, опережая: – У-ууу! Молчи, глупец. Наденешь ради нас всех. Я же надену одежду вот того, который у дерева.

Мешок с зерном указал на задушенного юношу лет восемнадцати в шубе из шкур рыси. Труп без обуви. В расшитых кожаных штанах. Тонкие руки, не знавшие тяжелого труда, связаны. Длинные пальцы переломаны. В светлых волосах спеклась кровь. Голубые глаза, не мигая, вглядывались в небо. Красивое мальчишечье лицо портил синий язык, вывалившийся из открытого рта.

– ...И третьего смельчака из вас... в привычные одежды озерных. Третий – будто бы проводник от племени озерных. Водное племя наше хорошо им известно. Покажет наши узоры. Попируем. Заберем добычу. Птицей улетим в степь.

Один из восьмерых крепышей с силой пнул ногой труп на камне. Другой, в гордости от содеянного, взял за бороду несчастного, низким голосом ответил за сидящих:

– Дело говоришь. Вот только невесту нам тоже забирать? И что же, нам ее вести к дальнему морю? Или ты и верховную жрицу золотых опечалишь до смерти?

Мешок с зерном сжался. Теперь он ловил иной настрой. Возмущенные голоса окружили его. Руки восьмерых сложились в кулаки, те кулаки сотрясали воздух.

– Святотатство. Одно дело этих. Чужих добрых не жаль. Другое – жрицу, – говоривший мотал головой.

– Нет. Жрицу не убивать! – закрыл глаза, выкрикивая зло.

– Богиня-Мать проклянет нас, – сидевший грозился кулаком. – Нельзя так. Нельзя!

– Невесту надо везти к дальнему морю, – махал руками, обращаясь к соседу.

– А там-то, у дальнего моря, что с нами произведут, когда мы ее доставим? – в далеких думах, злился.

Девять сотоварищей по лихим замыслам, выговорившись, жадно уставились на Мешок с зерном. Тот в раздумьях чесал давно немытые, сальные, с обильной перхотью в черни, волосы. Обдумав, поднял правую руку. Дрожащим от волнения голосом обратился к сидящим:

– Вот что! Отвезем мы ту жрицу известную к дальнему морю. Как полагается, свезем. Не тронем ее.

Сидевшие согласно закивали. Мешок с зерном уже твердым голосом продолжил:

– Вернемся с честно заработанным золотом в племя. Будем... *затью заслуженной* в озерном племени. Такой путь. – Тут говоривший рассек воздух правой рукой, словно рубил дерево. – Не пасти нам больше скотину. Править людям будем.

Восемь топоров и худая правая рука поднялись вверх. Соглашение найдено. Радостный вой девяти мужских голосов поднял стаю голодных воронов. Черные птицы, испуганно каркая, перелетели с серых камней на ветви сосен. Уговор банды из водного племени озерных – пернатых не интересовал. Взоры черных глаз лишь на трех трупах. Третий мертвец, крепкого сложения муж с длинной косой, нелепо раскинув ноги, лежал на животе с перерезанным горлом у горной речки.

– Что с трупами делать? – Длинный явно нервничал. Его руки, не находя покоя, гуляли по веревочному поясу, часто перебирая узелки.

– *Делать?* – Мешок с зерном излучал довольство жизнью. – Вот ты, сумнительный, их и прикопаешь в землю. Будут мертвяки жертвой Подземному Богу. Позовем его к нам в помощь. Больно дерзкий замысел у нас. Сдюжить бы... – Мешок с зерном легко вздохнул. – Жертвы понравятся подземному правителю.

На закате десять подлых людей, сев на лошадей, отправились призраками на юг. К племени золотых рек. Три трупа убиенных послов, стоя, макушками к небу, закопаны подноше-

нием Подземному Богу вокруг высокой сосны, что висилась у чистой горной реки. Падальщики не получили человечины.

Глава 2. Жертвоприношение

Пятнадцатью днями позднее...

Утро завершает сны. Звезды нехотя одна за другой проваливаются в рассветную синеву. Диск солнца медленно восходит над степью. Далекая река блестками глади сверкает. Бежит извилистой лентой вод. На высоком кургане, рядом с деревянным помостом, расположился двумя линиями хор мужчин и женщин. Певчие обращены лицами на горы, огибающие овалом серых зубчатых стен курган. Двадцать четыре человека в хоре. Празднично одетые. По двенадцать мужчин и юношей в белых рубахах, черных кожаных штанах и с босыми ногами – в нижней линии. По двенадцать юных девушек, также босых, в высоких остроконечных красных головных уборах, в красных накидках поверх белых платьев – в верхней линии. Ниже хора в ту же сторону овала гор тремя плотными рядами – музыканты. С длинными флейтами из кости – флейтистки, девушки лет пятнадцати. Ниже струнные с семиголосыми арфами, справленными меж двух рогов. Большой частью старики лет тридцати-сорока. Редок тот ряд, как и мало стариков. Последний ряд – мальчишки с бубнами.

Горы. Высокие горы. К ним приготавливал песню хор. Покрытые снегом весны серые камни. Покрытые синими великанами-елями в четыре обхвата. Холодные валуны. Трещины-морщины. Горы торжественны. Надменны. Ни ветерка. Природа, чудится, ждет представления. Птицы молчат.

Без разговоров, привычным порядком вокруг кургана пятнадцать тысяч равнялись. Строились степняки в ровные круги. Первый круг – всадники. Знатные. «Добрые». Направлен справа налево. «Добрые» разбиты на сотни. Каждая сотня с символом рода – цветным матерчатым штандартом на длинном шесте. Штандарт сотни держит командир. Всадников две тысячи. С оружием. Высокие, крепкие мужи. Гордость племени. Доспехи из плотной кожи в несколько слоев, с пластинами из бронзы; изогнутый дугой наборный лук, вложенный в горит, закадычным другом со стрелами; широкий кожаный ремень-пояс с медной, золотой, серебряной или бронзовой пряжкой; высокие островерхие головные уборы из черного или серого войлока. Приznak чести. Приznak знати. За широким мужским поясом – мерцает боевой бронзой клевец в ножнах из выделанной кожи; длинный кинжал, привязанный к ноге. Второй круг – женщины знати. Его направление – слева направо. Убранные в плотные косы, с цветными лентами, черные и каштановые волосы. Серьги – золотыми гроздьями, шумные браслеты на запястьях. Тонкие пояски с бронзовыми пряжками. В ножнах под левую руку кинжал. Белые, в разноцветную полоску, длинные платья по щиколотку. Завершают наряд сапожки – короткие, из рыжей кожи, в узорах, нашитых аппликацией, повязанные по подошве двумя ремнями.

За знатыми – круг пеших воинов. Три тысячи. Мальчишки. Юноши. Уверенные мужчины. Гордые все. По пояс нагие, с клевцом или копьем. Кожаные штаны, пояс-веревка, ботинки. Ряд – справа налево. За этим кругом – женщины воинов. Босые. Платья белые, без полос. Серьги медные. Взявшись за руки, смотрят налево. За рядом женщин пеших воинов – огромный круг мужчин. «Худые». Ремесленники, рыболовы, земледельцы, скотоводы. Вместе с ними их жены. И этот круг смотрит налево. Ноги, ноги людей сминают траву на лугу. Послушно ложится нежным ковром трава. Праздник. Радость витает в рядах. Даже суровые лица знати едва уловимо сияют улыбками. Круг простых же и вовсе не скрывает счастья. Каждый крепко держит руки соседа. Даже ровно в такт дыхание рядов. Обиды, досада, усталость ушли. Единение людей. Столь разных, столь непохожих – даже внешне. Братство. Братство: «худых» и «добрых»; знатных и простых; мужей с заслугами и юношей, давших присягу на верность племени. Племя едино.

С построением кругов закончено. Сквозь ряды ладно правит шаг девушка. Верховная Жрица. Лет семнадцати-восемнадцати. Высокая. Светлая кожа. Волосы смоль, заплетены

в косу до земли. Глаза зеленые, большие, подведены краской. Тонкие черты лица. Легкая улыбка алых губ. Летящий шаг. Руки рядов размыкаются, пропускают. Алое двойное платье облачком скользит среди людей к кургану. Высокий островерхий красный головной убор, украшенный оленем в навершии, золотыми стрелами от линии бровей и фигурками животных, виден даже в третьем круге. Выше, выше – и вот она, одна, на вершине кургана.

На помосте со стороны заката в цепях являются три пленника с охраной. Руки связаны за спинами. Маленький, округлый, на кривых ногах, смешно перекачивается, как тюк с зерном. За ним длинный, тощий, как межевая жердь с границы владений племени. Коренастый, широкоплечий, с длинными спутанными космами – не то рыболов, не то скотовод по облику. Все трое нагие. Идут добровольно. Пьяной походкой, как будто не в себе. Бронзовая цепь прикреплена через обручи на шеях, бренчит в такт шагов: так-так-так.

Два стражника из знати определяют пленных позади верховной жрицы. Медленно и недоверчиво снимают цепь. Но дело странное – пленные стоят. Без трепета. Молча. Стражники толчками, рывком потянув за плечи, роняют пленных на колени, лицами к восходящему солнцу. В почтении перед жрицей склонив голову, стража покидает помост. Девушка снимает платье-накидку. Затем – верх раздельного второго платья. До пояса нагая, поднимает лицо к солнцу. Наколки на руках – бегущие олени, сцепившиеся ногами и рогами. Голая девичья грудь трепещет от волнения. Раздается песня. Песня-молитва летит к восходящему светилу. Громкий теплый голос то поднимается в грусти, то в волнении падет ниц. Флейтисты поддерживают первыми молитву, затем хор, струнные, бубны задают такт. Голоса возвышаются. Эхо гор вторит, тропит их пение.

*– Богиня-Мать, создательница Мира!
Ты любишь нас, как любим мы тебя!
Ты даришь светлый день и даришь ночь во звездах.
Рождаешь нас с улыбкой, своим законам учишь,
И забираешь, хмурясь, нас, твоих детей.
Танцуешь первой на праздниках средь нас
И в горестях печальных последней плачешь с нами.
Хворь, похищающую души, ты изгоняешь.
Обиды, в мелочах, меж нами, глупыми людьми,
Добротой своей прощаешь и мир нам даришь.
В войне, что мир сменяет, заботой своей, о нас радея,
Ты разум воина даешь: врага тесня, смерть обгонять.
Тебе, Богиня-Мать, молитву мы песнею поем.
Тебя, Богиня-Мать, мы славим в лучах светила.
Нет доброте твоей, Богиня-Мать, предела,
Как нет предела Солнцу в колеснице!
Так пусть же не забудет добротой нас
Свет ярких глаз твоих, Богиня-Мать!
Как день сменяет ночь —
Так мы приходим в мир твой совершенства!
Как ночь сменяет день —
Так мы уходим от тебя к тебе в мир почивших!
Нет доброте твоей конца, Богиня-Мать...*

Хор на вершине кургана прекратил пение. То знак для племени. Кольца вокруг кургана пришли в движение. Справа налево – первое, второе – слева направо, третье, как и первое, – справа налево, четвертое, самое огромное, – слева направо. Хор пятнадцати тысяч голосов

заставил содрогнуться величавые горы. Песня-молитва, разгоняя утренний туман и зверье, летела в синее с кружевными облаками небо. Ноги в такт отбивают: раз-раз-два-три-три. Руки каждого крепко держат теплые руки соседа. Всадники же в парадных седлах плывут медленнее всех колец. Штандарты с синими, белыми, красными, желтыми, черными полотнищами колышутся, сменяют друг друга.

На вершине ритуального кургана, освященного святостью упокоившихся под ним вождей, жрица извлекла из-за пояса кинжал в ножнах, с навершием-фигуркой оленя, воздела руки к яркому солнцу. Светило увидело бронзу. Медленно, шепча молитву, не отворачиваясь от солнца, жрица сделала три шага назад.левой рукой сжала волосы первого пленника, правой рукой поднесла кинжал быстро к его горлу. Коротким рывком подняла лицо пленника к себе. Наклонилась к уху пленного, прочла молитву. Выпрямилась. Бронза лезвия заиграла на солнце. Жрица прикрыла левой рукой пленнику глаза. Клинок пропел песню. Кровь хлынула из горла. Жертва упала. Захрипела. Затряслась в судорогах – агония. Вскоре в обеих руках девушки – отрезанные головы. Кровь капает на дерево настила. Третья голова покачивается у ее ног. Жрица снова поет. Поет с племенем, воздев высоко руки к солнцу. Грохот пятнадцати тысяч голосов сотрясает великаны-ели, ручьи, полные талой воды, седые скалы, что, помолодев, распрямляют морщины. Горы. Деревья. Ручьи. Поют молитву. Земля под ногами людей содрогается. Хор впадает в исступление. Счастье единения племени; людей внутри кругов племени; племени с природой, лугом, лесом, камнями. Счастье посетило племя. Слезы радости катятся с глаз даже суровых вожаков. Люди поют. Люди дышат в такт. Ноги танцуют танец: раз-раз-два-три-три. Праздник в честь Матери-Богини завязался...

Глава 3. Встреча с послами

Семью днями ранее...

– Видишь знаки на деревьях? – Длинный вытянул руку в сторону высоких темно-синих великанов-елей. Чужая одежда стесняла движения.

– Нет. Не вижу. – Мешок с зерном тщательно напрягал зрение. Ели, в молчании растопырив лапы-ветви, упорно отказывались давать знаки подлым людям.

– Да вот! Три красные тряпки на той громадине. Ну же! Смотри. Слепец. – Длинный быстро спешил и, прихрамывая, подошел к громадной, в темно-зеленых нарядах, ели, одной из трех, что сестрицами обнимали ветками другу друга. – Там. Вглядишься!

– Теперь вижу. Кто *слепец*? – Мешок с зерном в гневе воззрился на говорившего. Банда весело засмеялась.

Мешок с зерном, заслышав гогот сотоварищей, сперва разозлился, нахмурился, но переменял настроение. Теперь широко улыбался, разделяя настрой дружков. Потирал руки. Три красные тряпки висели, едва заметно, точно на середине крайней справа елки. Вот они, заветные границы края племени золотых рек.

– С этого места – разделимся. Вы семеро возвращайтесь к нашим жертвам Подземному Богу. И ждите нас. Дней через пять, как положено обычаем скифов, двинемся назад к вам. – Мешок с зерном командовал. Голос его звонко летел по редкому лесу. Маленькому человеку, сидящему в дорогом седле на породистой лошади убитого посла, так нравилось управлять, что ни ему, ни его спутникам никак не заметить было пятерых стражников. Мальчишки. Старшему – командиру – едва семнадцать. Племя золотых рек сторожило границы. Опыт горьких потерь, постоянных стычек с соседями, брани с пришлыми издалека грабителями – научил неусыпной бдительности. Последние три дня стражники наблюдали за бандой, скрытые высокой травой, камнями, кустами родной земли. Жадно ловили слова чужаков. Вглядывались в их спящие лица по ночам на беспечных бивуаках. Тощий, самый маленький страж, лет десяти, голый мальчишка, уже скакал к курганам племени. Два дня пути до вождя. Низко пригнувшись, крепко обняв коня. Лук в горите, полном стрел, бьет по спине. Возгласы позади него, озабоченного важным поручением, напротив, полны веселья:

– Попируйте за нас!

– Спяна не проболтайся!

– Не обмани!

– Без невесты не возвращайтесь!

Семеро бандитов из водного племени, братья по крови, нехотя прощались с главарями. Трое из банды отделили сменных лошадей и, загрузив на них поклажу с посольскими подарками, отправились к племени золотых рек. Отъехав от ели на полет стрелы, Длинный с подозрением оглянулся через плечо.

– Послушай, ты мне скажи, а что будем делать с вот этим? – Длинный достал из-за пазухи сверток тонко выделанной кожи. Повертел в руках. Подкинул, пробуя вес.

– Не знаю. Не нравится – подозрительная штука. Знаки не наши. Так их много, что глаза плутают. – Мешок с зерном замотал головой. Длинный, поиграв, спрятал кожаный свиток за пазуху.

– Дай-ка мне вещицу, – немного подумав, ласково попросил Мешок с зерном. Длинный со вздохом облегчения вложил свиток в протянутую руку.

– Мы... выбросим... дрянь. Вот так, – широко размахнувшись, Мешок с зерном запустил тяжелый свиток в ближайший раскидистый куст. Ветки куста смялись и хрустнули, принимая непрощенный подарок от пришлых лихих людей.

– Ты что?! – Длинный от неожиданности ахнул. Широко открыл глаза. Перегнувшись с седла, намерился найти свиток в кусте. Но Мешок с зерном опередил его и преградил путь конем.

– Я привык к вещи. Пусти, – Длинный горестным тоном, канюча, пытался разжалобить жоака.

– Пропадем мы с ней. Понимаешь? Знаки что-то да и означают. Может, заклинания с проклятиями какими? Не знаем того языка, не ведаем смысла. А посол, жаба болотная, не рассказал ни слова. Утаил под пыткой, – Мешок с зерном гневно блеснул глазами. Послал плевок догонкой в куст. Длинный принял навязанную волю. Разговоры за обидой прекратились. Путь потянулся в молчании. Через полдня троича миновала широкую, шумную водами реку. Холодная, чистая, прозрачная вода, спускаясь с гор, искала в странствиях пристанище. Белые скользкие камни, как глаза со дна реки, настороженно высматривали незнакомцев. Угрюмые серые камни посередине течения, с пеной перечили потоку вод. По глинистым покатым берегам – первые сочные полевые травы. Путники, преодолев воды, на вязкой глине берега остановились и решили поискать новые указатели пути. Никто из них ранее не бывал в соседских краях племени золотых рек. Спешились в раздумьях.

– Ну и? Куда пойдём дальше-то? Зрячий? Видишь тропу? Али узелки какие в метках? – частил обеспокоенно Мешок с зерном. Он ждал ответа не от Длинного, а от третьего спутника. Но тот отмалчивался. – Говорил, что есть тропа. Где она? Тропа твоя?

Длинный и Мешок с зерном смотрели с сожалением назад. Сотоварищи уже далеко. Не нагнать. Путь к племени золотых рек неизвестен. Знаков на ветвях, камней путеводных и поселений тоже нет.

– Пополним запасы воды. – Мешок с зерном, повернувшись к реке, зачерпнул ладонями воду. – Чистая вода. Пока ищешь тропу. Ты-ты! Не стой. Ищи, – продолжал командовать жоак, жадно припадая к чистой воде в ладонях. – Послы же мы. А проводник... Эй, проводник, слышишь меня?

Длинный обернулся. Сильно хлопнул друга по плечу. Мешок вздрогнул и оторвался от воды. Подельник, один из братьев, – мертв. Крепыш-проводник, грудью навалившись, обнял камень на берегу горной реки. Стрела поразила в глаз. Бронзовый наконечник вышиб кусок черепа. Черной веревкой кровь тянулась по кожаному кафтану, ища путь к земле. Точный бросок не дал шанса даже вскрикнуть. Шум говорливой реки заглушил полет стрелы. На поляне перед тихим лиственным лесом из дубов и лип стояли два всадника. Полуголые черные мальчишки-подростки в кожаных штанах. Наизготовку держат короткие изогнутые луки, наведенные стрелами вниз. Ветер зашумел. Река притихла. Сладкий запах липы, прилетев из леса, дурманом смешался со страхом-отчаяньем двух безоружных людей.

– Не убивайте! – вырвался у Длинного жалкий вопль. Подкосились ноги, повалился на колени. Воздел пустые руки в мольбе открытыми ладонями к конным стрелкам.

– Мы послы с дальнего моря... – слабым голоском пискнул Мешок с зерном. Ветер, шая, унес слова в реку. Всадники ответом беззвучно наставили стрелы на нежданных гостей. Лошади троичи, а теперь уже и двоичи, громко заржали. Животным ясен исход встречи. Белое весеннее солнце погасло в глазах безоружных людей.

– Мы послы!.. – уже громче, страхом наполнив слова, закричал Мешок с зерном. – ... Пришли за вашей Верховной Жрицей. Пришли с дарами. Наш вождь полагает породниться с племенем золотых рек. Веруем в Богиню-Мать. Одних с вами предков, Савроматы мы!

– Богиня-Мать, защити! – Длинный сглотнул горькую слюну, плотно закрыл глаза. Смерть вилась кружевным облаком над ними. Запахом ее стал липы цвет.

– Где дары? – раздался твердый голос мальчишки слева.

– Там-там, на лошадях. В торбах. Тех, расписных. – Мешок с зерном указывал на трех навьюченных посольской поклажей лошадей, непочтительно выбрав для жеста левую руку, ско-

рее от страха, чем от дерзости. Длинный не осмеливался подняться с земли. Ужас близкой смерти сделал скуластое лицо мертвенно-бледным.

– Оружие где? – властным тоном вел допрос юнец. Всадники не опускали луки. Бронзовые наконечники стрел наполированным золотом, не пустыми угрозами, обещающе сверкали в полуденном солнце.

– На трех лошадях. Притороченное. В чехлах. Топоры только что. Ножи. Да два меча. Луков с нами нет, – скороговоркой, глотая окончания слов, затараторил с колен Длинный.

Мальчишка-подросток, тот, что говорил, слегка мотнул головой. Остался на месте. Конь под ним заржал. Второй стражник, приняв приказ, свистнул. Сжав губы, крепко обнимая ногами коня, не опуская лука и не сводя в прищуре глаз с незнакомцев, медленным шагом двинулся в сторону послов. Поравнявшись с посольскими лошадьми, ловко скользнул на землю. Лук со стрелой вложил в горит. Оружие незнакомцев перекочевало на спину коня.

– За нами следуйте.

«Послы» далекого племени без возражений подчинились приказу юнца. Мужички, одолев страх, переглянулись. Страхнув пыль с трясущихся колен, Длинный оседлал коня.

Четверо всадников тронулись в путь. Вороны лихой стаей пировали. Труп проводника, неупокоенный, голый, без головы, остался обнимать камень. Невесело пустились в путь. Уж совсем не так принято степной традицией привечать почетных гостей. Скорее так ведут, военной привычкой, пленных после брани – без уважения, добычей под надзором. Впереди провожатый, следом, на удалении, послы. Далеко позади командир стражи границ племени золотых рек. Мальчишечьи глаза хитро поблескивали, на губах насмешка-улыбка сытого волка. На боку коня, за косу притороченная, свисала отрубленная голова-трофей.

Юноша достал из-за пояса кожаного льняной, расшитый синими узорами мешочек. Из него – короткую дудочку-свирель. Строгого воина больше не стало. Детство вернулось к зоркому командиру стражи золотых рек. Вдохнул полной грудью сладкий липовый воздух. Ласково пробежал пальцами по дырочкам свирели. В спины гостей полетела мелодия. Птичья свадебная перебранка перескакивала с ветки на ветку вековых дубов и лип. Лучами, сквозь листву леса, солнце шутя вглядывалось в гостей.

Сказ о вожде племени золотых рек

– Поведай нам про вашего вождя, – Мешок с зерном с трудом мог смотреть в сторону командира стражи племени золотых рек. Юноша сделал первый разрез кожи около уха на голове убитого проводника.

– Сначала представься, – не прерывая разделки головы, коротко и важно бросил командир. Слова сопроводил взглядом из-под бровей.

– Анахарсис, сын...

Юноша не стал слушать долгое перечисление знатных предков «посла». Сделал второй разрез у другого уха. Сосредоточенно, нахмурившись, снимал кожу с черепа.

– Наш вождь – Скопасис... – Командир стражи замолчал, ловко отделил кожу от черепа. Осмотрел со всех сторон. Улыбнулся. Показал стражнику. Поцеловал лезвие ножа и клацнул языком, удовлетворенный плодом труда. Шмыгнув носом продолжал: – ...в чести. Так, как его, еще не уважали вождей. До него... – Отложив кожу в сторону, командир стражи переломил об колено ветки и кинул их в прожорливое пламя костра. Огонь весело побежал по сухому дереву. – ...Мой отец часто говаривал: когда на сходе племени выбирали нового вождя, разразился ливень. Прямо потоп. Стена воды с небес. Сочли хорошей приметой. Благоволением Богов. Ну, оно так и вышло. Оправдал вождь надежды...

Горящее дерево сильно треснуло. Послы вздрогнули. Командир стражи сдержанно улыбнулся. Карие глаза насмешливой искрой пробежались по гостям.

– ...Прошлой весной мы победили отряд персов. Персы шли к нам. Резво шли. Отряд значительный. Все конные. Обоза не было. С ними и смена лошадей. Около десяти тысяч...

– Сколько-сколько? Десять тысяч? – Длинный посол не выдержал и впервые за время пути с реки вступил в разговор. – Никогда не слышали о вторжении, – взглянув на старшего «посла», уточнил: – Проводник не говорил о...

Юноша, казалось, не слушал «послов». Мял с силой белую кожу обеими руками. Разглядывая складки, продолжал:

– ...Это *наша победа*... – Насмешливый рассказчик особенно выделил слова «*наша победа*» и, важно помолчав, дальше повествовал: – Племя золотых рек не хвастливо. Придет время, и откроем *нашу победу*...

«Послы» не могли смотреть, как кожа в руках сминается и разминается. Выделка того, что так недавно было лицом их друга, так увлекла рассказчика, что только свист соплеменника вернул его к прерванному повествованию.

– Беглые племена с юга наперебой рассказывали о вторжении. Персы уж очень поспешили. Не становились в привалах подолгу. Оставалось до нас дней десять, около того. Вождь созвал племя. Дал оружие. Вооружил женщин и малых...

– Женщин? – Длинный посол вновь нарушил неспешный ход рассказа и получил болезненный тычок локтем в бок от старшего по рангу «посла».

– ...Не знаю, как у вас, у савроматов... – юноша горделиво поднял голову, – а в нашем племени женщины бьются на равных. Некоторые ловчее с секирой. Иные мастерят атаку с копьем. Бьют точно луком.

Второй подросток на тех словах склонил голову. Утер слезу. На грязной щеке остался размашистый след.

– Он... – командир стражи кивнул на подчиненного, – потерял семью. Не стал вождь кликать племена соседей на помощь. Долго, не поспеют – так порешил. Присоединились к нам тысячи две из потесненных персами племен. Набралось тысяч семь с малым воинства. Немедля – порядками походными навстречу персу...

– Ты там был? – «Посол» Анахарсис в удивлении расширил глаза, на лбу сложилась смешная ломаная морщина. Не очень-то смахивал на воителя говоривший о походе. Юноша хоть и высок, но узок в кости.

– И я, и он... – Впервые командир стражи пристально поглядел в глаза старшему «послу». Не прерывая работу, насмешкой заговорил: – В несколько переходов, стало быть, отыскивали персов. Враг выставил охранение. Разослал разведчиков. Вот он... – командир стражи правой рукой указал на друга, – первый и перехватил их. Двоих сразу стрелой уложил. Третьего подранком от копья привел. От него, раненого перса, узнали число воинов и их намерения. Той же ночью вождь и сход решили напасть. Перс не ожидал. До нас, по их расчету, переходов с десять. Ночью перебили стражу. Взяли в кольцо спящий лагерь. Вождь надумал покуражиться...

– *Покуражиться?* Что значит покуражиться? Врагов же много, не до веселья с шутками? – «Послы» удивленно переглянулись. Рассказчик словно и не обратил никакого внимания на замечание. Ухмыльнулся и продолжил мять кожу.

– Продолжай, прошу... – Длинный беспокойно ерзал, словно сидел на открытом пламени костра.

– Никто до него так не делал. А он... – Неожиданно юноша встал во весь рост, отложив в сторону кожу. В правой руке у него появился мех с вином. Вытащив левой рукой деревянную пробку на веревке, медленно в костер полил душистой дугой вино. – ...Павшие в брани, вкушите жертв... – Голос юноши дрожал от волнения. Как же странно слышать от него такую интонацию. Налив в правую ладонь вино, он как будто предлагал душистый дар невидимым гостям вокруг. Затем умыл лицо этим подношением. Закупорив плотно бутылку, вернулся к разминанию кожи. Теперь заговорил молчаливый страж границ. Его ломающийся голос, низкий и грубоватый, резал ночь в лесу.

– Вождь приказал взять с собой барабаны. Те, что в дни праздников достают. На повозках четверкой лошадей тащили. Придумал же! – Младший из стражи, похоже, восхищался главой племени. Глаза блестели. Голос становился нежнее на слове «*вождь*». – Персы спят. А мы как вдарим в барабаны! Горящими стрелами по ним. Стреляли с одной руки, непрерывно, то есть. Такое облако на них разом-то упало! Семь тысяч стрел разом-то! Ох и красотища была! Звезды падали на головы персов. Потом еще и еще. А барабаны-то наши гудят. Сонные. Голые. Как давай бегать по лагерю! Кричать. Да что там, *вопили!* Ну мы их знай поливаем стрелами, в камне, в кости, в бронзе...

– Не так было. – Командир стражи отложил в сторону кожу. Взглянул за чистку черепа. Нож в его руках ловко срезал лицевые мышцы. – Трубы забыл? – поправка, видимо, была серьезной. Младший повел плечами, кивнул, дескать, виноват. Продолжил:

– Были и трубы, в точности как командир сказал. Целый хор труб и барабаны к ним. Персы перепугались. Старшего командира, ну как потом-то поутру выяснилось, персы сами же в панике задавили. Метались по лагерю и задавили спящего. Нашли мы его сплющенного вкопец. У роскошного шатра королевой лепешкой лежал. Похоже, отряд прошелся по нему. Еще последняя стрела не долетела, а вождь наш возглавил атаку. Ударили с четырех сторон одновременно. Отрезали путь к бегству.

– Про знамя скажи... – Командир стражи нежно прервал восторженный сказ.

– Да-да, – младший, соглашаясь на новую поправку, поднял правую руку. – Сейчас. Так вот. Персы попытались составить пеший строй. Их лошади уже разбежались по степи. Три дня мы потом их ловили. Строй тот встретил наши колесницы. То были их «триста храбрейших» – отряд знати. Возничие замешкались и дрогнули перед копьями. Многие там полегли. Мой отец тоже там остался. Ну да, хорошо пожил. Погиб красиво, в битве. На глазах племени. Тридцать ему было... – Рассказчик глубоко вздохнул. Шумно выдохнул. Замолчал. Отвел глаза от костра. Растер что-то по лицу в темноте. – С трех других сторон наши персов теснили. «Триста храбрейших» долго держались. От них и потери в той сечи. Вождь пробился к ним. Взял да и бросил в гущу «трехсот» знамя. Пешие за наше то знамя проломали секирами и клевцами их персидский строй. Дальше была резня. Безумие, так скажу. Бог Войны, верно, наслал. Впали в иступление. Женщины. Наши. Больше мужей свирепствовали. Мстили за колесницы. Верховная Жрица, дочь Вождя... – Прервавшись, подросток в восхищении закатил глаза. Закачал головой как медведь. Наивно, не скрывая влюбленности. Улыбнулись уже втроем. Юный стражник границ Племена, по всему видно, очарован не только вождем, но и Верховной Жрицей: – ...Эх! Так она, сам видел, клевцами троих из того отряда знати упокоила... – Подросток, держа обеими руками сухую ветвь, рассекал воздух сверху вниз. Его командир прервал воображаемый бой, забрав ветвь. Ветвь – не то секира, не то клевец – отправилась в пламя костра. – С виду-то она слабая, как тростник, а как до дела доходит, тут держись, равных ей нет! Стрелой, мечом и клевцом. Копье ей только не по душе. Дротик хорошо метнуть не может. Ну да то мелочь. Озорство, как мальчишка она...

Костер вспыхивал, часто мигая-поддакивая неровным огнем, словно что-то говорил с одобрением. Ветер, шушукаясь, шевелил листвой. Постукивал каплями легкий ночной дождь. Свежесть ночи.

– Взяли богатую добычу. Золотом, жалование персов. Оружием в бронзе. Лошадьми – строевыми и тяжеловозами. Никто из персов не ушел. Большею частью там же, той же ночью, положили. Меньшей – выследили днями позже. Персидский отряд сгинул. До единого. Вот так-то! – рассказчик на радостях хлопнул в ладоши. «Послы» сочли долгом повторить его жест. Командир стражи счел долгом последнее слово оставить за собой:

– Трофеей поставили, как полагается. Пленных, то раненые были, одно не выжили бы, – в жертву Богам принесли. Тела павших сожгли в погребальном костре, – спокойно, по-мужски, со сдержанной улыбкой, закончил сказ старший.

– Как сказала потом... наша *Верховная Жрица*, то был не бой. То был танец. Танец племени. И песни для наших Богов. Жертвы понравились Богам. Неделю шел дождь. Не останавливаясь. Реки водой переполнились. Знак свыше! – с восхищением в голосе, нарушив порядок, рискнул добавить мальчишка к концовке старшего.

– Ты вот скажи. Одного в толк взять не могу. – Длинный посол знакомой привычкой заерзал суетливо на шерстяной накидке, снятой с коня. – Почему о такой-то знатной победе никто из соседей ваших не знает? Дело невиданное – в тайне держать такое свершение! Это ж победа ого какая!

– Вождь так постановил, – уклончиво сказал командир стражи. Подумав, все же ответил на заданный вопрос: – Персы придут. Вернутся с еще большими силами. Покуда же враги не знают, где пал их отряд, силы скопим, союз крепкий среди степных племен создадим. Только вот тогда ответим. В тайне, глядишь, несколько лет птицей пролетят.

Дождь усиливался. Капли, частя, заставили разбить палатку. Четверо мужчин сели теснее вокруг огня. Сказ о походе, в тайне сокрытом, о кровавом ночном сражении напрочь отогнал сон. Шум дождя превращался в шум прошлогоднего сражения. Шелест листьев – в крики наступающих. Пламя костра – в пожарище в лагере поверженного врага. Духи погибших воинов незримыми тенями зашли погреться к живым. Призраками иного мира воители слушали, как дела их ратные обращаются в легенду.

Сказ о Верховной Жрице племени золотых рек

– Интересно, за кем мы едем? Невеста и есть *Верховная Жрица*? – торжественным тоном продолжил беседу «посол».

– Вождь назвал в честь Матери-Богини, одним из ее имен, Танаис. – Командир стражи широко улыбнулся, блеснули белые зубы. Говорить о неведомой послам *Танаис* доставляло ему видимое наслаждение. Верховная жрица, судя по его восторженным глазам, являлась объектом поголовного поклонения в племени. – Племя ваше савроматское давным-давно в родстве с нами. Три поколения назад посол ваш остался на много лет у нас. Привез дарами дивными виноградную лозу, семиструнную музыку о двух рогах и флейте длинную. Покажу от той лозы-прародительницы виноградники. Вино, разумением моим, не такое как ваше верно-то будет. Ну да кому как. С кислинкой забористой земля наша родит ягоду. Вожди одарили того посла шкурами золотыми. Коноплей доброй, в семенах, для пророста. Ну да ты, посол, знаешь, поди, получше моего...

Лошади вздрогнули. Повернули головы в лес. Фыркнули. Заржали от страха. «Послы» как один схватили из костра горящие ветви. Трясущимися руками подняли над головами. Кто-то крупный зашуршал в кустах. На свет костра вышел зверь. На другой стороне поляны годовалый, еще мелковатый, медведь зарычал и встал на задние лапы. Любопытство привело к огню. Между ним, бурым, и людьми – с десятка два шагов. Командир стражи, не мешкая, выхватил два дротика из футляра на боку коня. Короткие дротики с бронзовым листовидным наконечником на ровном полированном древке из сосны мгновенно пошли в ход. Первый же дротик метким броском поразил легкое и сердце медведя. Зверь мотнул головой. Из раны – черная кровь. Свист – младший из стражи метнул топор. Топор угодил в живот. Вошел по рукоять. Еще свист. Второй дротик вошел глубоко в шею. Раненый прошел несколько шагов. Горганный рев. Медведь повалился на бок, подломил и сломал древки дротиков. Агония – судороги сотрясали животное. Дикая с хрипом стон умирающего зверя сдвинул с места и привязанных лошадей, и людей.

Напарник с боевым гиканьем и послы с горящими ветками над головами побежали к трофею. Охота закончилась так же быстро, как и началась. Теперь уже торжествующий протяжный вопль младшего из стражи разбудил в лесу остававшееся спящим зверье. Вытащив топор, мальчишка с огромными глазами, полными восторга, скакал вокруг зверя, поочередно то на одной, то на другой ноге. Охотничий трофей! Ценимый трофей – медведь! Право же, такого финала

ночи никто не ожидал. Дождь усиливался. Холод начинал пробираться. Четверо мужчин с жаром свеживали зверя. В ход пошли короткие кинжалы. На поляне, в дожде, в траве вскорости сгрудились чистые кости.

– Видишь! Нет, ты видишь! Только помянул имя Верховной Жрицы, как: опа – удача! Самец! Легко дался! Жертвой Богов вышел к нам! Умер легко. Бегать за ним по лесу не пришлось! – Командир стражи в счастье скалился во весь рот. Обеими руками показывал шкуру медведя. Несколько дыр от дротиков и топора несколько не портили победы. – Хороша же шкура! Прорехи заштопаем. Делов-то.

Без всякого перехода командир стражи помрачнел, вдохнул-выдохнул, отдал шкуру-трофей младшему. Вспомнив о чем-то важном, тенью исчез среди лошадей. Вернулся к костру, бросил в пламя охапку веток. Костер ожил, затрещал, поедая сухоту леса. Над огнем, обращаясь к костру, юноша шепотом читал молитву. Раскрыл мешочек. Семена конопли щедрой струйкой посыпались в огонь. Дождь, обещавший перейти в ливень, стих и прекратился. Теплое сердце медведя последовало в огонь за коноплей. Туда же, довеском, отправились переломанные, окровавленные древки дротиков. Сладкий дымок конопли впережку с запахом жареного мяса пробивался сквозь листья к верхушкам деревьев.

Мясо зверя решено не трогать. Оставить на поляне подношением Богам. Белые кости сложили в стороне срубом. Взяли только шкуру и череп. Почерневшее от золы сердце поделили на равные лоскутки. Остывший под весенним дождем разговор зажурчал горной рекой.

– *Жрица* не женщина. *Не человек*. Нет. Точно нет!

«Послы», заслышав такие слова, перестали жевать. Младший из стражи в знак согласия со словами командира закивал. Мешок с вином пошел по рукам. Крепкое, неразбавленное, с привкусом полевых трав, слегка терпкое. Темнее крови, туманило головы вино.

– Нет, *Жрица* – не человек вовсе, говорю же. Никто из племени ее давно за человека не считает, – странными словами продолжал командир стражи прерванный сказ.

– Кто ж тогда *она*? Нет у нее крови? – после щедрого глотка вина почтительно вставил слово длинный «посол». Утирая усы, увидел красно-фиолетовый след на ладони – вино не очищено от осадка.

– Крови ее никто не видел. Хвала за то Богам. Не о том суждения. Слова Жрицы всегда... – рассказчик выдержал паузу и добавил, подняв правую руку: – ... *всегда* сбываются. – Юноша громко хлопнул в ладоши. – ...И днем позже, и годом позже. Племя ждет *Ее* слов. Жадно так ждет. Не вождь уже главный среди нас, хоть и отец он ей. А главная среди нас – *Жрица*. Когда возвращались из похода на персов, уложили срезать путь через горы. Степь из-за дождей размыло. Грязь липкая под ногами. Вода сверху, вода снизу. Ну, думали через перевал выйти в нашу долину. Перевал-то тот наш. Занимало переход родственное племя. Приблизилась, значит, мы к перевалу... – Рассказчик важно вытянул ноги к костру. Слушатели ждали продолжения. – *Жрица* запретила идти через перевал. Встала поперек пути воинства на колеснице вождя. Развернула армию. Лагерем стали на холме, там, где указала нам. Неслыханное дело! Заставила ждать *чего-то*. Принялась молиться. Жертвы принесла. Народ роптал: дескать, жертв уже во множестве принесли. Боги довольны. Спешили, понятно, домой. Дожди льют. Лагерь мокнет. Беглецы, те, что от персов к нам примкнули, открыто возмущались. Порядки наши, традиции им неизвестны были. Это сейчас их не отличить от нас. Но тогда... Вождь заставил прикусить языки. Плети подоставали. Бунт намечался. Что уж там скрывать! Втихую и среди нас разговоры в недовольстве ходили. И тут как обрушится... – юноша сложил ладони раковинной, задул, как в трубу. Звук получился утробно-зловещий, – ...стена воды с огромными валунами, деревьями, грязью мимо нас из ущелья. Такой грохот! В степь рекой ушло озеро. Озеро над перевалом заполнилось водой недавних дождей. Напилося дождями, стало быть, озеро. Да и сбегало... – Командир блаженно улыбнулся, потешно закатил глаза. Серьезное лицо так неожиданно разгладилось, сделалось нежным, как одуванчик, что слушатели засмея-

лись. – *Сбежало горное озеро!* Не сиделось озеру в горах. Надоело, знать, воду сторожить. Прискучило пасти воду из года в год. Раз! Побег устроило! За компанию утащило озеро и пожитки. Камни да грязь... Мимо нас, с песней в степь, тью-тью, убежало!

Общий смех прервал рассказчика. Длинный посол, свернувшись калачиком, хохотал, лежа на накидке. Старший из «послов» утирал слезы-смешинки.

– Эх-эх! Пошли бы ущельем тем. Да и сгинули бы. Вождь тогда молвил, что там злые духи убитых нами персов обретались. Тех, что мы упокоили без почтения, без ритуалов. Злые духи нам мстили.

– Получается, что Жрица еще и *духов* зрит? – Старший посол проникся уважением к далекой и незнакомой девушке.

– Видит, само собой. Бунтари из племен, да и те из наших, кто неуважительно о ней шептали... – юноша поднялся. Смахнул грязь со штанов. Оглянулся вокруг. Стоя, в серьезности, продолжил, словно лес внимательно слушал его слова тысячами зеленых ушей-листьев: – ... жрицу на руках шесть раз справа налево и шесть раз слева направо вокруг лагеря обнесли. То знак уважения к ней. Командиры ноги ей целовали! Я б тоже тут не стоял, если бы не... Жрица. Признаюсь, роптал тогда. Прости, Мать-Богиня! По молодости грех. Глупостей за здорово-то наговорил. – Юноша сел. Вздыхнул. Спутники погрузились в почтительное молчание. Лес в согласии безмолвствовал. – Вот с тех пор племя уложило – Жрица не человек. *Жрица*, она... – голос перешел на шепот, – она, она и есть сама *Богиня-Мать!*

– О!

– Ну ты и сказал!

Юноша, махнув рукой на восклицания гостей, твердым тоном продолжал:

– *Покровительница племен.* Так-то. Наша защитница. Пришла в нужное время. Нас крылом, заботой укрыть от бед. Вот как племя думает. Ну, представь, во что нас озеро превратило бы? Там камни в три моих роста шутейно плавали. Плавали и стучались друг об друга. Как кубки на пиру! Деревья в пять обхватов озеро в щепки играючи на раз разбивало. А глина-то? Глина бы нам рты быстро склеила...

Послы закивали. От них и полетели восклицания:

– Тут и гадать не надо. Ясно.

– Точно, духи персов сдвинули озеро. Они и потоп устроили. Смерти хотели вам. Отмщения.

При слове «*отмщение*» краска густо залила щеки «послов». Видно, жар костра разогнал кровь. В ту ночь за толками да пересудами никто не уснул. Одиночка-медведь, тайное сражение, сбежавшее озеро, крепкое вино вконец развеяли скуку недавнего холодного дождя.

– Имя как твое, командир стражи? – спросил старший «посол» уже на рассвете. Юноша, завершив положенную молитву Богам, опустив руки, что встречали светило, не оборачиваясь к вопрошающему, негромко ответил:

– Колак имя мое.

Четверо попутчиков занялись неспешно сборами. В холодных утренних сумерках послы не замечали пары выделанных черепов – белого и желтого, человеческого и звериного. Командир стражи заботливо укладывал в шерсть медвежьей шкуры вычищенные до блеска черепа, покрытые пятнами запекшейся крови наконечники дротиков. Старательно складывал. Обмотал накрепко сверток красной веревкой. Стянул. Украсил затейливым узлом. Впереди неблизкий путь через долину трех золотых рек.

Глава 4. Разоблачение

– ...Еще, вождь, твой командир стражи... – сбивчивые слова плутали и запинаясь друг об друга. «Посол» пристально смотрел в лицо вождю, открывал как рыба рот, но звуки не покидали горла.

– Продолжай. – Властный мужчина лет сорока пригнул голову, вслушиваясь в путанную, давно уже нетрезвую речь «послов». Длинный стол плотно уставлен угощениями. От края до края, вместив тридцать «добрых» мужей.

– ...Не оказал должного уважения. Нам, послам могущественного племени. Первое, что он...

Второй «посол» непочтительно прервал речь главного:

– Колаксом назвался.

– Подожди ты... Так вот, первое, что сделал твой командир... – «посол», запнувшись, вновь зашевелил как рыба мясистыми губами.

– Спросил, кто вы?

На заданный насмешкой вопрос вождя «посол» Анахарсис важно вытянул короткую шею. Пьяный румянец, казалось, покрывал его до пят. Всё же, несмотря на туман в голове, твердо продолжил:

– Вождь, выслушай нас. Он убил стрелой друга. Проводника из озерного племени.

– Пряма так сразу и убил? – кулаки вождя сжались.

– Проводник без оружия у реки стоял. Слова сказать не успел. Сразу в глаз, насмерть... С дальнего полета, с двухсот шагов. Метко, с твердой руки. Умышленно Колакс твой пустил стрелу. Ну разве так привечают в почете гостей?

Вождь племени золотых рек недоверчиво посмотрел «послу» в глаза. Затем медленно повернул голову. Рослый муж лет тридцати, не теряя важности сана, низко нагнул голову, готовясь исполнить приказ. Русые, недавно вымытые длинные волосы, повязанные синей лентой, благоухали отваром коры ели. Красная рубаха. Клевец из дорогого железа за поясом, обух оружия в резных золотых узорах, золотая же пряжа – грифон, расправивший крылья.

– Найти мальчишку Колакса. – Вождь осерчал. В приказе гнев.

– Вождь, в пути он. Возвращается на границу, – последовал ответ. Знатный обменялся взглядом с первым мужем племени.

– Пошли за ним. – Правое веко вождя дернулось и прикрыло глаз.

– Вернем, вождь.

Рослый муж вышел из шатра.

– Вина, послы? Самого лучшего, с настойкой из лесных ягод? – тон с гневного переменялся на радостный, приличествующий встрече дорогих гостей.

Виночерпий откупорил мех. Перелил вино в глубокую чашу из золота. Следом откупорил еще один мех, размером поменьше. Из него, высоко подняв, не разбрызгивая, долил в чашу синий раствор. Добавил жидкого меда. Веткой папоротника в чаше закружил ароматную смесь. Обнес гостей, наполнив до краев кубки.

– Ох, и крепкое вино у тебя, вождь! – уважительно закивали послы.

– За обиды посольские... – начал было неуверенно старший из «савроматов».

– Будет вознаграждение. Завтра утром получишь сполна. – Вождь давно ожидал явленного в корысти вопроса. Быстро перехватил нетрезвые слова. Встал. Церемониально, с шумом, обнял послов. Похлопал с силой по плечам. Тридцать мужей знати подняли высоко кубки. Кто медный, кто белый череп врага, кто из серебра, вождь же – из золота.

– За *родных* послов. Принимаю ваше предложение. Невеста отправится в путь. Савроматы и племя золотых рек сплочены издавна родством. Вы подсобляли нам, и мы не оставались подолгу в долгу. Так было. Так будет!

Стол ломился от праздничных угощений. Кабан, добытый охотой, мясо баранов, мясо лошадей, лепешки из проса, мед горных пчел, запеченные голуби и лесные ягоды. Не до яств только «послам». Хмельные головы склонились. Длинный «посол» раскатисто храпел, подперев щекой блюдо с обглоданными костями кабана.

– Пора. Воздали сполна духам убиенных. Что ж они сделали с вами? Дерзкие людишки озерного племени. Вправду надумали нас одурачить? Уж и не ведал, что озерные имеют таланты в обмане, – подвел итог встречи злым шепотом вождь. Закачал головой. В безразличности омыл руки в чане с чистой родниковой водой.

На руках и ногах спящих «послов» тем временем туго стягивались ремни.

– Как сыч во тьме. Только что крыльями не машет. – Вождь стоял над телами озерных людей. Мирный храп связанных разбойников тешил собравшихся за столом. До того ж пировали под суровыми взглядами вождя. По уговору, никто из знати не заговорил с прибывшими. Молча суровые люди глотали с нежным мясом чужие похвальбы, запивали сытным супом ложь странных людей про отчаянные схватки со зверьми. Кислили лесными ягодами рассказы о потопах, жаре и прочих невзгодах в дороге дальней. Удивленно, в молчании поднимались брови, когда лились дивные легенды о грифах, стерегущих золото. Конца и края не было терпкому вину и витиеватым рассказам «послов».

Теперь же пирующие хохоча предлагали известные виды дознания до правды.

– Вождь, неспешно огнем их проверим.

– Вот-вот, потом сварим в чане.

– Вождь, а дозвожь мне! Плетью длинной? Медленно так шкурку сниму.

– Может, на кол посадим?

Вождь молчал, с ответом не спешил – разглядывал «гостей». Разглаживал в раздумьях бороду. Ладонью водил по усам. Закончив с думой, поднял правую руку и проговорил:

– Думаю, племя, *знак* то. *Знак!* Дерзкие людишки убивают знатных. Неслыханное дело! Убивают, не страшась. Жизней лишают, зная обычаи родства. Кого положили? Потомков славных савроматских вождей! Поднялась же рука. Боги выбрали «худых» озерных людишек для очень важных вестей. Жадность внушили всеильные Боги, отняли ум, подвели к лихому. – Вождь махнул в сердцах рукой. Выдохнул в потолок. – Грабят и везут их же дары нам! Ну не безумие ли? Были бы живы настоящие савроматы, не отдал бы дочь...

Крики одобрения сказанному неслись со всех сторон. Племя дорожило Жрицей. Застучали гулко пустые кубки-черепа по дереву стола. Тусклый свет факелов, прерываясь, мятежным пламенем выхватывал недовольных.

– Отдал бы другую знатную. Но такой *знак!* Боги волю кажут нам. Никто в здравом-то уме не посмел на равную дерзость. – Вождь закачал головой. – Выдать себя за знатных! Безумство. Посмотрите на их рожи! Дерюга! Где на лицах складки ума? – Вождь племени золотых рек усмехнулся. – Ни одной наколки «добрых», ни одной завитушки савроматского узора на руках, груди, ногах. Где ж вы видели такую степную знать?

Грозовой раскат смеха тридцати суровых мужчин не смог пробудить связанных «послов».

– Вот что... – Вождь снова взялся за бороду. Нахмурилось властное лицо. – Вернем-ка их, – первый муж племени указал правой рукой на связанных, – жертвой Богам. Это *знак* нам. Раз в таком образе прибыли божественные вестники, значит, уважим тех, кто послал их к нам. Не пытаться их. Боги, покровители наши, обязаны увидеть, что мы приняли весть...

Холодная вода щипала лица. Волной окатила. Еще раз окатила. Ледяной поток разбудил «послов».

– Ты вот мне скажи, Анахарсис...

К холоду и сырости добавился солнечный свет. Полуденное солнце тревожно заглядывало в глаза непрощенных гостей. На высоком помосте, на лобном месте поселения, послы лежали связанные, непокрытыми головами к ногам вождя. Затаив дыхание, вокруг лобного места кругами сидели знатные племени – «добрые» люди. Тысячи голов в островерхих войлочных шапках.

– ...Что ж ты, «посол», позволишь узнать, выбросил это послание? – Вождь поднял руку с развернутым кожаным свитком. – Вез, вез. Как ты вчера нам поведал? Попомню тебе сейчас. – Вождь поправил на голове высокий красный в золоте убор. – Тонули в реках, мерзли? Зверье всякое хищное вас неожиданно тревожило. Столько лишений в странствиях приняли, а тут во владениях наших взял да случаем обронил? Как так, «посол»? В куст облепили, сказывают, кинул. Чем та облепила наша тебе, «посол», не приглянулась? – Вождь медленно сел в раскладное кресло, опершись обеими руками о посох. Речь недобрым тоном обратилась в допрос. Племя молчало. Среди мужчин, поджав под себя ноги в штанах, сидели знатные женщины. Знатные степного племени не расставались с оружием никогда. Даже сейчас, вокруг лобного места. Женщины и мужчины привычкой поглаживали с лаской, словно бы живых, клеветы и клинки. Те же, кто был богат бородой, подражая вождю племени, разглаживали волосы.

– Ты, Анахарсис, молви нам, хозяевам этой земли, что там описано? На каком таком языке послание? Зачем ты вез вещь эту нам?

Двое лежащих голых людей издавали звуки, похожие на мычание. Благостное гостеприимство с вином сменилось ледяной водой из кадок. Стража рывками под руки подняла и усадила «послов». Длинный «посол» рыдал, позабыв о достоинстве. Слезы катились по щекам. Смерть совсем где-то рядом коротала время.

– Не наша то вещь! Не наша... – Анахарсис пытался прикрыть наготу. Да вот только было нечем.

– Хорошо. Не буду в споры входить с уважаемым «послом». – Вождь ударил несколько раз посохом в настил. Стража ввела обнаженного, крепко сбитого мужчину.

– Анахарсис, а это, позволишь узнать, *кто*? Только не говори, что ты и его не знаешь. – Вождь посохом, тыльной стороной в бронзе, той, что касается земли, ударил под левый бок пленника. – Знаешь, поведал он нам, дня так два до твоего явления... *доброй волей* поведал... – Вождь выдержал паузу. Властно взглянул в глаза «послам».

– Послали ваши же сотоварищи следить за вами? Это как понимать, «*савроматский посол*»? Вы что же, друг другу в банде лихой не доверяете? Озерные люди лгут *озерным людям*? Перехватили друга вашего в тот же день, как и вас, *неуважаемые послы*. – Тон вождя племени золотых рек сменился с недоброго, но почтительного, на злой и угрожающий. Резкий переход не сулил снисхождений.

– Вождь, знаешь правду, зачем вопрошаешь нас? – старший из «послов» скинул с плеч спасительный обман.

– Да уж ты не таись – поведай, – примирительным тоном увещевал вождь. – Мы тебя послушаем. Замысел ваш в дерзости немалой – оценим. Так же сочно, ладно, словами сплети, как нам вчера за вином излагал. Племя пришло выслушать вас. Посмотри, сколько достойных людей в рядах... – вождь указал правой рукой на сидевших.

Двое голых пленников огляделись вокруг. Смерть приняла вид тысячи незнакомых глаз. Мужских, женских, юношеских, молодых, насмешливых, хмурых, любопытных. Иголками взглядов впивалась смерть в связанных людей. Холодно, с отчуждением, с четырех сторон надзирала смерть за неудачливыми лгунами. Позор, страх и ужас загнанных зверей являли собой «послы». Они сбивчиво заговорили. Но не так, как вчера. Нет в голосах торжества. Нет надменной лени в растянутых словах. Быстро заговорили. Не подбирая слов. Отчаянно тараторя, как две сороки. Перебивая друг друга. Не делясь порядком степенности. Третий пленник мол-

чал. Склонил голову. Тоска предчувствия неизбежного раздавила плечи, сдавила грудь и при-
неволила прерывисто дышать. Шепот удивления пробежал по рядам племени. Таких «послов»
племя и вправду еще не видывало.

Глава 5. Прощание с племенем

Мужчина лет сорока и девушка лет семнадцати стояли на пороге деревянного сруба. Нежно обнявшись, два близких человека смотрели на догоравший день. Солнце запуталось в дальних горах. Желто-красный диск скрывался за хребтами.

– Полсотни семей решило породниться. Тебя не радует? Столько свадеб весной, – лаской говорит мужчина.

– Радует, – отвечает ему девичий голос.

– Тебя не хотят отпускать. Завтра увидишь, что надумали люди.

Девушка резко обернулась. Убрала его руку с плеча. Теперь она стояла напротив мужчины. Очень близко. Глаза в глаза.

– Твоя работа, отец? – ее голос дрожал.

– Нет. Не моя. Старейшины, командиры, знатные, жрицы, да что там – все! *Все*, ты слышишь? Поголовно *все* не хотят отпускать тебя.

Солнце, уходя за новым утром, освещало спокойное лицо мужчины. Глаза сощурены в добрую хитрецу.

– Со мной быстро управилась. Глянем, как справишься с народом. Кто ж отпустит тебя? – Вождь усмехнулся в бороду. – Для них ты *Дух Богини* в живом теле. Так много сделать для людей и уйти искать счастья у какого-то там дальнего моря? Боюсь, завтра в цепи тебя приоденут, как тех пришлых послов, – улыбка неровно сложилась на суровом лице. Как молодой проросток на старом дереве.

– Не ищу счастья. Счастье здесь, с вами. У огня очага. – Девушка крепко обняла мужчину. Трепала волосы. Так шалют дети малые со старым сторожевым псом. Мужчина не сдавался, упорно тянул свою правду.

– Савроматы проживут славно и без тебя. Уважим их. Обид меж нами не возникнет. Намерились советом «добрых» выслать в обмен за тебя двоих девчат из знати. Те и вызвались... сами. Доброй волей. Такое решение. Цепи готовят тебе. Ну, что, предупредил бунтарскую головушку? Не буду перечить воле людей.

Солнце, распутав в кронах деревьев последние лучи, поспешно скрылось за горами. Родные люди разошлись. Вождь отошел шаркающими шагами в почерневший от давности дом. Девушка надела красный головной убор в оленях и с наверхием – хищной фигурой грифа в золоте. Медленно направилась, не оглядываясь, к дальнему срубу у ворот деревянного замка.

Замок вождя племени золотых рек запирает центр значительного, в форме капли, острова на реке. Вокруг острова река расходится водами из берегов и разливается озером. Остров порос густым хвойным лесом да колючим облепиховым кустом. Папоротник и коноплю высадили жрицы. Под тенью деревьев, во влажности леса поднимаются целебные белые грибы. Грибы, папоротник, коноплю используют во время обрядов. Еще же коноплю жнут и ткут из нее мастерски рубахи. Мягкие белые рубахи, неотличимые от льняных.

По пологим берегам остров шелестит нетоптанным, в рост человека, камышом. Медленные потоки широкой реки не мешают камышу. Густые спутанные заросли укрывают стражу – все тех же зорких мальчишек с кривыми наборными луками. Лес полон секретов. Высоко на деревьях сбиты скрытые смотровые площадки, столь же пригодные для нападения сверху, сколь и для обзора окрестностей. На южном, северном и западном краях острова прорыты тайные ловушки по берегам. Приготовлены как для охоты на крупного зверя – неотличимые от цвета трав глубокие ямы с заостренными и обожженными жердями-копьями. Только восточный берег гостеприимен – на нем же указатель тропы до замка, высокий, плоский и отесанный плитняк. Путеводный камень сходствует с фигурой воина и виден с противоположного берега.

Под ним, огромным, заводят по ночам костер. В ночи в неверном свете звезд может показаться, что из лесу выходит смотром желтый гигант.

На опушке леса, на возвышении рукотворной круглой насыпи, уложен правильный квадрат охранных стен. Острым, неструганным частоколом из вековых елей. Бревна стен замка в обхват плотно поджаты друг другом, без наклона и в ровности сложения. Каждая из сторон замка мерой в тысячу локтей. Главные, восточные, ворота украшены узором: резцом мастера глубоко вырезаны олени. Пред ними три плоских камня – высокий и тесно прижавшиеся к нему два поменьше, братьями малыми, по бокам – стражи ворот. Резервные ворота – на запад. Вымощенная гладкими речными камнями дорога от ворот до ворот разделяет квадрат замка на половины. В центре – сложенный из вязанок ровных ветвей куб высотой в два роста. Куб-святилище Богу Войны венчал железный меч острием в небо. Справа и слева от святилища разновеликие срубы – жилища вождя, жен, охраны, склады припасов и оружия. У срубов гордо реяли штандарты отрядов племени: желтые, красные, синие. Вынесенные по весеннему времени радуют пестротой. На ладно обтесанных полах жилищ – шитые узорами подушки, шкуры, складные кресла и столики, жертвенники.

Главные ворота на восток никогда не затворялись. Ничто не мешало солнцу будить вождя племени. На запад выносили, головой вперед, умерших после положенных традицией обрядов. Малые, резервные, ворота, те, что на запад, держали заколоченными.

По основанию возвышенности с укреплениями замка расположились срубы знати. Кольцами, с разрывами, срубы опоясывают замок. На плоских крышах земля с зеленой травой. Некоторые особо горделивые срубы – совсем черные от времени, иные – свежие, в живой коре, не позднее года набранные. Но ни замок, ни срубы не видны за кронами хвойных.

Ровная тропа от камня-гиганта до замка, достаточной ширины для разъезда двух всадников, петляет среди деревьев. Петли ее неторопливыми изгибами заставляют гостя вдыхать ароматы мяты, лесных трав, цветов и леса. Свет солнца сквозь ветки, разрывая сумрак леса, лишь едва освещает тропу. На половине пути гость острова неожиданно для себя оказывается на ровной круглой площадке, вырубленной меж деревьев. Среди травы бьет чистый родник. Мягкая, с кислинкой на вкус, вода бережно собирается в липовые кадки. Место рождения родника огородили и устлали камнями, сделав глубокою запруду. Наполнив запруду до краев, чистая вода ручьем убегает в лес поперек тропы. Солнце как в зеркале отражается в запруде. Блики света ослепляют после сумрака леса. Источник и даже самая тропа считаются священными для людей племени. Называют запруду нежно: *ладошка с водой*. В дни празднования новой весны по тропе, совершив омовение в запруде, с песнями, знатные, жрецы и вождь ведут жертвы к алтарям Богов. У камней-стражников приносят жертвы Матери-Богине, у Алтаря Мечу – Богу Папаю.

На острове жительствоуют только люди. Гордость и кость племени. Нужно добыть право жить на острове. Племя дарует его только за заслуги. На общем сходе наградой дают новый сруб достойным. Не пускают никакую скотину жить среди священных мест. Даже сторожевых собак. Племя золотых рек богато не только намываемым золотом. Медь тоже в их земле. Железо драгоценное из гор плавят в печах, выбитых в камнях. Но дымные печи для плавки, печи для еды – ниже по течению, в почтительном удалении на противоположном берегу. Черный дым костров ветер уносит прочь от острова. Многочисленная скотина и гордость племени – коренастые, низкорослые, выносливые лошади – пасутся перегонами по долинам да в вечно холодных горах.

И без того щедрая река весной пополнялась дождевой и талой водой. Поднималась уровнем, но остров оставался лодкой среди вешних вод, переполнявших озеро. Летом река отступала, но не теряла глубины, обнажая лишь круглые валуны-пороги на середине вод. Добраться до замка можно было только вплавь. Вода реки мешала скрытому нападению врагов. Странное дело, на острове не водилось гнуса и змей. Хвойные добавляли речному воздуху свежести.

Племя золотых рек считало Каплю-остров священным местом и никогда не оставляло надолго замок. Здесь, на земле посредине речных вод, праздновали свадьбы, провожали померших, лечили хворых и молили Богов.

Новое утро занялось суматохой. Топот ног летит с четырех сторон. К замку сходятся люди племени. Знатные – в первых рядах. Немалое собрание заполнило остров. По тропе прибывали мужчины и женщины. Как по обычаю положено, являлись не с пустыми руками – с оружием. За кожаными поясами – кинжалы, мечи, клевцы. Скоро и лес зашумел разноголосицей. Заполнился остров племенем. Несколько тысяч разных людей намереваются требовать ответ. Тревожный гомон сходствует с жужжанием рассерженного улья пчел. Улей готов решительно отстоять свое.

От растревоженного пчелиного роя, как бы нехотя и через себя, отделяются семеро выборных мужчин и две, в возрасте, женщины, все из знати. Женщины первыми несут в руках священный папоротник, мужчины, позади, как и предсказывал вождь племени, – цепь. Но далеко зайти выборные не успели. В воротах замка угрюмую процессию встретили вождь и верховная жрица.

– Далече замыслили, *народ?* – Вождь, опираясь на короткий дротик с зазубренным костяным острием для рыбы, разглядывает необычное стечение людей. – Я вот по рыбу... – вождь замолчал выжидающе.

– Не отпустим! – в ответ, без долгих предисловий, с подготовкой, одним голосом – выборные. Женщины кладут на тропу зеленые ветви. Цепь тяжестью бронзы остается сжатой в крепких мужских руках.

– Да? Рыбы-то много. Плавать-то умею. – Вождь улыбается, приоткрыв в улыбке ровные белые зубы.

– Не до шуток, вождь, – в серьезности немедля полетело из толпы.

– Не отпустим! – обеспокоенным хором, повторяясь, поднимают разновеликие голоса.

– Да кого ж не отпустите? – Дротик в ладонях вождя завращался. Медленно, справа налево, буровя землю.

– Жрицу не отдадим верховную, Танаис разлюбезную. Сход племени порешил. Чтимую жрицу Танаис... – какой-то рьяный молодец, крича густым голосом, отважился уточнить за собравшихся.

– Не отдадим! – гулом голосов подхватило и разнеслось по лесу.

Вождь, сощурился глаза, как на яркое солнце, поворачивается к верховной жрице. Девушка одета в торжественный наряд. Ярко-красный высокий головной убор в золоте. Красное платье поверх белого платья. Золотая цепь. Губы твердо поджаты. Гордая осанка. Два шага вперед. Лицом к выборным. Еще два шага вниз по холму. Обходит группу выборных, поднимает ветви папоротника, трогает цепь. Возвращается к воротам. С достоинством снимает головной убор, укладывает у ног ветви линией вниз по склону холма. Достает из ножен в полном молчании кинжал. Сжимает в левой руке черную косу. Коротким резким ходом отрезает косу по пояс.

Толпа ахнула. Тем же, кто, по удаленности, не разглядел происходящего на холме, участливо передают шепотом. Запоздало волнами ахает и лес.

Жрица подняла отрезанную косу над головой. Обводит взглядом людей по холму.

– Народ мой любимый! Дар вам. Берегите. Буду с вами. Всегда! Заботиться буду о вас, где бы ни была! *Всегда!* После смерти обращусь к вам духом. Обещаю вам! *Клянусь!*

Первыми отзываются в чувствах женщины. Без стеснения плач полетел вверх к воротам. Пчелиный улей загудел, разворошился, распался на части. Решительность сменилась полным замешательством. Цепь звонкой бронзой пала на тропу.

– Почто нам савроматы! Где они, а где мы! – как перебранкой в ссоре, адресуясь не только к вождю, но и к собранию.

– Нам-то как? – чуть не плача, поверх загрузивших голов голосит густой баритон.

– Ты ж не человек. *Ты Богиня!* Наша. Мать-Богиня! – крик поднимает какая-то затуманившаяся в растрепанных волнениях женщина, в немалых годах, по голосу судя. Странные слова, в согласии, дважды вторят хором.

– Не можешь покинуть нас! – шаткими голосами отзываются мужчины. Лес ухает недовольными совами. Верховная жрица кладет к ногам отрезанную косу. Надевает убор положенными в церемониях двумя рывками: от живота до глаз и на голову. Улыбается. Вздыхает. Плавно, не спеша, короткими шагами идет вниз по холму к народу племени.

Вождь с нескрываемой грустью следит за красным убором. Соленая вода, так некстати, сквозь ресницы мешает видеть. Расплывается в красно-золотые круги высокий расшитый убор. Покачивается золотыми стрелами среди растрепанных голов да и исчезает в реке восторженных людей.

Глава 6. Перебежчик

Конец зимы. Империя Чжоу. Великий город Шан

– ...Народ мой многое в несправедливости претерпел от чжоусцев. Превращают мужчин в рабов. На полях Шан заставляют работать. Принуждают женщин наших. Грабят поборами торговцев. Хотя несхожи мы с вами обличьем, но потомки все ж одних кровей. Родня! Пришлые мы, как и вы. Много поколений назад прибыли с севера, откуда и вы сейчас... – Силой налитый одноглазый воин говорил сбивчиво и торопливо. Лицо справа налево пересек давний шрам, от брови до нижней губы. Уродливый след удара клинка развел части лица багровым рубцом. Оставшийся левый глаз белел, как выкатившееся яйцо. Озирался часто, через слово заглядывал жадно в чужие глаза, пытаясь понять настроение незнакомых правителей могущественного врага.

В шатре, вокруг очага с костром, двадцать командиров, старший из них по власти и званию занимает почетное место в раскладном кресле с золотым тиснением в середине шатра. К нему и обращался перебежчик. Командиры большей же частью стоят, заслоня ковры и шкуры зверей, развешанные на стенах шатра. Вождь врага молчаливо, не перебивая, слушает. Пригнул голову. Лица не видно за длинными косами каштановых волос – только островерхий черный убор вождя степных племен, с золотыми бегущими оленями да наверху – головой хищной птицы. Муж ворошит костер древком дротика.

– Клянусь честью моего народа! Откроем северные ворота, те, что сохраняем. Ночью, по условленному знаку, отворим. Как увидите огни на башне – выступайте. Отряды ваши захватят стену. Потом спящий город. Ратники же наши с вашей знатью скрытно займут, без штурма, цитадель на горе. По переулкам живо выйдем в тыл охране дворца. Город падет. Обещаю! Падет! Императора Ю-Вана выдайте нам. Обменяем живого или мертвого на щедрый выкуп у сына-наследника. То будет ваша союзная благодарность. Больше ничего не надо. Победа общая...

Вождь поднял правую руку, прерывая поток сбивчивых слов.

– Ладно вещаешь. Замысел твой нам интересен. Быструю победу сулишь? – покачал головой. – Конец войне? Дай обдумать. – Вождь пришлых народов поднял голубые глаза. Твердый, ясный взгляд. Дротик прекратил ворошить угли. Перебежчик намерился было что-то поспешно возразить, однако, осекшись на полуслове, поклонился и вышел из шатра. У очага остался лежать его меч в ножнах.

Как поговору, двадцать командиров и вождь повернули головы куда-то в темноту шатра. На огонь очага вышла высокая, статная девушка лет восемнадцати. Фигурой как подросток. Зеленые глаза. Черная до пояса коса. Светлое лицо с правильными чертами. Гордые дуги бровей. Нитка сжатых губ. Вооружена: за поясом по обоим бокам два в железе кевца. В несколько слоев воловьей дубленой кожи, с виду простая – без украшений, с накладками из бронзы, – искусно собранная кираса. Черные штаны из кожи вправлены в короткие сапоги. Широкий пояс с золотой пряжкой в виде оскалившейся морды рыси. Обычный воин из женщин знати. Что делать такой на значимом собрании вождей племен и старших командиров?

– Что скажешь, Верховный? – с почтением в вопросе «главнокомандующий» обратился к девушке. Встал с кресла, развернул его, приглашая юную воительницу сесть. Никто из присутствующих не воспротивился столь странному оказанию чести простому воину. Молчание прерывалось треском горящих брусков. Сев в кресло вождя, не спеша развернула кисет из ягнячьей кожи, расшитый мелкими самоцветами. Просыпала семян конопля в огонь.

– Засада, – уверенно ответила дева, именуемая Верховным. Обращаясь к стоящему перед ней вождю, продолжила: – Вождь Уту, то подлый замысел врага. Хотят перебить нас во тьме города.

Дымок от сгоревших семян прозрачным кружевом поднялся к потолку шатра. Девушка смотрела снизу вверх на вождя. Тот задумчиво кивнул, прося продолжения. С разных сторон шатра послышалось одобрением:

- Вот-вот. Нет им доверия. Подлый люд.
- Понапрасну людей положим.
- В лабиринте домов быстро с нами справятся.
- Поди, нагородили капканов посреди улиц, как тогда в Вэнь...
- С крыш камнями закидают.
- Сгинем от рук мальчишек...
- Да не родня они нам!
- Шавки у объедков.

Одобрение вождей и старших командиров не заставило ждать. Единодушные. Сомнений в рядах не было. Подняв правую руку, Уту призвал к тишине.

– Так что предлагаешь, Верховный? – Уту, вопрошая, подобрал крайне уважительную интонацию. Присутствовавшие замолчали. Теперь уже рослые мужи смотрели выжидающе сверху вниз. С интересом к сидящей.

– К нам может вскорости подойти имперская армия Чжоу. Времени особо у нас нет. Город нужно брать. Подкопов под стены не сделаешь, как под Вэнь, – почва в глубине в камнях. Сами знаете, пробовали. Цитадель на скале. Долго будем прорубать породу. – Помолчав, обводя взглядом вождей и командиров, дева-верховный громко добавила, словно намечалось так давно ожидаемое веселье: – Примем предложение. Перехитрим.

Вождь Уту удивленно поднял брови:

– Вот как?

Девушка продолжила решительно, обращаясь к совету вождей и командиров. Зажурчала в ее голосе горная речка:

– Ночью, как откроют ворота, мы, как бы в страхе от прибывающего врага, покинем лагерь. Бросим обоз. Волон. Бросим съестные припасы. Разложим еду на лобном месте. На столах выложим пиршественный ужин. Бросим посреди лагеря казну. Заманчиво раскидаем добро и уйдем. Так же, как мы уже проделали у Хаоцзина. Чжоу есть Чжоу. Те, что укрылись в городе, не обучались у нас под Хаоцзином. Для них то впервой будет...

Смех накрыл волной шатер. Мужья смеялись в голос. Выждав тишины, уже тише, почти шепотом:

– Пойдем, но не на штурм, а прочь от города. Снимем осаду. Шатры. В шатрах укроем отряды в полной готовности. Сделаем четыре ямы в рост, по сторонам. Накроем сверху фашинами. Присыплем землей. Дыры подготовим, чтоб воздух входил. В каждую яму – по сотне тяжеловооруженных из знати с клевцами, секирами, мечами – будут загонять «гостей» к центру. Конные же, с луками, по пять колчанов стрел на каждого, будут ждать двумя отрядами, по две тысячи в каждом, за рекой, в зарослях и в лесу. Отрежут отступление пришлых к городу. Не дадут помочь тем, кто в лагере умрет под нами...

Замечание старшего командира северных племен Нети разорвало паузу в речи Верховного:

– Гляньте-ка, Тишпаку земляной работы привалило. Который то раз?

Хохот накрыл шатер второй волной. Певец Тишпак из рыжеволосых бугинов известен каждому в степной армии. Многими талантами отмечен. Не только голосом явил себя в походе, но и удачными подкопами.

– На живца, значит, возьмем? Снова возьмем? Уже, считай, что в *третий раз*? Как говорит мой брат Пасагга: «*Кто из нас подавится лепешкой с сыром?*»

Пасагга, рядом стоящий, заулыбался.

Первый раз ловили на храбрость у стен Вэнь, второй – на золотую «лепешку с сыром» у Хаоцзина, а в этот просто *на еду* ловим? Воистину Чжоу не научится на войне...

Но девушка перебила вождя:

– Уту достопочтимый, мертвецы Чжоу не смогут поучить Шан, при всем их желании...

Усмешка, как огонек по жухлой траве, пробежала по лицам. Вождь Уту хлопнул в ладони. Прикрыл глаза. Засмеялся. Поначалу сдержанно, а затем и по-мальчишески звонко. Засмеялись в кулаки и старшие командиры.

– Мать-Богиня? Верховный? Волей твоей дошли до стен города Шан. Уж не думал, что брать буду штурмом столицу Чжоу. Счастлив. Благодарю за честь великую.

Вождю лет двадцать пять. Крепкого сложения. Высок. Вытянутое ладное лицо. Нос с горбинкой. Озорные веснушки. Широкая, открытая белозубая улыбка. Смеясь, обнял и прижал с силой рядом стоявшего вождя бугинов. Братские головы дружески сдвинулись.

– Верховный, твои слова так не похожи на пустые прорицания гадалок. Сколько ж ненужных людей надевали святые одежды! Что за божественный дух вселился в твое тело?! Восхищен.

Мужи закивали. В возрасте муж, прихрамывая, выступил к костру. Вождя хурритов не нужно представлять. Дед Агар ответил за собрание:

– Смудрим. Дело-то знакомое. Двадцать дней потеряли у клятого города. Скоро весна. Самое время переломить хребет Чжоу. Выманим крыс из каменного логова. К приходу армии императора город будет пуст.

Вождь Уту обошел очаг. Поднял с настила меч перебежчика. Вынул из ножен. Оглядел до сияния наполированную бронзу. Провел ладонью по острым лезвиям. С ухмылкой оглянув присутствующих, громко крикнул:

– Стража! Зовите перебежчика...

Глава 7. Западня

Покинутой пустыней – лагерь кочевых племен. Не слышно привычных переключек, бряцанья металла, ржания лошадей, лая-перебранки сторожевых собак – шумы сменил тревожный шорох ветра. Костры без дров угасли. Разноцветные знамена-штандарты, грозно развевавшиеся двадцать томительно долгих дней осады, исчезли. Странное затишье поселилось на заброшенных квадратах полей вокруг крепостных стен. Запах кочевья – пота людей и животных – сменился запахом гари, приносимой ветром со стороны дальнего леса. Тишина удивляла, давила и устрашала.

– Ничего не понимаю. – Грузный, полный мужчина невысокого роста вглядывался в лагерь врага. Свежая одежда – длинное, серое в полоску платье. На голове плоский, блином, убор из шерсти. Накрашенные черной краской брови и ресницы. Золотые украшения на голове, руках, шее. Мелкие черты лица. Бегающие, беспокойные карие глаза. К нему, ласково по-собачьи заглядывая в очи, нагибаясь, жались несколько крепких мужчин. Вид их жалок, впалые щеки, красные глаза. Голодные, уставшие, чумазы.

– Где *они*? – Толстяк схватил в гневе ближнего согнувшегося в поклоне подчиненного. Желтая от грязи рубаха с треском порвалась от крепкой хватки.

– Что вы стоите? Послать разведчика! Пусть объедет лагерь. Ну же! – С проворством, неожиданным для такого телосложения, толстяк начал спускаться по кривой лестнице с тыльной стороны крепостных стен. Свита последовала за предводителем. Оставив лестницу, толстяк направился к городским воротам.

– Сунь-Ли, ты был у врага? Вправду был у демонов? Не врешь? Договорился с ними?

Одноглазый «перебежчик» ожидал толстяка у ворот. Рослый мужчина съезжился. Будучи выше толстяка на голову, разом поник, как трава на ветру.

– Император, как вчера... В точности описал. Император, договор заключили – ночью по знаку раскрыть ворота...

Толстяк обеими руками оттолкнул одноглазого.

– Ворота распахну-у-у-уть! – во весь скрипучий низкий голос резко скомандовал император. Он обращался поверх голов старших командиров к полусотне стражей главных восточных ворот города Шан. Ворота, обитые листами меди, тяжелые, в два роста, отворились без скрипа в петлях, выпуская императора и свиту.

– Зачем готовились? Город перекрыли в баррикадах. Ночь в волнениях провели? – Император впервые просиял. Морщины на лбу разгладились. Вдохнул полной грудью воздух с гарью. Раскинул широко руки, словно для объятий.

– Враги сгнули! Сгнули! – безбородое лицо затряслось в беззвучном смехе. Затряслось и обильное тело правителя. Тем же громким скрипучим голосом в поля с дыхания прокричал:

– Труссы! Нахлебались вдоволь крови Чжоу? Бегите! – Вспомнив о недавнем приказе, резко повернулся. – Генерал Сунь-Ли! Где разведчик? Мне сколько раз повторять? Садись сам на коня! Живо!

Конь появился, ведомый знатными. Белый, отошальный, едва передвигающийся, из последних, не съеденных за время осады. На глазах горожан вчерашний «перебежчик» робко затрусил в недалекий путь, три полета стрелы, до страшного лагеря врага. Стены города наполнялись народом. Женщины, дети, редкие старики. Карабкались по лестницам на крепостные стены, сложенные массивными, плотно подогнанными блоками песчаника. Осажденные махали руками в поля, обнимали друг друга. Плач вперемежку с радостными криками падал с высоты стен. Кошмар войны и голод отступили! Отошли вместе с армией врага.

Потянулось время. Крики радости стихли. Разведчик встал перед первыми шатрами лагеря. Спешился. Взял коня под уздцы. Исчез среди шатров.

– Стража! Видите что-нибудь? – подняв голову к людям на башне ворот, зычно крикнул Император.

– Нет! Сунь-Ли не видно.

Правитель Чжоу не любил ждать. Нервный, нетерпеливый, скорый на суждения, скорый на расправу.

– Собрать отряды! Выступаем. Снесем лагерь! – веселым голосом скомандовал свите. Крики ликования разнеслись эхом по городу. Из мрачных жилищ выходили мужчины с оружием. Перелезали через баррикады из камней и досок. Выстраивались рядами. Под команду ряды собирались в десятки, десятки – в отряды по сотне воинов в каждом. Через открытые ворота речкой колышущихся копий прудились перед крепостными стенами. Один отряд, второй, третий, пятый, десятый, двадцатый.

– Господин, генерал Сунь-Ли вышел из лагеря! Живой! Едет назад, – свесившись с бойницы, рапортовал дозорный. Время снова потянулось. Но потянулось уже радостным ожиданием. Город в нетерпении, охая пересудами на башнях, ждал гонца. Медленно перебирал копытами конь, все норовил сорвать жухлой травы по пути. Сунь-Ли, спешившись, вразвалочку подошел к свите.

– Император! Бросили всё! Обоз тоже бросили. Враги бежали! Боятся прибытия имперской армии! – Сунь-Ли говорил развязно. Неподобающе сану, не как важный начальник в армии. Говорил с набитым ртом. Из-за пазухи холщовой рубахи выступали непонятные бугры. К ногам правителя легла ношенная шуба из лисы.

– Что ты жрешь? – Правитель, морщась, наступил ногой на шубу.

– Там еда, светлейший. Много припасов. Хватит на город. Там есть вино. Ух, дюже крепкое! – В подтверждение слов вынул из-за пазухи просяные лепешки, яблоки, сушеную рыбу. Мех полупустой с вином. Отряды, сосредоточенные у крепостных стен словно бы ожидали этой последней команды. При слове «*еда*» дисциплина осажденной армии Чжоу покинула нестройные боевые шеренги. Голодные, оборванные, босые мужчины с оружием в руках робко пошли, а потом и вовсе побежали, сверкая пятками, в безнадзорных толпах, к лагерю врага.

Свита спинами подсадила правителя на коня. Император направился в город. Уже сверху надменно скомандовал свите:

– Добычу сложить на площади перед дворцом. Еду не есть. Вино не пить. Поделим среди семей.

Два приближенных с полученными наставлениями отправились догонять нестройные толпы с оружием. Женщины, дети, мужчины принялись разбирать завалы на кривых мощеных улицах. С шумом растаскивали по домам доски. Делили камни из баррикад. Кое-кто из горожан, причитая, вспоминал убытки и затоптанные поля вокруг города. Правитель Чжоу насвистывал веселую мелодию. Раскачивался на попоне. Взад-вперед. Взад-вперед. Улыбался свите. Улыбался встречным. Махал рукой.

Вдруг ужасный рев трубы разорвал счастливую суматоху на улицах города. Рев несся из-за реки. Усиливался, поддержанный еще десятком труб. Зло смеялся в простом переплете сигнала к атаке. Как похоронный гимн, звук труб срывал счастливые улыбки с лиц горожан. Император остановился. Остолбенел. Закрыв глаза. Задержал дыхание, вслушиваясь в переключку труб. Свита бросилась к воротам.

– В лагере сражение! Наши бегут назад! – Крик дозорного вывел из оцепенения правителя. Конь получил пятками под тощие бока. Широко открытыми от ужаса глазами город смотрел, как из лагеря бежали обуянные страхом, с криками о помощи, их защитники. Им, утратившим в бегстве оружие, наперерез, пуская стрелы на ходу, в клубах пыли неслись отряды лучников. Гиканье, крики, завывания дополнили боевую музыку труб.

– Закрывать ворота! – крикнул Ю-Ван в гнев.

– Император! Там же отряды горожан! – командир стражи ворот отказывался выполнять приказ.

– Им уже не поможешь! Закрывать ворота! – Правитель безнадежно махнул рукой. Стражники навалились на ворота.

К закрывающимся воротам бежал Сунь-Ли. Не он единственный, но ближе к воротам все же был только он. Ворота закрылись сразу за ним.

– Ю-Ван, там мои люди. Разреши выйти с отрядами! Прорвусь к ним. Выведу из лагеря, – генерал сбивчиво дышал, держась руками за бока.

Император спешил.

– Для тебя – я Повелитель Душ! Отряды не дам! Хочешь умереть? Возьми только свое племя!

Слова падали камнями на голову генерала. Без сочувствия. Без жалости. Шипящий поток слов сквозь зубы. Град кремневых стрел посыпался на башни. Несколько защитников города упали со стен. Поднимая подол платья, брезгливо переступая через умирающих, через лужи крови, император Чжоу подошел к лестнице. Закатав рукава, начал подниматься на крепостные стены. Жерди приставной лестницы скрипели под важным грузом. Одна из ступеней захрустела. Сухое дерево не выдержало нагрузки. Лопнуло. Император Ю-Ван, не удержавшись, повалился с высоты на землю. Возможно, он бы изувечился при падении, если бы не вездесущая свита, на чьи головы и тела Ю-Ван пал.

Сунь-Ли не видел суматохи вокруг правителя. Тенью метался среди домов, собирая остатки своего племени. Часть его отрядов отчаянно сражалась где-то среди пестрых шатров вражеского лагеря. Облака острых стрел поражали несчастных любопытных зевак на стенах. Иные стрелы, перелетев через крыши домов, уже на излете со свистом слепо разили людей на улицах. Вдоль стен лежали вповалку раненые и убитые мужчины, женщины, дети, старики. Хрипы и мольбы о помощи. Баррикады бросили разбирать. Радость сменилась растерянностью.

В короткое время Сунь-Ли смог найти не более тысячи разношерстных добровольцев. Медные ворота вновь распахнулись. Навстречу смерти храбрецы ринулись в атаку. Пики, копья, топоры заметались в проеме башни ворот. Обстрел стен внезапно прекратился по властному призывному сигналу труб. Отряд храбрецов рекой разлился за стенами города Шан. Без построения – плотной толпой. Дико, утробно крича, размахивая над головами оружием, мужи города бежали на всадников. Солнце удивленно смотрело в их широко открытые глаза. Слепило, застилая светом путь. Сухой воздух наполнял глотки. Ненависть и отчаянный всплеск смелости ускорили их бег. Босые ноги с силой отталкивались от сухой земли. Широкий шаг, прерывистое дыхание. Казалось, люди слились в камень, катящийся с шумом с горы.

Всадники распределились на два отряда. Быстро подались назад. Выученным маневром, двигаясь рысью, перестраивались. По бокам командиры копьями упорядочивали ход. Отряды конных лучников слагались в огромные, вращающиеся в противоположные стороны колеса. Трубачи на конях, стоя в центре жерновов, подняв трубы к солнцу, призывали степное воинство продолжать жатву смерти. Жернова гигантских колес щедро выпустили стрелы в сторону ворот. Два зеленовато-белых облака в гневе перемешались. Пенем в полете звали смерть на пир. Роем жалящих пчел врезались в бегущих. Серпом под корень подкосили защитников. Камень замедлился и остановил бег. Еще залп. Еще рой. Смерть, расправив крылья, любовалась зрелищем. От отряда осталась едва половина. Конники стреляют посотенно. Не тратя попусту стрел. По две, по три стрелы – молнией настигают жертву. Жернова вращаются. Перемалывают в трупы славу города.

За воротами не осталось никого. Обстрел прекратился за ненадобностью. В поле колося древков колышет агония тел. Кровь пропитывает сухую землю дороги. Просачивается под камни. Булькает. Запекается черной коркой под жарким солнцем. Стоны жалобно поднима-

ются к прозрачному синему небу. Ни облачка. Только белое солнце. Смерть собирает урожай душ.

Один лишь одноглазый предводитель безысходной атаки, горбясь, ступает над умирающими. В ослабевшей руке он все еще несет, цепляя за землю наконечником, длинное копьё, медленно в одиночестве проходя через смертельные жернова к лагерю.

Ему в сгорбленную спину полетели беззаботные звуки труб кровавых жерновов. Всадники вернулись к прерванному обстрелу крепостных стен. Рассыпаясь на небольшие группы, они, как стаи голодных волков, выискивают добычу. Кривые луки натягиваются и разжимаются. Смерть с любопытной улыбкой оторвалась от груды тел на лугу. Пошла смерть, пританцовывая, к стенам города. Вытянутыми руками скидывает людей с крепостных камней. Тела падают мертвыми яблоками к подножию стен. Часты хлопки ударов умирающих о землю.

Сунь-Ли шел и шел. Слезы стирали грязь с изрубленного лица. Шел, тяжело дыша. Открыв сухой рот. Спотыкаясь. Падая. Вставая. Шел к лагерю. Там, в отдалении, из-за шатров слышались неистовые звуки сечи, крики, звон металла, резкие отрывистые команды. Шатры колыхались. Некоторые, не устояв, падали подрубленными деревьями, накрывая полотнами кожи дерущихся обезумевших воинов. Шум борьбы стихал. Все более и более отдалялся.

Глава 8. Тризна

Окрестности города Шан

Стук топоров в густой ночи, до восхода солнца. Стук топоров в темноте. Шорохи длинной цепочкой. Мычание скотины. Плотницкое дело верное двигало невидимыми во мраке людьми. Стража города забила тревогу. Восточные ворота наполнялись воинами. Предрассветный мрак рассеивался. Протирая заспанные лица, с высоты башен защитники крепости вслушивались в звуки, высматривали темноту. Солнце неспешно показало лучи. Загадка раскрылась.

Вдоль восточной крепостной стены города через равные расстояния высились жерди. Аккуратные, равной длины. Прямая линия жердей. Прочно держали трупы воинов струганные жерди. Жерди прошивали мертвецов через тело и выходили точно из макушки. Впрочем, у большинства мертвецов головы отсутствовали. Полностью нагие, без кожи, красной начинкой тела. Оскопленные трупы обращались к городу. Мучения недавних смертей лесом тел выстроились вдоль стены города.

Посыпались стоны, проклятья, ругань. Скорбный плач с высоких стен вознесся к безучастному белому светилу. Женский разновозрастный плач. Хором голосов сливался в похоронный гимн. Песня безнадежной тоски наводнила слезами до самых краев улицы города Шан. Скорбь водворилась в сердцах горожан. Не опознать в обезображенных телах мужей вдовам, сыновей – матерям. Пересчет трупов сбивался. Одна, две, три тысячи. Три тысячи с малым жердей вздымались немим ужасом к небу. Частый строй несчастных разделанных мертвецов утрашал. Черное воронье, каркая, не веря счастью, пировало человечиною. Шумными стаями слетались птицы к угощению. Никто не отгонял пернатых. Птицы разрывали клювами плоть. Обнажали белые ребра. Терзали безжизненные руки. Клевали висящие веревками ноги. Делили на земле потроха. Растягивали когтистыми лапами кишки.

Позади шеренги безголовых мертвецов, поодаль, на полет стрелы, степные воители на носилки укладывали тела павших товарищей. На ровном поле мужчины торжественным строем внесли десяток героев. Трупы укрыты с головой белыми саванами из человеческой кожи. Расположили мертвых головами на запад. Поджали к груди ноги, сложили ладонями руки. К ногам положили, подношением, их оружие, запас еды в кувшинах – на переход до мира мертвых. В голос, громко, нараспев прочли поминальную молитву Богам и предкам. Место воинов после молитвы заняли нагие и грязные пленные. Голые люди возводят погребальный холм традициями степных племен. Кто был из них кем в прошлой, недавней, вчерашней жизни? Знатным? Торговцем? Пахарем? Кузнецом? Золотых дел мастером? Или жрецом стихий? Их разом всех в стыде уравнила нагота. Связанные за шеи толстой веревкой, передают цепью трясущихся рук кадки с землей. Земля засыпает павших степных воителей. Черным покрывалом. Сухими комьями вперемешку с засохшей травой. Мелким камнем. С головы до ног укрывает ковром легенд павших героев племен.

В оплату тяжких трудов подневольные принимают удары плетью. Плетя часто сыплются на окровавленные спины, плечи, руки. Сыплются в щедрости: со всех сторон ветров. Холм неумолимо растет. К полудню насыпь достигает высоты в пять ростов. На том похоронные работы внезапно останавливаются. Как день противостоит ночи, так навстречу горькому женскому плачу с высоких городских стен – летит веселая песня победы. Походного лагеря степняков за земляными, в окружность, защитными стенами – не стало. Шатры разобраны. Шесты шатров употребили на мертвецов Чжоу. Оставшиеся опоры бивуаков пустили на штурмовые лестницы.

Армия степных племен принялась за боевое построение.

Ровными квадратами сотен равняются племена степняков. Перед квадратом сотни – командир из знати, звание добывший в битвах. Сотни сводятся в тысячи. С правого края

тысячи – штандарты-знамена. Разных цветов. С нанесенными черной краской пиктограммами. Вот алые полотнища с зубастой рыбой – «рыбой-удачей» – отряды племени озерных людей, таковых три. Два синих знамени с грифоном, хищно раскрывшим клюв, порасправившим в угрозе оба крыла – отряды массагетов, племени золотых рек, ближних соседей озерных. По правую руку от них реют шесть белых полотнищ с черным черепом – отряды белоголового лесного племени андрофагов – «пожирателей людей». Шесть желтых флагов с головой певчей птицы – отряды агрепшеев – племени проводников и толмачей, живущих без оружия (по прежнему, понятно, мирным временам). Идущие под коричневыми полотнищами с красной мордой медведя – бугины, живущие ближним югом от андрофагов. Знамен рыжеволосых бугинов, как и их соседей андрофагов, – шесть. Голова в профиль – волка на зеленом фоне – северные, с холодных гор Алтая. Двенадцать северных полотнищ. Хищный черный барс, крадущийся, на красном фоне – хурриты из славного города Хваризама. Тех красных штандартов четыре. Знамена тысяч, числом тридцать пять, поднимаются над полем. Под ветром трепещут полотна, наполняя жизнью рисунки обитателей берегов-тотемов племен. Строгим порядком квадраты тысяч занимают оговоренные места на линии шестов с телами. Позади квадратов колесницы вождей. Любо-дорого видеть первых среди племен в блестящих бронзой и золотом доспехах. Вот Эа, вождь андрофагов, на левом фланге, на правом – любимец степного воинства дед Агар, вождь хурритов, по центру построения – вождь бугинов Пасагга, рядом с братом, вождем северных Уту, позади племени золотых рек и озерных – военным вождем Тайгета. Поодаль от обычных колесниц – особая колесница, в золоте, с главнокомандующим: девушка без оружия и доспехов, в жреческих красных с золотом одеяниях. У верховного вождя племен главный штандарт армии – шитый золотыми нитями бегущий олень на белом полотнище. Вокруг золотой колесницы – на лошадях несколько десятков вестовых для управления штурмом.

Музыка труб, барабанов. Праздник войны у степняков принято приправлять подобающим настроением. Подобающим великому торжеству брани. Грозно. Лихо. Весело. Бесшабашно. Танцем войны. Нет места в сердцах для грусти. Как нет места и для печали. Волшебство узла в жизни мужчин и женщин кочевых племен степи. Праздник смелости. Ритм музыке задают внушительных размеров барабаны. В поперечнике с рост. Воловьей кожей пружинит тугая перепонка. Крепкие толстые стенки вырублены из стволов вековых дубов. Трубы, в меди, длинные. Торжествуя ревут, грозятся смертью врагам в высоких злых нотах. Приятным пополнением меж ними флейты, с нежной грустью-горчинкой. Сливаясь инструментами, волной ожидания накрывает, пьяня, музыка воителей.

Для битвы мужи омылись речной водой, расчесали волосы, у кого борода – подровняли помощью приятелей. Закрасили лица густой рдяной окраской. Густо наносили краску на щеки, лбы – стирали имена. Похожи стали лицами. Нет больше женщин, нет больше и мужчин. То теперь грозные духи войны в боевых шеренгах. Надели чистые наряды – рубахи белые, новые штаны из кожи. Поверх нарядов – многослойные кожаные или холщовые кирасы в бронзовых накладках. Головы венчают шлемы. Знать, заслуженным достоинством, в бронзовой, чешуйками или бычьими копытами сработанной броне, крепленной прочно сухожилиями к кирасе. Копья, дротики не стали брать. Для боя в стесненном пространстве нет лучше топоров, кевцов, мечей, кинжалов. Отряды в тылу – с луками и пращами. Отряды бугинов и андрофагов, жребием выбранные, облачились в тяжелые персидские доспехи, держат огромные щиты с козырьками. Семь тысяч тяжеловооруженных воинов закроют щитами стрелков от обстрела горожан.

Мужчины и женщины улыбаются. Оглядывают соседей. В сражение древней степной традицией уложено идти без обид. Ночью примирились даже те, кто не враждовал. Кто что не поделил – разделил, отдал сотоварищу дорогую вещь. Золотые и серебряные пруты, бруски боевой бронзы, бусы из самоцветных камней, зубы кабанов, шкуры зверей, нарядную одежду, оружие. Обмен на обмен. И дорогая сердцу вещичка утекает в соседский походный вместительный

мешок. Мгновением позже и тебя одаривают, без жадности, добытым честью трофеем. Рукопожатия крепкие, объятия у костра, дружеские похлопывания по спинам. Глоток вина. Откупоренный мех пошел дальше дарить веселье. Не пьянством слабых разливается вино. Ритуалом единения. Братание и меж союзных степных племен. Имя на имя – и ты в кругу далекого племени, сводным братом, подпеваешь знакомой песне-молитве. Песне войны...

Под полуденным солнцем странной зимы, похожей на теплую осень, воинство разглядывает мощные каменные укрепления столицы Чжоу. В молчании, стоя среди друзей, родственников по крови и обретенных родственников по бранным делам, мужчины и женщины готовятся к представлению. Боги с небес взирают на них. Предки незримыми призраками слетаются на землю. Представление – для Богов в первую очередь, но и не только им. Представление и для живых. Каждый степняк из стоящих в строю смешанных отрядов, жмуря глаза от предвкушения скорого удовольствия, под звуки музыки уже гулял думой воителя где-то там, среди улиц города. Видел себя со стороны героем на танце храбрости. Он или она знают, что подвиги будут оценены по достоинству – странствующие певцы донесут кружевными узорами песен далеким потомкам. Легендами в вечности жить. Вот она, награда из наград. Честолюбие дымом конопли пьянит армию степных племен. Великая Степь приготовилась к штурму столицы Чжоу.

Представление войны завязалось.

Золотом отделанная колесница медленно объезжает армию. Крики приветствия. Поднятые с оружием правые руки встречают легкую гончую повозку, запряженную парой коней. Девушка с гордой осанкой в красном платье. Островерхий красный головной убор в золотых фигурах оленей. Золотые и железные стрелы вделаны в поля убора. Верховная жрица Матери-Богини освящает молитвой идущих на смерть. Губы воителей шевелятся беззвучно в словах благодарности Богине.

– У-у-у-у! У-у-у-у! – Протяжным эхом отзывается боевое приветствие степным Богам в крепостной стене города Шан. Тысячи воителей приливной волной шеренг шагают на штурм. Под прикрытием персидских щитов с козырьками лучники и пращники ведут обстрел. Непрерывный поток стрел и камней поднимается к стенам. Тучами падает и падает. Дождь ярости сметает смельчаков. Шариками камней, пущенные из пращей, проламывают черепа, выбивают зубы и глаза. Стрелы впиваются ненасытными таежными клещами и выпивают досуха кровь. Меткие стрелки впали в раж. Словно на птиц, сидящих гроздьями на ветках-башнях, охотятся на ополченцев. Защитники крепостных стен редеют. Плотные расставленные щиты и доски не спасают – камни и стрелы падают настилом сверху на головы. С жужжанием влетают в щели. Горящие стрелы поджигают дерево. Костром пылают охранные доски. Жар от них мешает видеть, сушит дыхание, обжигает лица. Углями со стен к ногам атакующих выпадает разрушающееся укрытие горожан.

Падают и падают убитыми защитники города. Калечатся еще до приступа крепости смельчаки. Надежды на быстрое окончание меткого обстрела уныло исчезают. Запасы стрел и камней атакующих пополняются новыми и новыми бездонными тюками метательного оружия. Караван мычащих быков растянутой цепью неспешно подвозит «дары» для города. За дни осады у защитников столицы империи истощились запасы стрел и дротиков. Отвечать взаимностью приходится редко и наверняка. «Взаимность» от городских стрелков безрезультатно натывается на надежную персидскую броню. Закрытые бронзой козырьки ростовых щитов отражают атаки ополченцев. Длинные лестницы под прикрытием обстрела приставляются к стенам. Муравьями карабкаются степные воители на камни укреплений. Вот уже знамена племен мечутся на стенах. Защитников теснят, скидывают трупы со стен и башен. Бой перекидывается на узкие улицы города. С жалобным скрипом распахиваются обитые медью главные ворота. Непроступная плотина городских укреплений рухнула. В ворота звенящей оружием бронзовой рекой хлынули воители степи. Одержимые бранным безумием, выкрикивают клич к атаке «У-у-у-у!». За ними – второй волной стрелки. Прищурился глаза, стрелки разят в головы

защитников города с покатых крыш домов, с высоты поверженных башен и стен. Неистовство сечи овладело армией степняков. Всяк желает принять поединок. Крики командиров правят атаки. Перекошенные бешенством красные лица устрашают нечеловеческим видом.

К чести генерала Сунь-Ли, его радением ополченцы в трудах обрели ратную выучку. Перед главными воротами, на площади, степняков принимают щетиной тяжелых копий для пешего боя. Вытянутыми, в растянутый овал, щитами, мерой от головы до колен, ополченцы прикрывают и себя, и бок соседа. К строю горожан добираются спешащие на выручку добровольцы. Кажется, есть еще шанс у храбрых отстоять осажденный город. Шеренг двадцать у горожан. Возможно, и сладились бы с обороной, но с захваченных башен и стен по рядам тесных строев горожан агрепией метко пускают стрелы. Бьют бронзой по открытым шеям и лицам. Протяжное змеиное шипение *свистулек*, наконечников с дыркой, вызывает трепет. Прикрывая лица руками, со смертным воплем падают наземь искалеченные и убитые. Зажатые соседями, мертвые стоят, уронив головы, на коленях, в шеренгах. Потери стремительно растут. Под ногами горожан лужи крови упокоившихся сотоварищей.

Проколачивают степняки шеренги. Рушат порядки. Хват левой рукой за выставленное копьё, резкий присед и сильный косою удар мечом или кевцом по ногам или ступням. Словно солнечные шарики, в лучах яркого светила барабанит по шлемам горожан вычищенное до золотого блеска оружие наступающих. Солнечный шарик, падая на броню, родит три различных звука: звонкий – металлом о металл, глухой – металлом о кости, пронзительный – крик раненого. Кровь разлетается по сторонам тысячами алых брызг. Хруст переламываемых копий, щитов вливается куплетом в стоны. Горожанам нечего противопоставить ярости слаженных степных атак. Нет у них хитрой бранной думы. Запершись в щитах, придерживаются только обороны. Переламывается дух защитников. Дрожат ополченцы, роняют щиты под натиском кевцов, топоров и мечей степных племен. Поддаются, медленно пьются в узкие улицы, оставляя за собой убитых и раненых – прочь от утраченных башен и стен. Распадаются спасительные боевые шеренги на бессвязные толпы с оружием. Полуразобранные баррикады не сдерживают атакующих. Нет больше среди защитников властных командиров. Перебиты отчаянные вожаки. Упокоились в атаках гневные храбрецы. Одеяло смертного страха накрывает разбитую армию Чжоу. Надменная музыка барабанов, труб, флейт, не умолкая, давит гордость осажденных. Сменяется торжественная музыка войны дикими криками поверженных. Мольбы о пощаде – последние куплеты той песни Богам. Трупы убиенных на шестах так и не познали отмщения. К закату светила храбрая битва за город Шан бесславно обращается в агонию разобщенных коротких и яростных боев: бой за рынок и торговые склады, бой за арсенал, бой за кузни, бой за емкости с водой, бой за западные кварталы.

Дольше прочих держится в обороне одинокая круглая башня, что напротив северных ворот. Мальчишки, простые уличные мальчишки-торговцы, водоносы, мальчишки, помогавшие отцам в поле, мальчишки-пастухи являют степнякам пример редкостного героизма. Крепко держат, без помощи взрослых мужей, оборону. Огрызаясь, мечут камни. Гордо отказываются сдаваться. Андрофаги плотно обкладывают башню балками крыш, досками полов из соседних домов. Поджигают. Камни башни нагреваются, копятятся и чернеют. В ответ удивленным воителям слышится песнь. Хором, задыхаясь в густом едком сером дыму, мальчишки распевают молитву. Восхваляют тоненькими, ломающимися голосами забывшие их стихии Чжоу. Благодарят за короткую жизнь матерей. Только этим сорванцам летят рукоплескания от воинов степной армии. Откладывается на короткий миг оружие. Завсегда молчаливый вождь андрофагов Эа громко и многими словами обещает умирающим мальчишкам достойное погребение. Поглаживая руками длинную русую косу, вождь восхищенно слушает погребальную песню. С их гибелью и заканчивается борьба.

Представление войны завершается.

Гвардия с правителями – триста знатных лощеных мужей в броне – без боя отходит к цитадели с четырьмя башнями. Укрываются за последними невзятymi воротами города. Сквозь вытянутые бойницы в лучах догорающего солнца оцепеневший император Ю-Ван высматривает жестокое побоище у домов. Тысячами картинок ужаса, молниеносно сменяющимися друг друга, смерть скалится поверженному правителю Чжоу. Победа над городом – неизбежная резня побежденных. Воители добивают старых и раненых. Рыдающих женщин за волосы выводят на площадь. Ставят на колени. Вяжут руки. Выносят из домов трофеями добро.

Среди победителей сказывается не более двух десятков ушедших к предкам. Тому счастливому итогу брани готово объяснение у степного воинства – не иначе как Боги лично причастны к победе. Ликующие крики, частые хвалы небесным покровителям, песни, смех победителей раздаются со всех частей города. «*Верховный! Верховный!*» – странное имя с трепетом, как клятву верности, повторяют воители чаще всего. Девушку в жреческом облачении проносят на носилках по улицам города Шан. Там, где носилки появляются, – раздаются молитвы Матери-Богине. Ночь в набежавших тучах приносит дождь. Холодный пар стелется над теплыми камнями улиц. То первый дождь над городом Шан за зиму. Капли дождя, учащаясь, превращаются в сплошную стену воды. Ливень заботой затушит огни пожаров в поверженном городе. Грязная, кровавая вода через открытые настежь ворота с испуганным шумом убегает прочь из города Шан.

Империя Чжоу прекратила бытие.

Глава 9. Секретный разговор с отцом

Весна. За год до падения города Шан

– Боги! Не верю ушам своим! Без приданого? Замуж? Без приданого? – хоть твердыми словами вождь золотых рек и возражал, но вот тоном сдался в долгом споре с дочерью.

– Отец, прекрати повторять. Прошу. Ну же... – Девушка улыбалась. Сидя расслабленно. Нежно шептала. Как маленькому ребенку. С легким укором. Разговор ее веселил. Румянец густо покрыл щеки.

– Любимую дочь отпускаю на все четыре стороны. – Вождь широко развел руками, сидя в кресле. – С пустыми руками? Да что ж за отец такой? Да что ж за нищее племя? Ни крупинки золота?

– Ты же знаешь, что будет дальше...

В ответ отец замахал руками перед лицом. Так замахал, как отгоняют надоедливый свадебный рой мелкой мошкары.

– Не веришь моим словам? – Танаис с горечью вздохнула. – Неужели, зная меня, полагаешь, что мне вот так хочется стать третьей или пятой чьей-то там *савроматской* женой? Не доверяешь? Не веришь мне? Ты же мой отец. – Девушка встала. Наклонила голову, пытаясь перехватить убегающий взгляд отца.

– Верю. Скажу, хоть обещал... – Мужчина говорил так, словно бы обессилел бороться со встречным ветром. Но раздосадованное ветром лицо не показал. Поднял правую руку, словно смотреть мешало солнце. – Советом знати после прошлого лета решено – ты будешь новым вождем. Как я помру – ты заступишь. И вдруг...

Девушка удивленно подняла глаза к закопченному деревянному потолку. Как будто чей-то лик там возник. Помолчав, ответила подобранными уважительными словами:

– За тот выбор благодарю племя. Моего брата Савлия пусть выберут они мне на замену. Буду присылать тебе гостинцы. Из далеких краев. Отборные. Каждый подарок проверю. Взвешу. Заверну в ткань...

Предводитель племени, не знавший поражений, поднял на дочь глаза. Брови сошлись на переносице. Внимательно слушал отец.

– ...Ты те гостинцы рассели, отец, с умом. Между нашими родами. Дай гостинцам степной закон. Перешей их под нас. Свободы не давай, но и не обижай почем зря. Пусть смешаются с нами. Растворятся в нас, – девушка подошла к сидящему. Взяла в правую ладонь густую черную бороду с частыми серебристыми нитками, – ...позабудут прошлое близкое. Остальные, те, что похуже, из меди, приберу себе – слеплю новое племя. Ты не возражаешь, вождь племени золотых рек?

– Пугаешь ты меня... Даже не стыдно признаться... Присылай... – отец говорил с дочерью почтительным тоном, как будто та была старше его, и намного.

– Не обидишь их? – Девушка длинными пальцами левой руки, как гребнем расчесывала бороду от щек и подбородка до последних завитушек на краях. Мужчина не сопротивлялся гребню. Зажмурил глаза. Блаженством разгладилось лицо. – Обещаешь?

– Клятву даю, – сказал вождь шепотом, но твердо.

– Укрепим новой кровью наше племя?

Ответом отец еще крепче зажмурил глаза. Нитки морщин хитрой паутиной разбежались по углам глаз. – Да? – Крепкое тело расслабилось. Ладони разжались. Пальцы выпрямились. Нега овладела вождем.

– С новой силой объединишь под нами племя озерных людей. Справедливо. Станут частью народа нашего достойные из них. Остальных же... Тех, у кого труха вместо души... их знатных и вождя... отправим в последний путь по воде.

– Продолжай... – едва слышимым шепотом отвечал отец, следуя за думами дочери.

– ...Расширь морские солеварни. Увеличь промысел. Мои гостинцы из краев далеких. Получи их и пристрой к делу. Копи боевой металл. Готовь, любимый отец, силы для наших «друзей» с юга. – Девушка говорила слова мягко, нежно. Гребень руки замедленно расчесывал бороду. Улыбка блаженства исчезла с лица вождя – губы собрались в прямую нитку. Черты стали подчеркнуто строгими.

– Да, Мать-Богиня. Выполню наказ твой. Дума ясна твоя, – голос отца нес крайне учтливую интонацию. Девушка мягко поцеловала в лоб отца. Медленно вышла. Полуденный сон объял отдыхом вождя...

Утром следующего дня, в суматохе приготовлений к отъезду, девушка, выждав подходящий момент, крепко взяла за рукав отца. Под знаменами – никого, кроме них двоих.

– Отец, заберу двоих? Возглавлю отряд, тот, что отправляешь на сбор, к алтайским горам?

– Хоть десятерых. Отряд сам порешил с тобой попутно пойти. Без твоего на то согласия. – Вождь с ироничным укором посмотрел на дочь. Еще года два назад, на общем сходе, по зову вождя северных племен со священных Алтайских гор ближние и дальние племена постановили выступить в поход на империю Чжоу. Родственные племена степных жунов, предчувствуя неминуемую и уже близкую войну, терпя мелкие приграничные обиды от Чжоу, обратились послами к Таргетаю, вождю северных. Задумка похода степных племен сложилась в планировании коротком, разведкой, нашествии. Проверить бранью силу империи Чжоу. Пожечь пограничные селения. И уйти обдумывать большую войну. Не было у вождей степных племен намерения, не зная сил врага, ввязываться в затяжную брань. Потому выдвигались в поход лишь легкие силы – молодежь племен пятнадцати – двадцати годов отроду. Молодь опасная, горячая и неопытная. Старшими командирами к запальчивым юнцам порешили приставить зрелых, из знати. Костяк проверенных воинов двадцати – двадцати пяти годов оставался в племенах, про запас.

Поход дальний, в неохотку, откладывался по разным, сменявшим одна другую, причинам. То совсем некстати смертью вождей андрофагов и бугинов, то войной с соседями с крайнего севера: бился с ними верховный вождь похода Таргетай. Однако ж частый обмен прошлым летом значимыми послами вновь и вновь подтверждал намерения. С зимы принялись за подготовку. Выбрали достойных, снарядили оружием, отложили провизию. В этот же год, без проволочек, степные племена сдвинулись с насиженных мест.

Отряд племени золотых рек насчитывал две тысячи конных, два десятка легких колесниц, под двух воинов каждая, обоз в пятьдесят двухосных телег с парой добрых волов в каждой. Отряд не только что из молодежи. Мужья старшего возраста нескрывая жаждали приключений. Прошлое лето в короткой бравой войне взбаламутило застоявшуюся кровь. Ратные подвиги за короткое время подняли семьи из «худых». Добыча пополнила и без того богатую казну племени. Разошлись трофеи равными долями по родам. Бронзой чужого оружия обвесили люди стены своих домов. В медных котлах с правильными линиями персидских узоров варили еду над очагами. Золотые и серебряные монеты переплавили в привычные звериным стилем украшения. Многим теперь в пересудах у очагов, оседлая, покойная, в сытости жизнь казалась серыми исподниками праздника.

Силы в поход снарядили значительные для племени. Пеших и часть молодой знати, к горшему их жребию, решили на сходе не отсылать. Воители нужны и для защиты обширных владений. Военная кампания союзных племен могла затянуться и на несколько долгих лет. Равноправных женщин массагеты готовили не хуже, чем мужчин владеть сподручным оружием. Особо бойкие на драку девицы пополнили отряд. Сотни три гордечек, большей частью из «худых», под одобрение старейшин полировали наборные луки. Сбивало стрелы. Резон гордечек в азарте прост – стать «добрыми» – знатными племени, по возвращении из похода.

Оставшиеся же в спокойствии наряженные да покрашенные степнячки смогли бы без особого труда отстоять домашнее. Однако остаться совсем без мужей племени не могло.

– Отец, Заберу в попутчики командира стражи границ Колакса? Жрицу Тайгету?

Вождь нахмурился:

– Ну, положим, один из попутчиков совсем мальчишка. Юнец. Хотя и храбрый... – качнул неодобрительно головой... – Явно влюблен по уши в тебя. Должен был остаться на пределах. Кожа да кости. Зелено яблоко. Разве такое-то добро берут в дорогу дальнюю? Все на дудочке играет. Есть и зрелые, в соке мужи. Эх-эх, да что там говорить – забирай!

– Мой выбор, отец...

Вождь поднял правую руку, прерывая намечаемые дочерью возражения.

– Да? А что, мне как отцу и возразить нельзя? Кстати, неразлучная подруга вызвалась разменяться за тебя в свадьбе. – Отец перехватил удивленный взгляд дочери. – Не говорил? Нет? Брови так-то не поднимай. Ну вот ты и знаешь... – Отец с хитринкой улыбнулся. – Тоже без тебя не сидится дивчине. Что ж, душевный выбор попутчиков. Ни дать ни взять! Телами не спасут, но хоть за преданность поручиться можно.

Тайгета и вправду давняя подруга верховной жрицы. Связывала двух девушек-погодок нить в узелках дружбы.

Сказ о Тайгете

Начиналась девичья дружба с соперничества. Как и положено, мерились силенками девчонки. Обычное сравнение нарядов или причесок переходило в их случае в неприкрытую девичью войну. До самого избрания на круге старейшин родов вождем племени Скопасиса Тайгета высоко мерила неприметную девушку. Танаис росла с запозданием. Была тонка в кости. Тайгета напротив – крепка. Силой не уступит иному парню. Обошли болезни стороной Тайгету. Веснушки разбегались по щекам. Превращалась в светловолосую красавицу с глазами цвета неба. Чему завидовала соседская дочь, не понять – равны и знатностью, но досаждала как могла. Бывало, и ком липкой грязи запустит. И драку исподтишка устроит. А за волосы потягать, так при каждом удобном случае. Танаис отвечала взаимностью. Царапала противницу, кусала до крови. Бывало, и камень пустит, палкой замахнется. Да только силы не равны. Частенько синь то под одним, то под другим глазом вызревала до желтка яйца. С возрастанием влияния Скопасиса Тайгету старшие урезонили, и частые драки превратились в едкую перебранку. Слово за слово. Щедрым обменом. Пожеланиями «*Засни и не проснись*» после ненавидящих взглядов сверху вниз провожали и встречали друг друга. Чуть позже добавилось, привычкой, к надменному взгляду – «*Дай посмеяться – упади с коня*». Перебранки злословием продолжались.

Но лишь до злополучного утра.

В то заурадное летнее утро, помогая двум жрицам собирать лечебную траву, Тайгета далеко зашла в луг. Где, споткнувшись о горячий камень, и встретилась с дремавшей гадюкой. Со страха ползучая укусила выше лодыжки. Тайгета растерялась. Громко закричала. Выронила охапку душистых трав с корешками и стеблями. Жить бы ей осталось недолго, если бы рядом случаем не оказалось Танаис. На крик вернулась. Завсегдашняя противница действовала умело. Без проволочек обоими руками пережала ногу выше укуса широким поясом. Высосала кровь с ядом. Долго тянула кровь из ранок, не разжимая зубов. Торжествуя, встала, подбоченясь. Сплюнула ядовитую слюну. Так по-мальчишески пустила слюну, что уже далеко после того дня Тайгета называла Танаис не иначе как *пацаном*. Тайгета запомнила навсегда то холодеющее солнце, светившее через волосы бывшего врага. Торжествующую над ней, лежащей в траве, Танаис. Шла с того луга, прихрамывая на укус, опираясь на слабое плечо новой подруги. Яд все ж подействовал, но не убил. После скорого выздоровления Тайгета пополнила игрушками дом Скопасиса. Быстро перекочевал к новой владелице бронзовый нож с тигром-рукоютью, медное зеркальце грифоном.

Перемену заметили быстро. Прежние проделки напрочь позабыты. Вместо «*Засни и не проснись*» – секретный жест уверением в дружбе – хлопок сжатого кулака там, где сердце. Вместо мрачных взглядов сверху вниз – улыбки. Вместо тумачов да липкой грязи – долгие перешептывания-посиделки у костров. Ну а то, что надето на Тайгете, враз могло оказаться на Танаис.

Две девицы-главаря сколотили ватагу детворы. Лукавым девичьим умам нашлись восторженные подражатели. Злословию пришел конец. Вето наложили и на вражду. Дружбой ловили птиц в силки. Били рыбу гарпунами. На резвом скаку обменивались шариком из шкур. Рыли капканы на кабанов. Для бурной радости ватаге хватало и вида достойных трофеев. На тоненьких загорелых шеях висели амулеты – образы Бога Войны – клыки кабанов.

Веселые проделки вскорости приобрели оттенок взрослости. Борьба нагишом в курдючном сале, в манере воинов, на дальнем лугу, что у плавильных печей. Удивленные мужчины племени широченными глазами, пораскрыв рты, высматривали, как две девчонки строили пешим строем несмышленную детвору. Вручали поименно, как честь заслуженную, палки, туго перемотанные шерстью. Мотали на головушки тряпки-шлемы. Звонкими голосами жребием разделяли на слаженные десятки желающих. Два отряда с синим и красным знаменами неспешно, не абы как, а четким строем, под дудочки сходились в танце войны. С регулярностью разворачивавшиеся сражения собирали толпы зрителей. Взрослые в азарте делали ставки. Бои не насмерть. Бои понарошку. Лежачих не трогали. Отступавших не преследовали. Дальше игры, в обиды, не заходили. Зубы да глаза берегли. Обидчивых из рядов выводили, окатывали водой. В стороне, глаза в глаза, учили разуму состязания.

Призом за победу назначались неизменно две овцы. Резали под молитву, разделявали, готовили тайным, полюбившимся рецептом – с ягодами и яблоками, рагу и тут же вместе пировали сражавшиеся команды. Однако и на детском пиру порядились взрослые порядки. «*Вожди*» – во главе. По правую руку выигравшего «*вождя*» – предводителя детворы – его чинно подбочась сидящий отряд. Победители поедают мясо первыми. Проигравших же поеднок, не в обиде, потчуют остатком. За пиром – хором песни, считалки, смех, прибаутки, обсуждение красочных моментов былого состязания и отличившихся героев.

А вот «*Дай посмеяться – упади с коня*» выдалось. Горечью полыни сбылось. Теперь счет дружбы перешел к Тайгете. Танаис, погнавшись за зайцем на том же злополучном лугу, упала с коня. Кувыркаясь в траве, об подлый камень сломала правую руку, неловко пытаюсь защититься при падении. Кости скривились дугой под кожей. Острая боль затуманила глаза. И подруга нашлась. Накрепко привязала обвисшую руку к колчану личным поясом. Бережно, обнявши сзади, на коне, с прибаутками-утешениями на ушко, доставила в племя. Руку выровняла жрица.

Дружба девушек срослась, как переломанные кости. Где Танаис – там и Тайгета тенью. Тенью в охоте. Тенью в ритуальных танцах. Повзрослев, схоронив младших брата и сестру, Тайгета подалась, вслед за Танаис, в жрицы. Тут и сгодилась твердая рука. Нашлась особого сорта нежность у Тайгеты. Страждущим помощи лечила зубы, секла нарывы, правила кости, сращивала частые переломы. Дружба меж людьми являет себя множеством оттенков. Тайгета и Танаис дружили как-то по-мужски. Одним взглядом на мир...

Провожать Танаис собрался весь народ. Пришли в чистых белых рубахах навывпуск, воздали почести Верховной Жрице. Знатные понесли ее на руках с мрачными лицами, по тропе от замка до камня-великана. Переправили на лодке, как сокровище, на другой берег. Там тороватой слезой встретили простые. Гвалт стоял как на птичьем берегу. Заверения в любви немедленно последовали, как только увидели люди девушку. Без криков «*Не пусти!*» не обошлось.

Отряд мужей и дев скомканно, словно стыдясь проявлений слабости, с чересчур уж суровыми лицами, многоголосьем начал прощаться с племенем. Проводы невесты совпали с проводами отряда в поход. Плач, пожелания удачи, объятья до хруста костей, крепкие со щелч-

ками поцелуи в губы, до заливистого хохота неприличные шутки в дорогу – смешались горько-сладким вином.

Подвели к Танаис запряженную серыми в яблоках конями, золотом по дереву отделанную колесницу – вождь чуть не силой настоял на даре. Две тысячи степняков и степнячек, с обозом, с флагами, ручьем пустились в путь к великому озеру, сопровождая верховную жрицу племени. Подминая молодую весеннюю траву, не оглядываясь назад, с легким сердцем заскрипели колеса. Им вслед, окрыляя поддержкой, летела песня нестройным хором знакомых голосов. Родная, милая сердцу долина в кольце гор осталась далеко позади.

Глава 10. Танаис и озерный край

– Наше племя не добывает имущество разбоем. Но и не порицаем мы тех, кто ищет, так скажем... – вождь озерного племени довольно хмыкнул в накладную бороду из крашеной конопля, – *удачу на стороне...*

Черная борода задергалась в громком хохоте. Двумя бечевками ее крепеж уходил за накладной парик из конского волоса. Поправив головной убор – красную остроконечную шляпу, расшитую мелкими золотыми шариками, – серьезный муж в годах важно, нараспев продолжил:

– Соль, рыба, медь – промысел наш. Обменом живем. У вас меной золото, железо, просо. Роднились с вами. Давно то было. Могуществом равны. Вам ли, достопочтимым соседям, не знать? До тех же, кто разбойничает, дела нет. Убийство послов степных – спору нет – весомый грех. Оставшуюся банду выловим. Накажем, если они все еще там обретаются, где ты сказывала. – Правая рука обещанием поднялась к небу.

Танаис в походной одежде. Кожаные штаны, поверх плотный кафтан. Короткие сапоги. На голове шапочка. За поясом богатый железный клевец и золотом отделанный кинжал. Запыленный с дороги, костюм так не подходил для встречи с вождем соседского племени. Но вождь не обращал внимания на мелочи посольского этикета. Откровенное беспокойство не покидало высушенного белокожего пятидесятилетнего мудреца. Вокруг любомудра, правившего жизнью озерного края, восседали на щитах почти все знатные племени. Для встречи с важным гостем, обещавшей обратиться в обмен новостями, на лобном холме расположилось ни много ни мало человек так с пятьсот, отложивших насущные дела. Да и что скрывать, верховная жрица соседнего племени доброй славой не обойдена. Известный человек прибыл к озерным посольством.

Когда же обмен именами почивших по зиме был закончен, без предисловий, внезапно, собравшихся холодной водой окатило бесчестие. Сидевшие взялись за сердитое перешептывание. Вот тот шум за спиной, похоже, больше заботил старика, чем нежеланное объяснение с соседями.

– Да и почто знать, может, и не наши-то люди набедокурили? – Вождь озерных взял оскорбительно-нагловатый тон, приложив к словам высокомерный взгляд.

Тайгета сделала два шага, сравнялась с Танаис. Встав на правое колено – знак уважения к собранию – быстро распустила узлы на объемистом мешке. Из мешка выкатились две головы. Мертвые глаза неподвижно уставились в сапоги вождя.

– Достопочтимый Гнур, правитель Озерного края... – начала было Танаис.

– Подними, – резко скомандовал первый озерных стражнику. Верзила поднял головы за длинные в запекшейся крови волосы. – Продолжай, достопочтимая жрица.

– ...Обрати взор на их лица. Вот те бандиты, убившие послов савроматов. Один из них назвался твоим конюхом.

Перешептывание превратилось в гул. Грозовой гул. Вождь подался вперед на кресле, потертая шкура тигра, покрывавшая ноги, сползла на траву.

– Одежда убитых послов, что надета на людях вашего племени.

Рубахи, штаны и камзолы стопкой выложены в траву. Гул позади вождя стал сходствовать с шумной горной рекой.

– Уж не хочешь ли ты и меня обвинить в их грехе? – взгляд возмущенного старца, переполненный злобой, смутил бы кого угодно. Да только верховная жрица, похоже, не из робкого десятка. Девушка бросила улыбку на притихших в окружении вождя мужей озерного края и продолжила:

– Почтенный Гнур, то был их грех. Не об них, мертвых, наш разговор.

Вождь Гнур застыл, как от удара плетью, пригнувшись в кресле. Явно не готов был к такому повороту дипломатической беседы с посланниками. Резкий переход от принятых по канонам приветственных новостей к серьезным обвинениям застал старика врасплох.

– ...Под пытками все тот же конюх о многом поведал. Подслушал тайный разговор со друзьями...

Обмен заурядными новостями с соседями стремительно обретал очертания черной грозовой тучи. Туча накрывала вождя тьмой. День сгущался в красках гнева. Лица знатного собрания багровели. Только не понять – от стыда или от осознания разбитой в щепы дружбы родственных степных племен. Танаис спокойным голосом, глядя прямо в глаза лютому старику, разменивала холодные слова:

– ...Не отдадите в поход отряд лишь потому, что хотите войны с нами. Мор же, три года как случившийся, тот самый, которым и прикрываешься ты как причиной, – не причина...

Сидевшие вскочили с криками протеста. Кто поднял руки к небу, кто бил в грудь кулаками. Занявшие невыгодные места вдали, вскочив вместе со всеми, в недоумении переспрашивали, теребя за плечи впереди стоявших. Танаис подняла силу голоса и в гнев продолжала:

– Как только наш отряд уйдет к Алтаю – вы нападете. Подлю. По ночи, на нас. Так было задумано тобой, достопочтенный Гнур?

Гнур медленно встал. Взял посох вождя. Поднял высоко над головой символ власти. Темного дерева, резьбой покрытый орнамент на посохе – борющиеся тигр с оленем. Сделал шаг в сторону. Послы племени золотых рек оказались по правую сторону, бурно протестующие соплеменники – по левую. Гнур призвал к тишине.

– Да, было задумано. Что уж отпираться. Старейшинами уложили быть такой войне... – Гнур не суждено закончить речь.

– Ты совсем спятил, старик? – Резкий, с хрипотцой окрик в накаленной тишине привел в движение возбужденное племя. Брань, в поругании возраста вождя, не знала пределов. Гул возмущения, в сотнях голосов, заглушил речь высушенного старца. Ропот гнева соплеменников ошеломил вконец Гнура. Часто моргая, старик растерянно молчал. Он, похоже, ожидал немой поддержки, но никак не бунта. Медленно попятился.

Бунт вспыхнул.

Неожиданно, без подготовки. Как на сухой траве поднялось пламя. Горело злобно – во тьме прошлых и не позабытых обид. Копились просчеты вождя, и вышло терпение. Задело за живое тайное самоуправство, в безумии толкавшее к войне. Желаящие поквитаться нашлись. В вождя с силой полетели комья сухой земли. Несколько камней попали в щеки. Гнур, защищаясь, прикрыл ладонями глаза. Старика плотно окружили ревущие волами мужчины озерного племени. За их мятущимися головами не видно отличий вождя племени. Несколько мгновений – и вождь низвергнут ниц, лицом в траву. Заломлены за спину сопротивляющиеся руки. Парик содран, порвана в клочья накладная борода. Шапку в золотых шариках терзает возмущенная толпа. Посох вождя с треском переломлен над бритой головой. Ноги связали, заткнули грязной тряпкой рот и сволокли с лобного места.

Четыре тени остались на высоте. Верзила-стражник стоял, нелепо держа в вытянутых руках отрубленные головы. Недоуменно, в смятении вращал глазами. Растерянно пытался осознать случившееся – бунт, низложение. В конце ж, видно, потеряв нить рассуждений, ругнулся и сел, так же крепко держа чужие головы. У подножия лобного места вершился суд над стариком Гнуром. Сомневающихся партий не возникло. Негромкими решительными голосами мужи озерного края перешли к делу судебному. В спину связанного летели имена обвинителей. Они же и огласили длинный список прегрешений вождя. Безжалостно звучали: «невоздержанность», «предательство кровных друзей», «поруганные традиции отцов», «жадность», «разбой, учиненный над степняками». В конце ж, вердиктом, под унижающий оглушительный хохот, прозвучало «пьянство». Вождь Гнур стал бывшим. Бывшим вождем. Бывшим чело-

веком. Бывший вождь, по традициям Великой Степи, лишился и звания, и жизни. Племя неспешно выбирало нового первого мужа и путь смерти для старика Гнура.

Танаис и спутники отправились прочь.

– Продемонстрируем соседям наше миролюбие. Построиться к битве. Не их ли неуважаемый Гнур нам объявил войну?

Мирную дрему за мощным валом квадрата бревенчатого поселения – ставки племени озерных людей – внезапно нарушила боевая музыка персидской трубы. В меди, воинственными переливами звала к войне. Две тысячи воителей принялись за боевое построение. Спешившись, разбившись по сотням, в сотне по двадцать пять в ряд. Четыре ряда вглубь. Первый ряд совсем юнцы, за ним повзрослее, последний же ряд – проверенные мужи. Ряды копий чередуются с рядами клевцов и мечей. Вот выстроилось центральное ядро, и уступами, на несколько шагов позади, два боковых фланга, загнутые по краям. Заслоняя фланги, заняли оговоренные места два конных отряда, по две сотни, с наборными луками на изготовку. Редкой россыпью, в цепи, перед армией племени золотых рек сотня далеко бьющих стрелков из пращи – зачинщики сражения. Два мешка готовых к полету речных камней у каждого. Из-за пояса каждого бойца ленивцем выглядывает клевец. В тылу – резерв на самых лучших конях, сотня зрелых, в кожаной броне, испытанных в храбрости мужей, среди них видна старшим командиром Танаис. Короткие приказы, как в детстве, на дальнем лугу у плавилен, правят уже давно повзрослевшую ватагу...

Не дожидаясь результата выборов, да и не сильно интересуясь голосованием, наряженное бабское племя озерных потянулось к ошетилившимся боевым порядкам. Женщины шли толпами, как на праздник, надевши разных цветов сарафаны, шитые узорами накидки, высокие шапки. Наведя красоту на лицах краской, женщины толпами несли родниковую воду в кадках, горячие, с пылу, лепешки с начинкой, пироги, тягучий мед, а немного позже – сладкие ягоды на нитках и знаменитых хрустящих, тушеных в грибном маринаде по давним рецептам рыбу и гуся. Ох уж эти озерные лепешки с сыром и в масле! Из печи, в тонком тесте – слегка соленый плавкий козий сыр. Присыпанный пушком, сухой, с кислинкой, с травкой. Каким приятным запахом дома обдавали голодных воителей эти яства! А как же хороша в засоле озерная щука! Как мягок в жирке с золотистой коркой хрустящий гусь! Пройдя с аппетитным грузом через пращников и одарив их, в елее, улыбками и снедью, звонкими голосами с вызывающей ноткой шутки задергали насупившихся в плотных построениях *золотых*:

– А на меня никто из красивых смотреть не желает? Только ты, *сом лесной*?

– Слышь, лысоватый, ты-ты, а в траве кузнечика найдешь для меня? За то напою водой! Лады?

– Гусь-то какой, глянь! Да не про тебя, а про вот того, с каштаном-волосом!

– Рыбка моя, ох ты и хорош! Усища! Медведь со страху убежит!

– Карась, лепешки будешь? Тебе говорю – отложи топорик! Да не бойсь – не сопру.

– Не хочешь пирога с ягненком? Нет? Ой, больно-то надо. Уже ешь? Ешь-ешь. Да не так же живо! Хоть пожуй-то разок – подавишься еще.

– Борода настоящая? Али наклеил? Дай погляжу. На вот тебе бусы из ягод. Сама сушила. Видать, для тебя старалась.

– Эй, тетка на коне! Слышь, взглядом-то не зашиби – медом угошу. Слезай, мед сам в рот не потечет.

Золотые, как прозывали меж собой в озерном краю соседей, жевали, чавкали, пили. Окружив дружелюбными группами прибывшую с дарами нагловатую озерную красоту, насмешничали, обменивались новостями. Многие крепкими родственными корнями проросли в соседнем племени. За житейскими пересудами порядки не нарушились, лишь поплыли кругами, как разводы на воде, вокруг оживленно балагурящих женщин.

К вечеру за валами началось мужское шествие.

Во главе сходящихся ручьями толп, похоже, что новый вождь. Враскоряку – ноги колесом, пониже пленника ростом, вел в веревках перевязанного старика Гнура. Уже сытыми глазами золотые высматривали настрой озерных. Шли без оружия. Ослабились напрягшиеся было порядки. Танаис вышла из подобранных, попрытавших оружие шеренг.

– Я, Скилур... – последовала долгим перечислением череда имен знакомых совместных предков. Закончив с предками, возблагодарил всемогущих Богов в щедрости за новый день. Закашлявшись, продолжил: – Обида нанесена. Несправедливая. Без общего на то согласия. – Скилур откашлялся. Сплюнул мокроту простуды.

– Гнур, по подлости скрытой, хотел... – новый вожак оглядел примирительным взглядом разваливающиеся боевые порядки соседей, – ...хотел втравить единую семью. Нас с вами. В какую-то там... дурную войну. Золото в закромах ваших голову-то старую окрутило. Гнилой Гнур, как выяснилось, в задумках дальних... – Задумавшись, вздохнув, добавил: – Да, старость лишает не только что сил, но и уносит напрочь ум... – Скилур выдержал паузу. Повысив до предела силовый голос, завершил речь уже без комков: – Мы, «добрые» и «худые» озерного края, не согласны с ним. По обычаю предков дарим вам изгнанного из родов наших, бывшего Гнура. Останки же его без погребения поднесем прокормом зверью. Старейшин, что с ним в заговоре, – утопим с позором в озере. Озеро, вечно голодное, съест и бесславных. Добро же их нажитое, старейшин, то бишь, бывших, и жен их – примите в дар. Уже поспешали – кликнули добровольцев в поход. Думаем, деньков так через пять-семь наберем под три тысячи сорвиголов. Вам в поспособу.

Скилур положил на траву у ног посланца ритуальным подношением мятую грязную шапку в золотых шариках. Парадный пояс. Переломленный резной посох бывшего вождя Гнура. Верховная Жрица подняла правую руку. То уговором знак. Порядки вражды распускались. Тропую сквозь толпу шествовал в компании с Тайгетой ответный дар – бык с венком из полевых цветов. Война официально отменена. Обида забылась талым снегом. Никто не хотел трепать по крови близких да родных.

Племена готовились к церемонии замены вождя. В центре поля, что перед защитным валом, вколотили шест. К шесту привязали Гнура. Вывели сторонников из старейшин, связанных по рукам. Семерых. Молодых и в годах. Под заунывную, прощальным хором, песню к духам предков вышел новый вождь Скилур. Гордецом обошел кругом шест. Приговаривал шепотом молитву предкам перед связанными. Подошел к Гнуру. Посыпал поникшую голову бывшего вождя сухой землей. Дунул в темя. Перерезал клинком путы. Вложил в старческие руки потрепанный клевец. Вызвал на поединок громким голосом.

Гнур принял вызов. Старик, собравшись с духом, поднял голову. Взял крепко клевец. Без накладной бороды, без парика, в рваной грязной одежде, точнее, в том, что когда-то было нарядными синими штанами и синей же рубахой навыпуск. Ремня с золотыми накладками, как и прочих атрибутов власти, давно уж нет. В старике трудно узнать прежнего надменного Гнура. Лысый, сгорбленный, в обиде, подавленный.

Неравный поединок начался. Тишина воцарилась среди зрителей. Хор в тридцать наливных мужских и женских голосов поднял песню поединка. Две плотно сбитые, в полноте, жрицы озерных властно задавали тон. Одними только голосами, без сопровождения инструментов вывели стройную балладу про честь в бою. Согласными стихами равняли сражающихся воинов с теньями, что исчезают под светом солнца в полдень. Торжественное настроение овладело зрителями. Боги-покровители должны видеть подобающий ритуал. Песня неизбывной грустью звала их, всемогущих и бессмертных, присоединиться к людскому представлению. Той же песней молодость переменяла старость, что отзывалось, в дословности, именно этому ритуальному поединку.

Гнур давно уже не слыл бравым рубакой. Старость годами исподволь отнимала силы. Мор, случившийся три года назад, на который, как на причину отказа идти в поход, он, Гнур,

привычкой ссылался, окончательно подломил силы бывшего вождя. Болезнь, унесшая семью, всех детей от трех жен, выпила досуха сок жизни в теле Гнура. По канонам традиций вождя следовало умертвить с честью. Не как жертвенную овцу – одним ударом. А как воина – в бою. Продолжительный танец хищных подскоков, приседаний и фальшивых уклонений от ударов закончился обрывисто-удивленным:

– Оо-ох!

В очередной раз, изобразив уклонение от удара клевцом, Скилур вспорол живот противнику клинком снизу вверх. По середину клинка меч вонзился в тело бывшего вождя. Хор разом замолчал, на полуслове прервав балладу. Гнур с жутким криком пал на колени. Вой умирающего вынес прочь торжественный настрой, заданный песней. Обеими руками поверженный пытался удержать синие в крови кишки. Второй удар, направленный уже в сердце, прекратил мучения. Старик рухнул. Задергав ногами в короткой агонии. Трава плотно забила вопящий рот. Достойной смертью на глазах лучших из двух племен ушел к предкам Гнур.

Племя решило сохранить лицо. Сохранить гордость, но не Гнуру, в старческом безумии готовившему войну. Старым и малым из племени озерных людей, тем, кто жил на берегах и островах огромного пресного моря. Кровью прежнего вождя обида окончательно смыта. Озерные подняли глаза. Братство степных племен восстановлено.

Глава 11. Признание в любви

Золотая колесница неспешно, бесшумно вращая спицами, перемещалась по мирному лагерю племени золотых рек. Холодное задалось утро. Предраассветный туман с озера, жирным молоком стелясь по теплой весенней земле, накрывал в коричневой коже шатры. Шатры выставлены линиями у повозок. С востока на запад. Значительный получился муравейник, но вот только воинов в походных жилищах нет. Отряд золотых не ночевал в лагере. Полным составом. Кроме десятка-двух, в дозоре коротавших тьму у нескольких костров.

По настойчивому приглашению озерных, высказанному неоднократно угрожающим тоном, которому невозможно отказать, золотые ушли пировать с вечера к гостеприимным хозяевам. Озерные разобрали поголовно всех, прихватили бы и дозорных, но главным командиром отряда – строгая Танаис. С ней озерные не управились. Жребием, в сотнях, выбрали караульных. Под напутственные, временами неприлично забористые пожелания остающихся в дозоре – воины в обнимку с приглашающими беззаботными толпами покинули холодные шатры.

Красной точкой в пелене звал костер. От костра с молчаливыми воинами отделился юноша. Отложил копье, поднял с земли сверток. Решительно зашагал к колеснице. Поправил шубу из шкур горного козла, прямо выставил вязаную шапку с ушками. Поравнявшись с лошадьми, склонил голову в приветственном поклоне.

– Колакс?

– Да позаботятся о вас Боги! Да будет ваше утро счастливым!

Колесница остановилась. Возничий – жрица Тайгета – натянула поводья. В ожидании кинула взгляд на Колакса. Улыбнулась сдержанно. Девичье чутье уловило новый мотив в торжественном виде юноши. Легкий толчок локтем в бок – попутчику. Попутчик Тайгеты отвернул голову и предпочел поглубже закутаться в волчий мех. Юноша с почтением смотрел на молчаливого седока с противоположного борта боевой повозки. Медленно поднял обеими руками меховой сверток.

– Это мне, Колакс? – Тайгета хитро прищурила глаза. Тон сменился с рассеянного на шуточный.

– Мой скромный дар верховной жрице.

– Жрица, воин имеет честь обратиться к вам. – Тайгета повернула голову к попутчице. Попутчица по-прежнему молчала. С немалым интересом придирчивым взглядом инспектировала шатры. Тайгета заулыбалась еще шире.

– Продолжай, воин. Что за дар ты приготовил верховной жрице?

Неожиданно Колакс опустился на оба колена. Высоко поднял над головой сверток. Дрожанием от волнения голосом повел разговор с травой, что под колесами золотой повозки.

– Я хочу поклясться жрице, Богине-Матери, в *вечной любви*.

Тайгета перестала улыбаться. Ее выразительное, всегда подвижное лицо стало непроницаемым. Холодным. Попутчица медленно с интересом развернулась к стоящему в коленях. Заговорила:

– Колакс, ты хорошо подготовил слова? Ведаешь, что будешь говорить мне? – Тон ответа белый, как молоко тумана. Не понять настрой важного лица. Юноша, набрав побольше воздуха, видно, чтобы не задохнуться, продолжил беседу с травой:

– Жизнью клянусь быть до конца смертного с тобой... – Вот с этого места ход выученной наизусть, нараспев начатой почтительной беседы сбился. Сбился вконец прерывистым дыханием. Юноша вдыхал и выдыхал несобранные слова. Как казалось, совсем не те, что приготовил: – ...Люблю, как не любил никого. Никогда. Никогда не знал женщин... не хочу знать. Быть только с *тобой*. Знать, что *ты* жива. Знать, что *ты*... *ты* счастлива...

Тайгета в удивлении подняла брови. Обернулась с немим вопросом в глазах к соседке. Танаис смотрела сверху вниз на говорившего. Не намеревалась прекращать сбивчивый поток откровений.

– ...Прожить жизнь для *тебя*. Рядом... Умереть за *тебя*... Люблю *тебя*...

Танаис хлопнула несколько раз ладонью по поручню колесницы. Юноша прекратил беседу с травой.

– Подними глаза.

Однако ж зеленый цвет молодой травы – невероятно изумрудный. Так зачаровывает, что доблестный юноша не может оторвать от него глаз. Танаис, придерживая одной рукой шубу волка, другой подобрал подол синего платья, сошла с колесницы. Короткий шаг. Она стоит прямо перед протянутым к небу свертком. Тремя пальцами правой руки подняла подбородок «смотрителя травы» вверх, к себе. Глаза Колакса плотно зажмурились, захлопнувшись, словно створки раковины.

– Колакс, ты умеешь хранить секреты? – Девушка всматривалась в плотно захлопнутые глаза. Юноша закивал. – Да? Расскажу тебе сказ моего отца, поведенный им мне в детстве.

Сказ про паука и цветок

Обнаружился в поле цветов. Среди зеленого поля. Один цветет. Нет среди травы иных цветов. А тот цветок белый. Без оттенков. Ярко, в белизне, цветет. Заметен издали. Отец остановил коня. Подошел к цветку. Восхищен стройностью стебля. Длинный стебель. В канавках. Поднялся стеблем цветок высоко. Почти что в рост отца. Стоит себе, знай, качается на ветру. Качается, да не ломается. Словно бы в танце подвигается.

Цветок, как выяснилось, – соцветие. Рассмотрев поближе, можно видеть – состоит из множества белых, поменьше. Плотно прижались друг к другу маленькие цветки. Переходят лепестками один в другой, точно что взялись руками. Образовали шар. Ровный. Без изъянов. Маленькие цветки стали частью шара. Красивы каждый по себе. Симметрия лепестков.

Начал было отец считать маленькие цветки в белом шаре, да сбился и потерял счет. Сбился вконец. Много их. Присмотрелся к малышам, частям цветка. Если долго высматривать, то обнаруживалось, что каждый из малышей не похож видом на соседа. Один цветом чуть темнее, другой с лепестком короче. Найдутся тысячи различий. Когда же сошлись цветки в шар, то отличия исчезли. Стали шаром цветки. Единым, белым, чистым цветком. Без переходов в цвете.

Запах тонкий у цветка. Захотел отец явственней ощутить аромат таинственный. Потянул бережно, вот так, как я тебя к себе, крепкий стебель – не хотел ломать дар. Приготовился вдохнуть богатство цветка. Упрятанное богатство. Уже собрался прикрыть глаза. Совсем как ты сейчас. От блаженства замер, как вдруг...

Танаис замолчала. Пытливо изучала лицо юноши. Тот так и стоял, замерев, с плотно закрытыми глазами. Похоже, вознамерился в этой позе дожидаться заката. Тайгета давила неудержимо пробивающуюся улыбку. Танаис резко и громко хлопнула в ладоши. Прямо перед лицом мнимого незрячего. Незрячий не шелохнулся. Только еще сильнее свел брови.

– ...Как вдруг!

Из середины цветка, из середины душистого белого цветка... выполз... *зеленый паук!* Крупный такой. Ядовитый. На восьми лапах. Но не из тех паучьих, что сеть хитростью простой плетут узором, на виду. Из тех, кто бродит, ищет. Найдя – нападает. Охотник. Приготовился к прыжку. Паук сидел в центре шара. Выжидал. Накопив яд. Пребывал на охоте. Дремал. Когда зашевелился цветок, решил взяться за смертельное дело.

Удивился отец. Не ожидал сюрприза. Отпустил цветок, без толчков отпустил. Паук пропал внутри шара... – Танаис широко улыбалась, прервав рассказ. Коротко посмотрела на подругу. Вернулась взглядом к собеседнику: – О чем мой сказ, Колакс?

– О племени, моя достопочтимая жрица, – последовал ответ.

- Продолжай...
- Мы, люди племени, – те цветочки, что складываются в племя-шар.
- Правильно говоришь... – тон жрицы одобрительный.
- Вырвешь один из шара – нет цветка – соцветие исчезло.
- А если вспомню клятвы твои, Колак?
- Для того их и сказал, моя Богиня-Мать.

Танаис приняла сверток из протянутых рук. То был знак. Долго же юноше пришлось дожидаться на коленях принятия своих даров.

– И это все, что ты понял в сказе? – в смягчившемся голосе сквозила лукавая девичья насмешка над обожателем.

– Паук не я. Нет яда. Нет замыслов. *Подлых*. Не ищу выгод в твоей дружбе. Богиня-Мать сказанному свидетель...

- Колак, принимаю дары. Принимаю клятву. Поручение тебе. *Друг*.

Юноша опустил голову. Время замедлило для него ход. Раскрасневшиеся щеки. Открыл переполненные счастьем глаза. Похоже, вознамерился пересчитать в траве муравьев, спешащих по важным делам муравьиным.

– Возьми в шатре шапку Гнура, жезл переломанный и его пояс. Передай отцу. Иди тайно и скоро. Возвращайся. Нужен ты мне. – Танаис заняла покинутое место на колеснице. Возничий пустил неспешно лошадей. Без скрипа сдвинулась легкая колесница. Юноша, нет, не шагом, а привычным бегом стража границ устремился по одному ему известному маршруту. Танаис обняла подругу, через ее плечо украдкой посмотрела вслед юноше.

- Посмотрим на лодки, что дает нам новый вождь? Двадцать обещал. С почетом.

Тайгета продолжила ее взгляд. В разрывах тумана юноша достиг главного шатра. Поприветствовав караул и отъехав от костра, с озорством Тайгета спросила:

– Как думаешь, Танаис? После нашего визита озерные прибавятся числом? Ночью-то никто из них, поди, не спал?

- Смешешь, Тайгета...

– Ну как же – сытно накормили, напоили. Ну а наши-то доброты по-соседски возместили им убыль от мора.

Туман рассеивался под легким ветерком. Солнце с переменным успехом пыталось пробиться сквозь молоко белыми лучами. Тайгета правила лошадью к озерной гавани. Краем глаз наблюдала за руками подруги, медленно развязывающей тугие праздничные узлы на объемном свертке из хорошо выделанной медвежьей шкуры. Внутри свертка лежало три предмета: череп медведя, видимо бывшего владельца шкуры; череп человека, похоже мужчины, с зазубринами от стрелы в глазнице; между ними, в бережных складках-делениях пакета, – золотой, тонкой персидской работы цветок, из прошлогодних трофеев. Тайгета долгим взглядом в молчании изучала настроение Танаис.

– Наш Колак непрост. Ух как непрост. Как его сверток – с отделениями. Часть для забав – с медведем. Часть для войны. В центре души Колакса – ты, подруга. Золотым цветком живешь-проживаешь...

Девушки дружно засмеялись. Жаль только, юноша не слышал песню о любви переливчатой музыкой девичьих голосов. Он далеко, с парой коней в запасе, птицей разменивал межвые камни...

Несмотря на ранний час на пристани *озерных* кипела работа. Как и обещал новоизбранный вождь, двадцать лодок, на десять гребцов каждая, готовились к отплытию. Лодки из наборной доски вытаснены, частью дном, частью скамьями кверху, – на берег. Человек тридцать озерных варили клей, раскладывали бечеву и собирались конопатить «*водные повозки*» – как меж собой называли лодки. Весла красились едкой краской, составом на ртути – киноварью.

Краска цвета крови и цвета жизни узором наносилась на весла. В планах работников значилась и роспись лодок тем же замысловатым узором – краску в мисках выставили у бортов.

Скилур, в заботах, раздавая указания, передвигался среди лодок, костров, запасов, обмотанных бечевкой. Никак он не был похож на вождя. Ни дать ни взять обычный рыбак – кожаные штаны и шапка, серая рубаха в пятнах, с закатанными рукавами, босой. Хотя Скилур из знати, зрелого возраста, с седеющей головой, сей достойный муж не стремился к показным проявлениям власти. Без посохов, без оружия, без золотых украшений и дорогих одеяний. Занят делами. Наверное, поэтому в единодушии «озерные» выбрали именно его главой племени. Заметив колесницу с важными гостями, Скилур отложил хлопоты:

– Утро доброе. Хотя какое оно *доброе*? Туман вон как накрыл. – Скилур широко развел руками, словно извиняясь за непогоду. Девушки сошли с повозки. – Есть *ой какой важности* разговор к тебе, достопочтимая Танаис. – Вождь «озерных» окинул вопросительным взглядом обеих девушек. Скилур, как видно, не любил ходить в речах вокруг да около. Потому сразу перешел к беспокоившим делам.

– Да, почтенный вождь, продолжай. Тайгете, моей давней подруге, можно доверять. – Танаис подняла правую руку.

Скилур развязал внушительных размеров кiset. Запустил поглубже руку. Достал нечто, торжественно развернул. На золотой цепочке висел массивный кулон или амулет. Бородатый, в плоском уборе мужчина. Человеческая по пояс фигура переходит в птичий хвост. Чеканкой по золоту мастер изобразил фигуру в профиль, слева направо. С правой рукой, сложенной в приветствии. С левой, сжимающей венок. Раскрытые для полета крылья завершали сложную композицию, грубоватую в прорисовке деталей.

– Ахура Мазда. Единый Творец. Бог Папай, по-нашему... – молвила верховная жрица.

– Танаис, мне то известно. Не про огнепоклонников речь веду, – Скилур взял за крылья амулет. – Золото то, персидское, ночью один из ваших старших командиров передал в обмен на дар дружбы.

Танаис молчала. Губы плотно сжаты. Ждала, когда обнаружится главная нить разговора. Скилур вновь удивил манерой вести беседу:

– Было сражение с персом? Нас, значит, не позвали? Почто такое унижение? Трофеи достались, судя по кулону, серьезные?

Танаис хотела отвечать, но Скилур, в той же простой и решительной манере, продолжил изумлять:

– Народ мой озерный не раб предводителей. Не только что Гнур... – Скилур подвигал челюстью, словно пытался прожевать что-то твердое. Подбирал слово. – ...Среди нас головой. Был... Обратись вы к нам, Гнур там или другой кто – сразу же снарядили бы отряд. Дрались бы с врагом достойно. Ты уж поверь... – Скилур продолжил подбирать слова. Видно, что вождь озерного племени давно обдумал беседу. Готов выдать соль размышлений. – Мор сильно проредил племя. Что тут скрывать. Э-эх! Четверть крови потеряли. Хорошие семьи исчезли, в пути к предкам. Ослабли.

Скилур резко выпрямился.

– Есть предложение к племени золотых рек. Обдуманно сходом «добрых» и «худых» в совместности, решено – сплотить два племени под одним вождем. Вашим. Твоим отцом. Если не против, то нашу молодежь переженить с невестами от вас. Мальков под сто нашлось в добровольцах. В женихи готовы мы набиться, то бишь. – Скилур просиял. Маленькие выразительные карие глаза лучились. Припрятанную соль добавил вождь озерных в угощение гостей.

– Скилур, верховная жрица – *не вождь*...

Глава озерных, не дослушав, пресек речь Танаис жестом правой руки. Как будто ножом рассекал рыбу из улова. Заговорил скороговоркой:

– Избрана новым вождем *ты*. Среди *твоих*. С кем говорю, знаю. Кто стоит тут, в каком звании – тоже мне ведомо.

– Предложение принято. – Танаис улыbnулась и подняла правую руку открытой ладонью к небу.

Почтительно два головы родственных степных племен обнялись. С силой похлопали друг друга по спинам. Скилур, в щедрости, улыбался. Искренний вид открытого человека, в простых замасленных одеждах, посреди трудов, подкупал. Погода упорно не переменалась. Туман не хотел разлучаться с теплой землей. Разрывы сменялись новыми подолами сырости. Но троих людей, похоже, совсем не заботило холодное облако с озера. Нечто важное, даже великое, случилось в тумане между лодками. Народ в заботах принялся стучать деревянными молотками, законопачивая щели.

– Мы друзья? – вождь озерных принял серьезный вид.

– Друзья, Скилур. Одна семья. – Танаис подняла брови. Скилур хлопнул ладонью себя там, где сердце:

– Танаис, оставь ребят у нас гостить. Не обидим. Пусть покрепче задружатся. Возьмем молодежь, и к вам. За свадебным обрядом? За семь-то дней обернемся? Тем временем наши добровольцы с дальних поселений в сборный отряд съедутся?

– Ох, и мастер ты, Скилур, речи говорить. – Верховная жрица усмехнулась.

– А что не так в моих речах? Танаис? – вождь озерных повел плечами.

– Все в них ладно. Как камнем кидаешь. Тяжелым таким. – Тайгета на этих словах подруги засмеялась.

– Не сердчай. Уж как могу. – Скилур не обиделся ни на замечание, ни на смех двух жриц. – В прямоте живем. Разделим трапезу? Круг умных соберем? Ведь есть что обсудить?

Посреди пристани жестом радушного, хлебосольного хозяина вождь озерных приглашал к невидимому столу с невидимыми яствами, с невидимыми собеседниками.

Глава 12. Свадьбы

Мало кто из *золотых* ожидал снова увидеть обожаемую верховную жрицу. Удивлению, восторгам и песнопениям не было конца. Верховная жрица и жрица Тайгета вернулись в пределы племени, да не одни! В окружении молодых людей из озерного края. Рядом, на равной линии со жрицами, восседал на белом коне, нет, не известный зануда Гнур-старик, а кто-то из знати *озерных*. Одет в парадные одежды вождя? Почему? Стяг озерных развеялся над ним. Позади незнакомого вождя выстроились цепью гости, числом под тысячу с небольшим, все из *озерных*: «добрые» и «худые», женщины и мужчины в открытых повозках, запряженных быками, быки же с венками полевых цветов на рогах. Шумные озерные нарядились так лихо, словно бы на праздник явились.

– Отец, принимай гостинцы.

Вождь не слушал слов. Обнимал дочь. Времени прошло совсем немного. Мотив той щемящей радости – прощались как навсегда.

– Не ждал увидеть? – Танаис ладонями сжимала щеки отца.

– Нет, каюсь, нет. Так рад. Так рад. Душа моя. – Скопасис ловит родной запах. Долгим взглядом всматривается в каждую черточку лица дочери. Что видит отец в ней? Привычные черты? Время, прожитое вместе? Воспоминания детства на двоих? Отражение своего лица – в женском? Понимание, присущее только людям, что каждый день встречаются вместе? Для Скопасиса дополнили бесконечный список черт единства с Танаис – и обдуманые мечты, и даже сродство умов. Отеческая любовь связалась практичным тугим узлом с дружбой верного помощника в делах серьезных племени.

– Не одна – со мной сваты и женихи...

– Сваты и женихи, говоришь?! Да где они? – Скопасис от дочери перешел к гостям. Обнял, скорее даже обжал, медвежьей хваткой Скилур, известного ему по давности ушедшей молодости.

– Ох и крепко жмешь объятия, Скопасис! – что-то хрустнуло у гостя.

– Какие гости, так и привечаем!

По одному к вождям подходила молодежь соседнего племени. Громко называл каждый муж имя свое, имя известных предков, вынимал начищенное в блеске оружие, обеими руками держа, – в уважении демонстрировал родовую гордость вождям, отходил в сторону. Его место занимал следующий соискатель семейного очага.

– Выкуп за невест привезли, – подвел итог проходу женихов Скилур. Скопасис в шутку недоверчиво переспросил:

– Выкуп? Позволь, но чем?

Скилур в ответ сделал знак рукой. Из толпы сопровождающих вынесли с два десятка добрых по весу мешков.

– Солью, – громко отвечал вождь озерных. Скопасис хлопнул ладонью по бедру. Подарок отличный. Чистая соль из ближнего моря выделки озерного племени дорого ценилась не только у соседних племен, но и далеко за пределами этих мест. Довольно защелкал языком хозяин.

– Можем ответить? – Вождь золотых повернул голову к двум девушкам.

Тайгета горделиво с улыбкой подняла голову. Оценивающе осмотрела ряды женихов, сватов и сопровождающих. Танаис с напускной строгостью держала ответ:

– Выкуп добрый. Имена женихов узнали. Их род проследили. Оружие оценили. Но вот... – Установилась положенная пауза. Несколько сотен глаз, не мигая, смотрели на жрицу золотых рек. – ... *Удаль* еще не видели!

– А-а-а! Ну это мы *завсегда*... – Скилур перенял напускную строгость хозяев. Поддержал торжественное и волнующее настроение праздника. Пожалуй, главного праздника в степ-

ной жизни. Как положено установленным свадебным обрядом, женихи должны показать *удаль*. Девушки – пройти *испытания невест*. Потом состоится *выбор пар*. Общий совместный брачный танец для радости Матери-Богини. Очистительные бани перед началом новой жизни. Жертвы Богам. Клятва верности молодых – уже для племени. Финалом – сытный пир для духов предков. Каноны празднества знакомы до деталей многим, но вот в каждом знатном сватовстве полагалась своя «*чудинка-ягодка*». «*Ягодку*» предложил вождь соискателей.

– К середине празднеств, как и положено, *удивим*, – Скилур не стал уточнять, что имел в виду под «*удивим*», но жрицы с пониманием переглянулись.

Праздник откупорили, как новый мех с вином.

Несмотря на жаркий полдень суматоха приготовлений дымом очагов накрыла всю без исключения женскую долю племени золотых рек. У женщин – и молодых, и в седине – вдруг объявились насущные безотлагательные дела. Торжественная одежда в важной спешке чистилась, штопалась, стиралась, сушилась. На реке не протолкнуться. Гомон, шутки, смех, стук кадок. Между срубам в поселении летучими теньями с набитыми добром мешками тоже сновало, и не в праздности, степное бабье. Шел бойкий обмен красками, париками, гребнями, ленточками, головными уборами, поясами и оружием. К портнихе, известной мастерице племени с двумя запыхавшимися ученицами, выстроилась шушукующая очередь с неотложными заказами. На острове собственная история – чинно знатные готовились к обрядам. Жрицы доставали ритуальные украшения и наряды, оленьи маски в золоте для лошадей. Чистили упряжь золотую, расшитые попоны, бронзовые жертвенники, священные ножи. Резали папоротник. Взвешивали и фасовали коноплю.

Мужская доля племени без лишней суеты занята размещением гостей. На поле, за плавильнями, разбили гостевые шатры. Ставили без давки, с широкими разрывами, так, чтобы три всадника могли разъехаться. Шатры расставили вытянутым прямоугольником. В центре – лобное место, площадь для пира. За шатрами, с западной стороны, – повозки озерных. Волон пустили пастись в предгорных лугах, чтобы не мешались на празднике. Втаскивали на поле тяжелые еловые столы, огромные котлы для готовки свадебной пищи. Ряды столов образовали семь длинных линий, сходящихся к двум главным столам для знати, вождей и жриц. Сложили костры. Уже с гостями разделявали мясо для ужина. Покончив с мясом, назначенные повара из двух племен готовят баранье рагу. Угощения подбирались сообразно общим вкусам. Обменялись домашними секретами доведения мяса до нежной готовности. Сошлись в соли и специях. За обсуждениями прогнозов на урожай скатали из просяной муки клецки.

К вечеру приготовления закончились. Несмотря на подступавший яркими красками закат взялись за свадьбы. Уставшие с дороги гости, уставшие в приготовлениях хозяева, перемешавшись семьями, обнявшись, заняли места на поле. Две группы: невесты, числом, равным женихам, и сами счастливые женихи – вознесли молитву Богам и Предкам. Два хора обращались к заходящему светилу. Невесты воззвали к Богам, дабы те обратили взоры на торжество молодых людей. Женихи благодарили в ответной песне племени за честь вершить новый переход в жизненном пути. После заката закончили песнопения.

Два племени в теплых весенних сумерках сели за столы. В первых коротких разговорах, среди изучающих перекрестных взглядов, нашлось место и для осторожных шуток про скот да про погоду, и для смелых планов объединения. Семьи привыкали друг к другу. Легко заучивали имена. Под полной луной неохотно, подолгу прощаясь с возможно будущими близкими родственниками, гости разошлись по шатрам. Хозяева же при свете частых факелов продолжили подготовку. Распределяли скот для пира, готовили лошадей для состязаний. Женщины выделяли имущество будущим семьям. Многие золотые лишь под самое утро сомкнули красные глаза.

Гвоздем программы нового дня должна была стать *игра в мячи*.

Правила известной игры слегка изменили – на свадебный манер. Вместо двух хорошо сбитых в тренировках команд, теперь выпускали на поле две команды смешанного состава – из представителей двух племен. В каждой команде оставили по двенадцать наездников и одного жоака – зрелого мужа из знати. Жоаки не играли – в руках держали стяги команды. Синий или красный. В каждой «свадебной» команде по шесть невест и по шесть женихов. Две лавины всадников неслись навстречу друг другу, перекидывая на полном скаку свой крашенный в цвет команды шерстяной мяч с камешком внутри, для веса. Две лавины – два мяча, перебрасываемых от всадника к всаднику. Не уронить! Не дать перехватить мяч команды. Перехватить мяч соперников. Ни на мгновение мяч не должен останавливать полет от игрока к игроку. Команды неслись навстречу, перемешивались. Замирали в борьбе. Продолжали перебрасывать свой мяч и стремились перехватить чужой. Разъезжались, разворачивались и снова сходились на полном скаку. Так продолжалось до тех пор, пока одной из команд не удавалось перехватить мяч соперников или пока не выбывала команда, уронившая в мяч в траву. Борьба шла за нешуточные призы. На кону – полновесные золотые шкуры.

Со стороны казалось, что сталкиваются два опасных конных отряда и идет жаркое сражение. Возможно, в том истинный смысл игры. Но в свадьбах женихи и невесты не оттачивали военное мастерство – знакомились – в шутку, играя, глазами, чувствами выбирали будущего партнера. Трудно собрать команду из незнакомых людей. Трудно сразу, без подготовки, сесть на чужого коня, пуститься в игру. Запомнить команду по именам. А как быть с секретными знаками для подачи команд? Приглашенным игрокам пришлось особенно трудно: надо сохранить гордость – не ударить в грязь лицом под взглядами наблюдательных соседей, не стать посмешищем для сотоварищей, а ведь еще надо понравиться вон той красивой девушке! В первых же раундах игры скованность отброшена. Верх взял азарт. Приятное открытие! Гости из озерного края не только умели рыбачить. Хорошо держались и на лошадях. Уверенно ловили мяч, выполняли длинные передачи за спинами, отводили внимание противников хитрыми обманками. А какие умели строить веселые рожицы, хитря в игре!

– Без поддавков!

– Судить будем строго! – напутствовали вожди первую партию игроков. Как водится, в играх не обошлось без смешных моментов. То посреди уверенной атаки дивчины начнут старой привычкой сбиваться в стаю, то женихи нороят подольше – для пущей уверенности – поддержать мяч в передачах среди своих. Больше всех рассмешил симпатичный гость с копной непослушных соломенных волос. Он умудрился не только удержать мяч и свободной рукой перехватить в полете чужой, но и тут же, завидев друга, примкнуть, по забывчивости, к чужой команде. Отъехав в рядах противника, юноша под общий дружный смех вернулся к товарищам по команде. Все так же с двумя мячами.

Играли азартно, меж тем бережно. Никого не свалили, драк и ругани тоже не примечено. Настроение счастья сливалось с настроением весны, щекотало щеки, развевало волосы на ветру. Какие же могут быть ссоры? Самое время любви. Так прошел первый день свадеб. Золотые призовые шкуры обрели новых хозяев.

Глава 13. Испытания невест

– Достопочтимый, а ты не расскажешь про дела прошлогодние? – Скилур крепко взял за плечо вождя золотых. Твердый взгляд и интонация под стать.

– Расскажу. Как не сказать тебе, мил человек. – Вождь золотых усмехнулся, провел ладонью по усам и бороде.

– Вот прямо сейчас и выкладывай, – настаивал Скилур.

Ясными словами Скопасис описал поход, не упустил возвращение со счастливым спасением. Луна висела круглой серебряной чашей. Возле очага вместительного гостевого шатра – десятка два мужей в годах. Большею частью из озерного края. Повествование завладело всеобщим вниманием. Взгляды – на главе золотых. Мужики потеснее сдвинулись к огню. Затаив дыхание слушали, ловя каждую деталь похода и сражения с персами.

– Что делать дальше? Обдумал? – Вождь озерных в задумчивости смотрел на говорившего.

– Враги пришли из страны хурритов. – Скопасис встал. – Хваризам поддержал персов. Предполагаю, скоро начнется вторжение. Тем обиднее, что хурриты, родственные степные племена, предали нас.

Мужики молчали. Война расправляла крылья. В том не было сомнений ни у кого из сидевших.

– Отправляем отряды на далекую сторону, а у самих под боком пожар горит. Так, что ли? – Скилур в свойственной ему манере прямо тянул нить разговора. Скопасис обвел глазами участников беседы.

– Одна дума не дает покоя. Хочу разделить ее с вами всеми.

Мужики в согласии закивали головами. Войны никто из них, как видно, не страшился. Однако по глазам читалось жгучее желание добиться в той войне решительной победы.

– Перетянем часть племен хурритов на нашу сторону? – Скопасис направился к выходу. Выглянул из шатра. Кликнул стражу из хозяев. Тихим голосом отдал указание. Закрыв пологом вход. Скилур продолжил недоговоренную фразу хозяина встречи:

– Хочешь сказать, вождь, *заселим союзные племена на нашей земле*? Так их перетянем? Да, достопочтимый?

В ответ хозяин шатра широко улыбнулся.

– Прямо под корень жнешь. Да. Такая вот дума имеется. По прошлому лету трофеями нам досталось комплектов амуниции на десять тысяч бойцов.

Мужики подняли удивленно брови. План вождя прояснялся до деталей.

– Стало быть, хурритов вооружим? Отправим назад на царя Хваризама? – Скилур уважительно посмотрел на Скопасиса. Ему все больше нравился друг детства.

– И опять прав ты. – Скопасис обнял Скилура. Мужики обнялись во взаимности. Дружба единым пониманием судьбы усиливалась.

– Вот так и говорить скоро ничего не придется. По глазам сокрытую думку видишь...

Старейшины племен в голос засмеялись.

– В честности поступать с хурритами мое к вам предложение. Соберем у нас единый круг. «Добрые» из наших племен...

Скилур позволил себе жестом дополнить слова хозяина шатра:

– Ты хотел сказать, *нашего племени*? Так, слегка ошибся во множестве?

Скопасис встретился взглядом с каждым из присутствующих. Получив подтверждение – где кивком, где взмахом правой руки, продолжил:

– *Нашего* племени, ты прав, Скилур, и вожди родственных хурритов здесь выскажутся. Примем единое решение. Тем из них, кто против рабства под царьками, *назначенными пер-*

сами, – милости просим к нам. Согласные на переселение принесут клятву пред Богами на верность новому племени. Вольются в нас. И вот тогда...

– ...Возьмемся за войну с предателями степи? *Рабами персов?* – Скилур сел полным весом на сундук с чьим-то приданым. Скопасис энергично кивнул.

– Предлагаю дать обделенным хурритам землю у нас. В честности объединиться. Породиться. Собрать единую армию. Снарядить трофеями. Вернуть Хваризам, наш степной Хваризам. Держать обещание, без подлости. Что думаете, почтенные?

Мужи закивали. Молчанием поддержали план вождя племен. Скилур встал с сундука – хранилища сокровищ для новой семьи. Заботливо предложил нагретое сиденье вождю объединенных племен:

– Скопасис, ты присядь. В уважении выслушай – теперь моя думка полетит к тебе. Мы в *озерном краю* получше-то вашего знакомство ведем с хурритами. Иное лето считай что каждый день по делам речами перекидываемся... – Скилур тщательно подбирал слова и интонацию. Почтением правил речь: – А предложение, вождь наш, к тебе такое: отпразднуем свадьбу, и те, кто здесь... – Скилур обвел правой рукой мужей озерного края, – ...отправятся тайной дорогой к знакомым, на тот берег великой реки. Деньков через двадцать, никак не позднее, возвращаемся к этим же шатрам. Просьба: ты, дорогой наш вождь, шатры свадебные не разбирай. Сгодятся для постоя хурритов.

Скопасис кивнул:

– Добро, Скилур. Место радостью осветили. Удачу внесли. Говори дальше.

Мужи заулыбались. Вспомнились веселые, озорные дневные соревнования.

– Так вот, мы, значит, озерные, проведем вождей хурритов тропами, ведомыми только нам. Здесь, в свадебных шатрах, убедим родню дальнюю. Отряды при оружии покажем им. Да особо-то и убеждать не придется! Хурриты задиристый народ. – Скилур особым жестом провел рукой, словно по шерсти любимого пса. – Только вот когда огонь запалим? Вождь?

Скопасис громко огласил давно обдуманное решение:

– Думаю, мужи, тянуть никак нельзя. Летом пойдем войной за Хваризам. К урожаю проса и закончим бранные дела. Как мыслите, «добрые»?

Двадцать правых рук поднялись сжатыми кулаками к потолку шатра. Луна серебряной поддержкой сияла через круглое отверстие в куполе шатра. План двух вождей принят знатными племен. Сроки названы.

– Еще одна просьба наметилась к тебе, уважаемый вождь. Позволь от всех нас оглашу? – Скилур впервые за обсуждение позволил себе улыбнуться. Улыбнулся открыто, бесхитростно.

– Попридержи-ка жрицу. Верховную. Танаис, дочь твою. В походе божественная помощь нам ой как сгодится.

Скопасис, непривычно для мужа, облеченного властью, опустил в глубоких сомнениях голову. Горькие тона окрасили его слова:

– Ага, попридержишь ее! Тут племенем просили. В слезах стояли перед ней. Не получилось. В цепи пытались обрядить! Волосы отрезала и ушла за вами!

– Что... как... мы ее, Танаис, то есть, верховную жрицу Матери-Богини, командующим армией изберем? – предложил Скилур деловым тоном. – А как! Вождь, откажется тогда она? Колебаний лично для меня нет – дочь твоя *не человек*...

Мужи удивленно воззрились на стоящего перед очагом Скилура.

– ...*Дочь твоя* и есть *наша Богиня-Мать*. В миру. В облике человеческом. Как увидел первый-то раз Танаис, в ее беседе с грешным Гнуром, так и дошло до меня, *кто* она, а *кто* мы. После чудес с призраками и тем *сбежавшим озером*, о которых ты сказывал, вождь, так и последние сомнения разрешились сами собой...

Вздых изумления прошелся по кругу совета объединенного племени. Скилур, оседлав внимание мужей, продолжал необычную речь:

– Только с *Богиней* и сможем победить.

Скопасис поднял глаза. Ясный взгляд. Закивал головой. Вскинул правую руку, шум удивленных голосов стих.

– Верно молвил ты, почтенный Скилур. – Скопасис, словно взвешивая мерой дальнейшие слова, предварил их паузой. – Именно так и считаем племенем. Духом живет среди нас Богиня-Мать. В дочери моей – Танаис – очередное рождение Богини Вечной. Не сочтите за поругание вас, вот вам еще одно тому доказательство. Помнишь, друг мой, тот страшный мор, что случился у вас?

Печальный гул среди озерных стал ответом на вопрос вождя.

– Так вот, мужи почтенные, с рождения Танаис в племени нет хвори. Нет, и все тут! Никто не помер от хвори – ни от той, что с вами приключилось, ни от тех, что ранее у соседей прошли...

Единодушно поднялись правые руки, сжатые в крепкие кулаки. Командующий армией степных племен избран. За помощью в бранных делах люди обратились к Богам милосердным. Сойдясь же в главном, без споров распределяли между собой: племена, знакомых вождей, методы увещаний, скрытые тропы. В размышлениях, обменах думами и встретили рассвет. Нарушая очевидный приказ вождя племени, кто-то дерзнул отодвинуть полог шатра. В свадебный бивуак вошла верховная жрица племени.

– Достопочтенные мужи, без вас нам не начать *испытание невест*...

В шатре установилось заговорщицкое молчание. Скилур решительно встал. Приблизился к вошедшей. Преклонил правое колено. Его примеру последовали, без исключений, все присутствующие. Последним к присягающим на верность в старинном ритуале назначения командующего армией присоединился вождь племени.

– Идем походом на Хваризам? Так уложили ночью? – Жрица подняла голову к отверстию в куполе шатра.

– Идем! Идем! Идем! Богиня-Мать с нами! – россыпью заглубевших голосов грянуло собрание «добрых» двух племен.

После бессонной ночи достопочтенные мужи клевали носами на *испытаниях невест*. Осоловелыми красными глазами следили за участницами. По началу соревнований гости еще скрывали неодолимую тягу ко сну. Ближе к полудню вповалку уже откровенно спали на лугу в душистой молодой весенней траве. Лица от яркого солнца прикрыли островерхими нарядными шапками. Шапки те на спящих то приглушенно рычали, то устрашающим громом кому-то грозились.

Вождь в торжественных одеждах судил испытания. К вящему сожалению спящих, конкурсы второго дня не уступали по накалу эмоций вчерашним играм с мячами.

Девушки меж собой состязались в *стрельбе из лука на скаку*. Соль конных стрельб – в меткости. Стрела, покинув лук, должна пройти через бронзовое кольцо размером не больше двух кулаков. Разогнавшись в галопе, всадница оборачивалась в седле и пускала стрелу. То знаменитая степная стрельба из лука «задом наперед». Первые и самые легкие выстрелы – на короткой дистанции в четверть полета. Вторые – уже сложнее, с половины полета стрелы. И наконец – в три четверти полета бронзовой стрелы. Особо меткие выстрелы женихи сопровождали частыми хлопками в ладоши. Положа руку на сердце, немногие из озерных решились бы повторить девичью стрельбу на дальность. Призы ценностью были под стать вчерашним. На кону четверти мешков соли.

Дорогая сердцу картина! Красавицы, юные девушки, тонкие, подпоясанные бечевой, в расшитых цветными узорами нарядных белых рубашках без рукавов, в кожаных штанах, в коротких сапожках – седлали лошадей. Цепочкой на лошадях занимали оговоренную жребием очередность. Горделиво доставали наборные луки. Закладывали за ровные зубы три ровных стрелы. По звуку трубы пускались в галоп. Серьезные, сосредоточенные взгляды карих,

зеленых, черных, серых, голубых и таких бездонных глаз! Появились, однако, и новые мотивы в лицах девушек. Заметно добавились на щеках румяна, брови углем подведены.

Испытания невест продолжились *Хождением с водой*. Переменив наряд на длинные платья с двойным подолом, каждая девушка водружала на голову небольшую с пол-локтя кадку с водой. Теперь, в танце, под звуки дудочек и семиструнных «певучих» о двух рогах, надо пронести кадку в разложенных узором камнях, не уронив ее и не расплескав воду. И на камни нельзя наступить, и ритм танца надо выдержать, стать удержать. Юноши оценили сложность конкурса. Да что и говорить – зачарованными взглядами следили за участницами! С видимой легкостью невесты исполняли весьма замысловатые танцы. Ни одна из ста не уронила кадку, может, только пару раз самую малость намочили длинные косы. Вождь слегка растерялся, определяя победительницу в конкурсе. Обсудив со жрицами аллюр *Хождений*, вынес весьма непростое решение – одарил всех участниц бусами самоцветными.

– Сдается, вождь, что это мы с тобой сегодня прошли *испытания невест*.

Любящая дочь, стоя позади отца, обняла его. Рядом сидящий Скилур добродушно, в полноте не растерянных зубов, улыбнулся обоим. Извиняясь, зевнул. Хорошее настроение сопровождало долгий день. Если день вчерашний играми подарил женихам и невестам дружбу, то итогом нынешнего, похоже, стали уже другие чувства. С песнопениями щедрым Богам-покровителям гости, хозяева, женихи и усталые невесты перешли к праздничному столу. Второй день свадеб близился к завершению.

Глава 14. Совецание двухсот

За десять дней до сражения под Хваризамом

– Совет. У нас выбран командующий армией. Предоставим слово? – Вождь озерных и золотых, Скопасис, стоял перед приглашенными старейшинами и вождями племен хурритов. На поле, где так недавно проводились соревнования невест и женихов, почтенные мужи обсуждали возможный ход военных действий. Представительное собрание большинством своим прибыло за семь дней. Последние же из приглашенных – только поутру, перед самым сходом. Гостеприимные шатры приняли иных гостей. Свадебные веселые балагуры уступили место сурового вида молчунам. Одежда на новых гостях тоже иная. Нет праздничных на них одежд. Лишь только запыленные походные кафтаны, а на многих и вовсе как с поля брани – грязные доспехи холщовые или кожаные с бронзовыми накладками. Гости вооружены до зубов и крайне недоверчивы. Числом гостей под две сотни с малым.

Сидевший в траве воин при полном боевом снаряжении в бронзовом островерхом шлеме и при двух клевцах встал и подошел к вождю. Подошел не в одиночестве. С ним вышла медведица. Мохнатого и дикого толкователя речей собрание не ожидало увидеть. Интересом зажглись глаза гостей.

– Верховная жрица племени озерных и золотых Танаис будет держать ответ.

Медвежий рык подтвердил имя. Никто не возразил. Сход важным молчанием позволил говорить.

– Как-то раз моя подруга медведица Гул полезла на дерево. Молодая, еще неопытная. Видит гнездо. В нем яйца. С десяток яиц. Вкусная кладка. Решила полакомиться. Яиц много. Гнездо рядом...

Суровые молчуны поглощали слова жрицы. Осматривали и медведицу. Персонажа притчи.

– ...Дело, казалось бы, нехитрое: протяни лапу и возьми желаемое. Медведица так и поступила. Протянула лапу. Потянула гнездо на себя. Гнездо перевернулось. Яйца посыпались вниз. На землю. Разбились. Медведица моя слезла с дерева. Посмотрела. Яйца разбиты. Что смогла – слизала с земли. Голодной ушла. Не поела толком. Гнездо только зря разорила...

С травы поднялся крепкий, слегка сутулый старик. Седые волосы растрепаны, белая борода не собрана. Дорогая одежда, контрастом растрепанной прическе, в чистоте и надлежащем порядке. Старик руками мнет шапку с золотыми нашивками. Горящие глаза.

– Да позаботятся о вас Боги! Агар, сын Полакка. Племена хурритов с запада. Так понимаю, достопочтимая жрица, мы, стало быть, та самая медведица? А гнездо с кладкой и есть славный город Хваризам? Который сейчас под царем?

«Молчуны», по-видимому, прекрасно знали говорящего – вождя опасных, драчливых горных племен, обитающих в семи переходах от прежних границ золотых. Старик, как казалось, отличался легким, шутовым, незлобивым характером. Однако же *дед Агар*, как называли его соседи, в жизни – прирожденный судья. Всегдашняя шутовость лишь напускная. Обманчивая внешность – открытое в улыбке лицо – отражала сильный нрав, но никак не простоту. Судья мудрый, спокойный и твердый в исполнении. Суд дед Агар вершил в интересах племени, неспешно – не рубил головы с плеч – держал путь по традициям степи. Вердикты выносил по канонам предков. Если неписанные правила требовали жестокости, жестокость и употреблял. Милости и милость познавал судимый. По тем суровым судам канонных чести предков дед Агар и чтим среди племен хурритов.

Верховная жрица продолжала:

– Почтенный вождь Агар, *медведица* – прямая манера вести войну. Вести открыто. Вести напролом. Есть два пути войны. Путь первый – ясный. Открыто выступаем на Хваризам. Оса-

ждем. Что остается у царя? Персидский отряд? Семь тысяч персов, с ваших слов. Еще две-три тысячи лояльных отрядов из хурритов юга? Итого будет девять тысяч. Нас сколько? Наберем сорок, возможно, пятьдесят тысяч. Царь гонцов пошлет к персам. За помощью. Запасов в городе не счесть. Сколько продержится, по расчетам, царь? Полгода? Год? А нам надо собрать урожай. Кто будет нас кормить? Возьмемся обирать поборами местных? Осенью армия поредеет. Поредеет, добро так, вполовину. Пока будем осаждать Хваризам, явится подмога. Сколько будет в армии бойцов через год? А как хворь объявится по скученности воинства? Потерь среди наших рядов будет не счесть. Себя понапрасну проредим. Отнимая съестное на прокорм армии, поседем смуту среди союзников. Город пожжем. Разорим гнездо. Перебьем яйца...

Двести «молчунов» слушали. «Молчуны» помалкивали и дум не спешили показывать. Старик, так же стоя с шапкой в руках, спросил с хитринкой:

– Как понапрасну не разорить гнезда, *командующий*?

– Второй путь. Бранной хитрости. Войной положено думу дальнюю на опережение врага вести. Город надобно сберечь. Не царь строил – не царю крушить. Наше племя вооружит вас. Вы, в согласии, примкнете к царю. Не дадите усомниться в преданности. Поверит в вашу преданность, покинет враг стены города. Числом преимущество выйдет за царя. Примемся за сражение, вот тогда... – Танаис выдержала паузу, – ...в том сражении окружим царя и персов. Но не в городе, не на узких улицах биться будем. А в открытом поле. Не зальются кровью хурритов дома славного города Хваризама. Так осады избежим. Пожаров. Мора. Одно главное сражение решит войну. Такое предложение к хурритам.

Старик продолжал стоять. «Молчуны» попеременно смотрели на известного старика и на жрицу.

– Почтенная Танаис, но как окажемся на одной стороне с царем, так людей замучают сомнения. Поверь мне, сумятица в рядах пойдет. Нужен какой-то последний знак? Тот, что переломит настрой...

Танаис присела. Медведица лежала. Провела девушка ласково рукой по массивной голове.

– Дед Агар, мудрейший, вот скажи, отчего люди племени сделали вождем именно *тебя*? Знаю: *умен, смел и справедлив*.

На тех словах двести голов разом повернулись к вождю западных племен.

– Умру за племя. Глазом не моргну. – Крепкий старик распрямил спину. Гордо подбочился.

– Вот и я готова умереть за тех, кто сражается за степное. Теперь командующий армией – жрица. Как жрица *должна* подать требуемый знак, чтобы сплотить ряды воинства?

Дед Агар стер улыбку с лица. Поднял удивленно брови. Уважительно взглянул на командующего.

– Достопочтимый командующий Танаис, медведь любит учиться. Медведь два раза не делает одной ошибки. Так, народ?

Дед Агар обвел присутствующих строгим взглядом. Решительно и громко продолжил:

– Предлагаю голосовать. Что будем делать после победы? У меня суждение: сплотиться с... как вас теперь кличут? *Озерные и золотые*? Избрать единого вождя меж нами, степными, – Скопасиса. Хваризам хурритов определить столицей родственных племен.

«Молчуны» подняли правые руки, сжатые в кулаки. Подняли кулаки единогласно. Дед Агар вышел из толпы проголосовавших «молчунов». Медведица встала и издала рык. Дед Агар подошел к Танаис. Раскрыл широко руки. Жрица и союзный вождь обнялись. Снова улыбка тронула губы седого вождя хурритов. Старик повернулся к «молчунам» и, обращаясь к ним, произнес:

– Медведя можно лаской одарить?

«Молчуны» захохотали. Танаис посмотрела на Гул.

– Можно-то можно. Да вот только гладить себя незнакомым не дает – руку по локоть откусит.

– Ух ты какая. Прямо как я...

Хохот снова накрыл собравшихся теплой волной.

– Ну так расскажи нам, командующий, про дружбу-то с диким зверем. Все ж побалагурить приехали сюда. Тайком шутки расшутить. Я вот семь дней в пыли тряся. Кусты колючие изучал. Искал, у каких шипы длиннее. Попотчуй, будь так добра, сказом на дорожку...

Хохот «молчунов» дополнил дружелюбием вечер. Достали хозяева мехи с вином. Обнесли гостей праздничной едой, медом. Особо хороши душистые пироги с рыбой, горячие лепешки с начинкой по *озерным* потайным рецептам.

Сказ о дружбе с медведем

– Уважаемые мужи хурритов. Дружба с медведем так слаживалась. С подругой, теперь уж жрицей, Тайгетой в такой же, как и этот, весенний день нашли медвежонок. У реки, в лесу, лежала бездыханная мать. Убил медведицу бродячий медведь. Вокруг следы натоптаны. Что не поделили медведи? Не поделили угоды для охоты? Или рыбу в реке? Не скажут. То их заботы. Мать померла. Остался, в горе, детеныш. Бегает вокруг нее. Тормошит. Залазает помершей на спину. Тыкает носом. Орет на нее холодную. Ждет, когда мать-медведица воскреснет. Не понимает, что померла не только мать, но скоро и сам он станет чьим-нибудь обедом.

Медвежонок месяца три, не более. Завидел нас медвежонок. Застыл. Не вправе вмешиваться люди в ход дел природы. Смотрели с жалостью. Уже надумали с подругой Тайгетой уходить. Медвежонок оглядел нас с подругой.

Да и...

Пошел твердой походкой прямо в нашу сторону. Обнюхал. Из нас двоих выбрал меня. Встал на задние ноги. Затанцевал. Подумавши, постановили с Тайгетой, то – знак свыше. Выбрал чутьем зверь новую семью. Мать с сестрой себе присмотрел. Решили мы с подругой нарушить природы ход. Забрали. Поначалу малыш бежал за нами. Потом устал. Пришлось нести. Лошади, понятное дело, не приняли такого ездока. Вернулись поздно по ночи. Собаки лаем залились. Так как вернулись в темноте, из взрослых никто не понял, кто на поселение прибыл. Новая личность объявилась в племени.

Поутру мужи потребовали вернуть назад малыша. Именно на то место, где и сыскали. Найденыш же, из любопытства или по храбрости наивной, не боялась никого. Ходила маленькая медведица среди людей, как дома в лесу. И снова танцевала. Расчувствовались мужи. Не каменные же. Оставили. Так и приросла к нам медведица. Где мы играем, там и она. Даже собак научила дружить. Спустя время те перестали ее задирать. Парочка псов зачислилась в приятели. Деликатно медведица с нами играла. Зубы, когти не показывала, силу на нас не вымещала. Порычит, спрячется в потаенное место за отцовским срубом. Пересидит обиду или усталость. Отдохнет от шума. Выходит к нам довольная. Играть и веселиться. За рев мы дали ей имя – Гул.

В загадки любим поиграть. Покажем и спрячем обожаемые ею лакомства в хитрых местах. Посмотрим на нее... И пошла потеха. Медведица давай искать. Загадки со временем усложнили. Гул может искать по запаху и следу людей. Как пес. Вот только пес не может лазить по деревьям или камням. А наша-то мохнатая подружка любые трудности одолеет. Любой поход пройдет. Как конь идет. Так просто, за компанию, с друзьями, из любопытства.

Вот как-то раз, по детской нашей глупости, напали на нас волки. Обложили стаей. Прижали к скале. Оружия при нас нет. Только жерди-палки. Что уж скрывать – растерялись мы тогда. Но мохнатая личность в обиду не дала. А была по той поре подростком, хоть и крупным. Не взрослая еще. Отбила от стаи нас. Выскочила на зов из кустов. Такой ярости в играх не води-

лось за ней. В гневе страшна. Рев издали слышен. Так говорили. Атаковала сходу. Без размышлений ввязалась в неравный бой. Нырнула прямо в гущу волков. Порвала белыми передними когтями парочку волков. Подмяла и задрала вожака. Долго труп за голову трепала, в клочья, как тряпку, изорвала – так не могла успокоиться. Разогнала волков медвежьей яростью. Тогда нам, спасенным, показалось, что теперь уже *мы* детеныши при ней. А она, стало быть, наша мать-медведица. И нас, дураков малых, опекает заботой.

Покусали Гул тогда. Досталось моей подруге в потасовке. Кровь текла. Шерсть выдрали клочьями. Лечили племенем. Всяк нес еду. Гордится медведица теперь собой – как пройдем тем местом, так Гул вспоминает лихую брань: встает на задние лапы и рычит.

Гул повзрослела. Крупная выросла. Видно, хорошо кормили. Стала, как видите, здоровее иного самца-медведя. Разменялось три года, как нашли Гул, и непонятным образом... по весне пропала медведица. Думали, ушла на зов. Не вернется. Стало очень-очень жаль. Грустно даже тем, кто побаивался Гул. Такой бесстрашный компаньон в играх. Мужики уже считали Гул оберегом племени. Как только снег сошел, Гул вернулась. Но не одна – с двумя медвежатами. В зубах несла большую рыбу. Подарок нам. Довольная собой, шла Гул с молодняком среди поселения. Заглядывала к знакомым. Знакомила с медвежатами. И медвежат знакомила с друзьями. Гордилась собой и нами. За слаженную дружбу с медведями меня провозгласили верховной жрицей Матери-Богини.

Теперь у племени небольшой отряд друзей-медведей. Живут в горах. Рядом. Приходят в гости. О визите предупреждают заранее ревом. Сядут у камней и ревут. Увидят нас с едой – подходят. По дружбе приходят. По дружбе, погостив, и уходят. Умные звери – медведи. Деликатный мохнатый народ. Гул же осталась жить у нас навсегда. Сын Гул пробыл с нами года три... – Танаис прервала сказ. Выдержала паузу и продолжила:

– Вот медведи – дикие звери – звери-одиночки, и те могут дружить. Значит, и мы, родные люди по крови и по Богам, – тоже сможем. Деликатно, рассчитывая силу в совместных играх, как Гул, дружить...

Гости разъехались в ту же ночь. Щедро понабрав свадебной снеди в дальнюю дорогу. Одним из последних гостеприимные шатры покидал Дед Агар.

– Э-эх! Скопасис... – потянул вождь хурритов с горькою обидой. Жрицы удивленно посмотрели на вождя. Дед Агар махнул в сердцах рукой: – Да не погостил у вас хорошенько.

Скопасис взял за правую руку горевавшего:

– Так за чем же дело стало? Навешай. Тебе, вождь достопочтимый, рады.

Дед Агар, хмуро сведя брови, продолжил вполголоса:

– Ходят уверенно слухи. Что тот персидский отряд, который наш царь пропустил по дорогам к вам... – Старик выдержал паузу, – ...так вот, империя Чжоу щедро оплатила персам поход. Не золото твое им нужно было, Скопасис. Им ваши головы отрубленные нужны были. Назад в Чжоу персы должны отослать ваши вываренные черепа. Такой, говорят, меж персами и Чжоу сложился уговор. Черепа степные – на золото Чжоу. Так что, разлюбезный сосед, не жить нам в мире, покуда Чжоу платит за войну...

Сопровождающая охрана помогла деду Агару взойти на двухосную крытую повозку. Вождь хурритов махнул правой рукой на прощанье:

– Ух и знатные у тебя, Скилур, озерные лепешки, я так скажу!

Повозка вождя хурритов тронулась в путь. Следом отбыли подарки от хозяев – пара крепких телег, запряженных волами из озерного и золотого края, тяжело груженных трофейным оружием и снаряжением...

У опустевших свадебных и посольских шатров, под звездами, в ночи, стоят три фигуры. Две девичьи, тонкие, и мужская, скорее даже юношеская.

– Колакс, ты узнаешь меня?

– Да, почтенная жрица Тайгета.

– А кто рядом со мной?

– Не знаю. Не зрю. Не скажу и под пытками.

Одна из женских фигур приблизилась к юноше. Но не та, что говорила ранее.

– Вот сверток. Возьми и взгляни. Что видишь?

– Вижу восемь металлических прутиков. Из бронзы. На каждом насечка – знак тысячи.

На двух прутиках знак нашего племени. Еще на двух – прежний знак озерных. А на оставшихся четырех прутиках знаки хурритов и города Хваризама. Все восемь стянуты железной нитью.

– Можешь разглядеть, что в центре?

Юноша поднес связку прутиков ближе к глазам.

– В центре, в глубине, наконечник стрелы. Тяжелый, из бронзы, литой, тот, что против доспехов.

Девушка положила правую руку на плечо юноши.

– Командир пограничной стражи Колак, ты отправляешься в тайне на Алтай. Сейчас же. Этой ночью. К верховному вождю степного похода на Чжоу. Вождя зовут Таргетай. Он немолод. Умирает. Поход разваливается. Найди вождя северных Таргетая и лично в руки передай прутики.

– Да, моя Богиня-Мать. Что делать вслед за тем?

– Возвращайся в племя. Поведешь сводные отряды племен той же дорогой на Алтай. Коротким путем и по хорошим лугам. – Девушка пожала руку юноши. Три тени разошлись. Мужская исчезла призраком в ночи. Две женских ушли на факелы, к поселению.

Глава 15. Прогулка с медведем

Спустя двадцать дней после свадеб. Окрестности славного города Хваризама

Земля подсохла, редкими лужами оставив воспоминания об обильных весенних ливнях. Подступало лето. По надежным приметам – жаркое. Реки полноводные заполняли поливные каналы полей страны Хурритов. Зрел урожай хлебов.

Две армии сошлись в погожий день. Под стенами великого города хурритов Хваризама, под могучей крепостью с восемнадцатью каменными башнями. Ненависть свела тысячи людей на ровном, чистом от камней поле. Ненависть, сжав зубы, замерла среди воинов, стоящих по колено в колышущихся под ласковым ветерком зеленых колосьях. Одних воителей ненависть крепко держала за руку, нашептывая злые слова раздора. Другим ненависть дала тяжелое оружие, дабы отстоять родные обитатели от неминуемого грабительского вторжения. Правителю же Хваризама ненависть рисовала соблазнительной золотой краской края земли от берега великой реки до снежных гор Алтая.

Две армии сошлись в погожий день. Армия племени озерных и золотых в числе двадцати пяти тысяч мужчин и женщин. Покрыты густой красной и синей краской лица степных воителей. Расставлены в ровных рядах серпом боевые порядки. Два ряда, подавших далеко вперед обоими флангами, – пешие с топорами и клевцами. Центр, отступивший назад от флангов, в отрядах по пять шеренг глубиной, составили тяжеловооруженные знатные племен, облаченные в кожаные доспехи с костяными и бронзовыми пластинами, при длинных пиках. В тылу опытный в брани резерв и первейшие в меткости конные стрелки. Между флангами, цепью перед знатными – сто легких колесниц с лучниками. Между колесницами, заполняя пробелы, бездоспешные юнцы-забияки – пращники и лучницы на конях, в нескольких нагловатых сотнях.

Противостояла племенам озерных и золотых сводная армия племен хурритов и персов. Со стороны заметно: армия хурритов и персов числом больше степного противника – под сорок тысяч с небольшим мужчин-воителей. Хурриты выстроились правильным ромбом. Вершина ромба – холеный пеший персидский отряд копьеносцев в доспехах, перед ним россыпью отряды застрельщиков, метатели дротиков, лучники и пращники. Крыльями, правым и левым, выстроились отряды хурритов, в резерве конница с пиками – также из них. Персидский отряд поделен на десять кисиров, по пять сотен в каждом. У кисира на коне командир. В центре приглашенного отряда царь хурритов и старший командир персов. Предполагаемо, на нездешних и делал основную ставку в приближающейся битве правитель Хваризама. Последняя грань ромба, с тупым уступом на закрытые ворота города, – арьергард из конницы с пиками и луками.

С нескрываемым интересом воины озерных и золотых рассматривали оружие пришлых персов. Ожидая нещадного потока стрел, отряд копьеносцев облачился в длинные, тяжелые, с воротниками, доспехи – плотные, в несколько слоев, холщовые платья до самых ступней, прошитые бронзовыми пластинками. На головах остроконечные бронзовые шлемы, в руках прямоугольником – обитые медью щиты из досок прикрывают грудь и живот. Шлемы, доспехи наполированы до золотого блеска. Ярко сверкают в лучах солнца. За поясом короткие топоры – для ближнего боя. Степняки обсуждали главный отряд врага:

- Слишком уж тяжела защитная амуниция.
- Короткий бросок осияют, а потом и выдохнутся.
- Наступать персы будут осторожно.

Казалось, что единственное преимущество племени озерных и золотых – выгодное положение по солнцу. Солнце висело белым диском за ними. Слепило хурритов и персов. Персидский противник в плотных боевых шеренгах открыто пересмеивался над пришлыми степными племенами. Значительное численное преимущество внушало персам уверенность в победе.

– Ардешир, почтенный?

– Да, царь. – Старший командир персов восседал на гнедом коне. В отличие от копьеносцев он предпочел облачиться в легкие кожаные доспехи. Держа в правой руке овальный бронзовый шлем, увенчанный конской гривой, задумчиво рассматривал боевые порядки племен. Стоящий в колеснице его царственный собеседник, напротив, одет был нарочито богато и тяжеловесно: островерхая царская шляпа в красном цвете с золотыми фигурами, нашитыми на плотную ткань. На плечах длинная красная накидка, плотно обшитая мелкими золотыми чешуйками, все чешуйки – треугольники острым углом вниз. Под накидкой тяжелый бронзовый пластинчатый доспех.

– Никак задумался? О чем? Сколь обильным будет урожай после сражения на этом поле?

– Царь, враги малы числом. На что они надеются? В чем их *замысел*? – Перс нервно перебирал узлы плетки.

Царь хурритов в ответ на тревожный вопрос громко засмеялся. Засмеялось и окружение – знатные, родня царя.

– А не предполагаешь ли ты, мудрый Ардешир, что у них *нет* замыслов? – Царь надменно улыбался. Глаза повелителя славного города Хваризама прищурились. – По *наивной глупости* нет замыслов?

– Почему не бегут? Мы же больше числом... – Персидский командующий надел шлем. Тон его выдавал сомнение в словах царя.

– Да поздно уже бежать, мой Ардешир. Догоним. Вон сколько у нас конных! – Царь города Хваризама, ища одобрения словам, оглянулся на свиту. Свита закивала головами.

– Тогда почему, царь, враги так явно показывают обхват наших флангов? Так понятно, без тайны, боевое построение... – Перс снова с подозрением прошелся долгим, пристальным взглядом по порядкам племен. Вдруг построение степных всадников с золотой колесницей по центру расступилось, выпуская двух парламентаров – высокую девушку в жреческом одеянии и крепкого сложения медведицу. Жрица ступала неспешной походкой, как шагает человек по всегдашним делам. Медведица трусила вровень, старой, видно, привычкой. Зверя матерого не смущали ни люди, ни лошади, ни даже странность прогулки между двумя готовыми сорваться в атаку армиями. Не в привычках зверей гулять среди людей. Медведь – зверь осторожный. Но вот эта мохнатая личность откинула повадки медвежьего племени, медведице явно по душе отчаянная прогулка. Зверю нравилось внимание людей.

Достигнув середины дистанции, разделяющей враждебные армии, войдя в пределы досягаемости вражеских стрел, жрица в красных одеяниях поправила высокий головной убор и достала дудочку. Неспешно, как во время ритуала в честь степных Богов, словно бы в праздничном кругу, принялась выводить мелодию гимна Матери-Богини. Чудесное явление посетило воителей перед смертью. Дудочка почти не слышна в лязге снаряжения, оружия, ржания коней. Но яркие красные одежды – их видно издали. Воины притихли. Жрица продолжила прогулку к вражескому войску почти в лесной тишине. Медведица, мотнув головой, следовала рядом.

– Это что такое, царь? – Ардешир повернулся вполоборота к удивленному собеседнику. Указал плеткой на приближающиеся фигуры. Тот не ответил. – Не знаю ваших порядков вести войну. Но, похоже, царь, – это и есть *замысел* врага. – Ардешир, крепкого сложения муж с завитой бородой, с накрашенным румянами и углем лицом, лет под тридцать, напрягся. Свесившись с коня, взял дротик у возничего царской колесницы. Медленно проворачивал древко в ладони правой руки. Его лицо выражало тревогу крайней степени. Его беспокоило загадочное шествие.

Неожиданно царь улыбнулся. Обдумав версии, нашел разгадку происходящего. Просиял:

– Ардешир, дорогой, трусливые враги идут *мира* просить! На коленях будут просить. Оценили нас. Испугались. Поняли глупость. Дерзость покинула их. Поздравь – выиграла войну!

Перс недоверчиво посмотрел на царя, принявшего вольную позу.

– Вот так? Просто постояв на поле? Победили? Мой царь, *кто* это к нам идет?

– Жрица. По одеждам – жрица Матери-Богини. Ну и медведь, понятно... – При последних словах царя знатные в окружении колесницы и старшего командира персов презрительно засмеялись. Меж тем прогулка жрицы с медведицей продолжалась. Девушка и ее матерая спутница спокойно миновали расступившихся в молчании застрельщиков из числа северян-хурритов и, повернув, изменили маршрут прогулки. Пара странного вида с мелодией гимна Матери-Богине шла вдоль ровных рядов пик, топоров, мечей левого крыла армии хурритов.

– Что-то здесь не так! Царь – это попытка внести раскол в нашу армию! – Перс терял самообладание.

– Простой обряд...

Ардешир не стал дослушивать слова веселого, в беспечности, царя и пришпорил коня. Он намеревался решительно пресечь прогулку девушки со зверем вдоль боевых шеренг. Дистанция между всадником и парочкой странных друзей стремительно сокращалась. Всадник приблизился на бросок. Перс начал поднимать дротик. Конь, всадник, дротик – летели к спинам девушки и медведицы. Пара неразлучных друзей словно бы и не слышала топота копыт, фыркания коня, чужающего зверя. Еще миг – и дротик сорвется в незащитные спины. Неслыханное дело – поднять оружие на безоружную жрицу. Жрицу Матери-Богини. Перед верующими. Пусть жрица и вышла из другого, враждебного, лагеря. Богиня-Мать не простит таких деяний. Не счесть проклятий. Горя бы за такое святотатство не познать.

Внезапно из дружеских боевых шеренг в конника полетели топоры и дротики. Пущенные наверняка, орудия войны с близкого расстояния поразили цель. Конь продолжил бег теперь уже один. Перс пал. Шлем откатился в сторону. Из рта потекла кровь. Всадник захрипел. Попытался встать. Из ребер с левой стороны, перебив ремни-связки половины доспехов, торчали три переломанных при падении дровяка. Два топора глубоко рассекли левую ногу повыше колена. Клевец застрял в икре израненной ноги. Тот, кто был еще так недавно, краткий момент назад, красавцем на коне, летящим призраком войны во плоти, – быстро превращался в серого мертвеца. Персидская кровь орошала поле. Из первых шеренг решительно выступил воин низкого роста. Видно, командир сотни. Схватил умирающего сзади за волосы. Быстрым движением перерезал горло – хлынула кровь. Воин взялся за работу мясника. Через миг победно поднял голову командира персидского отряда.

Возможно, то был тайный знак?

Армия хурритов задвигалась в странном перестроении-перерождении. Спеша, сбиваясь в строе, левое крыло развернулось неровными шеренгами полным составом – к центру. Там, где в колеснице стоял удивленный царь. Затем, торопясь, перерождение захватило и правое крыло. Застрельщики хурритов обратились лицами к отряду персов и повели обстрел. С короткого расстояния камни, стрелы полетели в бывших, опешивших от неожиданности, союзников. Во время странных маневров-перестроений хурритов со стороны армии враждебных степных племен раздался зловещий звук трубы. Степные колесницы и конные застрельщики с места перешли в галоп. Пешие, выстроенные серпом, сменили шаг на легкий бег. Степная знать, в тяжести доспехов, широким шагом поддержала атаку.

Цельная армия хурритов делилась на несогласные между собой части. Словно щепки, прибитые бурной водой к берегу, в центр выдавили несколько отрядов из перестроившихся хурритских флангов. В кольцо врагов оказался царь славного города Хваризама, персы и часть примкнувших к ним хурритов. Смерть, со скукой наблюдавшая за сражением с крыш великого города Хваризама, встала. Любопытством налились глаза. Возможно, ей, смерти, сверху про-

исходящее казалось безумием, охватившим части сорокатысячного монстра. Руки, ноги, хвост отделились от туловища. Готовились напасть на тело. На свое же тело.

Три армии сошлись в погожий день. И две из них кухарили – съесть третью.

– Предательство! Измена! Предатель... – был последний крик царя. В гнев сказанные слова гневом же и пресеклись. Стрелы, пущенные хурритскими застрельщиками, убили правителя Хваризама – торс царя быстро покрылся оперениями стрел. Отряды персов и отряды, верные царю, утратили командующих. Обстрел в упор унес их жизни первыми. За ними последовали не спешившиеся старшие командиры персов. Им слали в спину стрелы, дротики. Возникший хаос пытались остановить младшие командиры – криками не позволяли пятящимся шеренгам окончательно превратиться в толпу. Теперь персы и примкнувшие к ним хурриты-южане походили на оцетинившийся тяжелыми копьями орешек. В центре золотая колесница с убитым возничим и умирающим царем. Бывшим царем великого города. Орешек персов не поддавался страху. Дисциплина восстановлена в боевых шеренгах. Отчаянье обреченных – смелость умирающих. Со всех сторон группу оставшихся в меньшинстве сторонников царя плотной скорлупой окружали лютые враги. Степные и хурриты объединились, перемешались отрядами. Теперь от грозного сорокатысячного чудовища осталось едва ли семь-восемь тысяч воинов, и те без старших командиров. Орешек предпринял попытку медленно отступить к спасительным воротам Хваризама. Уцелевшие в обстреле младшие командиры персов направляли бронированный орешек на прорыв к городу. Только бы гарнизон помог. С надеждой высматривали персы городские башни. Окруженные взывали к городу отчаянными криками. Но гарнизон на помощь не поспешил.

Бывший арьергард царской армии – восточные племена хурритов – без колебаний выбрал в битве сторону степняков и поддерживает обстрел орешка. Арьергард замыкает окружение. Надежные, как часто называл их царь, отрезают союзникам короткий путь к отступлению. Обстрел усиливается. Бьют бронзовой стрелой, безжалостно, в упор, наверняка, по открытым шеям и лицам. Целятся в глаза, в разинутые тяжелым дыханием рты. Персы падают наземь гроздьями, вываливаясь из шеренг орешка, их места занимают стоящие позади. Орешек сдавливается, неумолимо уменьшаясь в размерах. Половину тяжкого пути к воротам города орешек все же одолел. Теперь окруженные – в досягаемости лучников на городских стенах. Но их хурритские луки не спешат на выручку.

Два вождя озерных и золотых возглавляют финальную атаку. Застрельщики по сигналу труб прекращают пускать стрелы и дротики. В ход идут короткие копья для конного боя. Чтобы справиться с длинным, тяжелым копьем орешка, нужен особый прием. Схватить левой рукой древко. Пригнуться. Нанести секущий удар по ногам. Хорош здесь длинный меч. Но прочные доспехи персов закрыли броней ноги. Только неприкрытые бронзой босые ступни доступны для колющих ударов. По ним и бьют особо храбрые из первой линии наступающих. Ряды пеших нехотя поддаются. Со стонами падают раненные в ноги. Их добивают сильными ударами в лицо. Единство тяжелых копий нарушается. В разрывы плотных персидских шеренг устремляются, орудуя тяжелыми топорами и клевцами, степные воители. Орешек дробится на части. Знамена царя дергаются, падают в ряды обороняющихся и окончательно, в лохмотьях, переходят в руки степных. Знамена царя захвачены. Захвачены и три штандарта персов. Короткие яростные контратаки персов захлебываются. Расколотый орешек не смог собраться дробными долями. Оставшиеся в живых, утратив волю, бросают оружие. Встав на колени, подняв в мольбе руки, сдаются. Сражение внутри армии хурритов закончилось. Никто из проигравших не смог покинуть скорлупы. Смерть жадно собирает обильный весенний урожай. Черные крылья растирают кровь по полю.

Хваризам отворяет ворота. Гарнизон примкнул к победителям.

Глава 16. Триумф

Перед городом Хваризамом, на удалении в три полета стрелы от главных ворот, пленные персы раскладывали погибших в брани. Пленным отрубили большие пальцы на руках и заботливо остановили кровь, перевязав лоскутами одежд павших. Направо с поля брани относят в смертных облачениях и при оружии погибших воителей хурритов и степных озерных и золотых. Налево – нагих, без украшений, оружия и доспехов – повергнутых сторонников царя. Неравные вышли горы мертвецов. Та, что слева, – в две тысячи погибших. Та, что справа, – едва под три сотни. Необъятный курган и горка. Пленников около пяти тысяч.

С гибелью царя короткая война завершилась. Гарнизон города выдал степнякам малолетних детей правителя и семерых его жен. Дети, а их девять: семь мальчиков и две девочки – стояли жалкими тенями у подножия кургана из серых трупов. Торжественные царские одежды с жен и детей сняты. Как и сняты золотые украшения. Только узоры татуировок на руках и телах выдают утраченный сан.

Закончив раскладывать трупы, пленные воины искалеченными руками берутся за возведение погребального сруба для павших победителей. Округлые бревна накатом ставятся между двух вертикальных опор, что с каждого угла. Крыша усиленная, в три наката. Четыре скорбных сруба. В каждом ровными рядами – по двадцать пять омытых водой павших воителей. Лежат в почетной тесноте, поджав ноги и сложив руки, головами на запад. В ноги поставлены расписные чаны с праздничной едой, оружие и личные вещи в сумах. Пришло время засыпать срубы землей. Пленных делят на неравные группы и уводят в разные стороны, частью на восток, но большей частью на север. Некогда холеные и горделивые персидские мужи сменили позорную долю пленных на унижительную куцую судьбу рабов. Их, верно, обменяют на скот далеко от города Хваризама.

Погребальный курган возводят в торжественной тишине всей армией победителя. Тысячами рук им помогают жители города. Слишком мало почетной погребальной работы для такого числа людей. Священный курган размерами сравнялся с курганом тел проигравших. А вскоре и превзошел его раза в три. Вокруг кургана ставят камни, цепью, равными разрывами. Ставят группами, по три плоских – в рост – камня-охранника, они будут оберегать сон мертвых. К каждой группе камней подносят мертвых персов. Нанизывают на шесты и вкапывают эти шесты у бурых безмолвных камней. Скрюченные в смертных позах тела чуть возвышаются над камнями, их не касаясь. У многих распятых тел нет кожи, скальпов или голов. Иные так изрублены и исколоты в сече, что нет уж никакой возможности снять положенный трофей. Души погибших товарищей упокоены с почестями. Погребение, предписанное традицией предков.

Армия и горожане занимают места рядом с курганом. Каноны похорон требуют прощальной молитвы и пира. Вот и известная жрица – зачинщица сражения. И ее бесстрашная подруга-медведица рядом. Воздев руки к небу, Танаис громко читает молитву всеильным Богам и духам предков. Благодарит в молитве за счастливый исход брани и просит, часто повторяя священные слова, у Матери-Богини помочь душам погибших героев отыскать путь в царство мертвых.

Выводят быков. Громадных, из царских жирных стад. Клейменных. Знак полумесяца выжжен. Белых, с крепкими рогами. На тех рогах – косичками сплетенные венки из луговых трав. Знатные быки. Мычат. Являются вожди племен хурритов и степных, на них – торжественные одежды и золотые украшения. Вожди – в несвойственной им роли пастухов. Теперь они – погонщики скота. Недрогнувшей рукой со свистом и гиканьем правят путь племенных быков на детей и жен мертвого царя. Дети испуганно жмутся друг к другу. Хватаются за руки. Рыдают. Женщины падают на колени. Просят милости. Вопят. Но только холеным белым цар-

ским быкам в потоке мычащего стада безразличны отчаянные крики детей и жен. Тяжестью веса опрокидывают и копытами забивают до смерти. Ломают кости. Дробят черепа. Хрупкие тела мостят колею. На дороге в пыли остались лежать венки, упавшие с бычьих рогов.

Пресечен копытами быков короткий род царей среди племен хурритов. Не возродиться семени павшего царя. Под одобрительный гул, гул многотысячной армии, гул горожан – раздавлена царская династия. Свободу – драгоценность, не забытые дедовские порядки – вновь обрели племена. Нет больше царей над ними и нет больше среди них рабов царя. Есть снова племя. Есть вера. Есть знать в племени. Есть в племени вождь, что мудро правит. И есть народ, что, веруя в Богов, выбирает знатных и вождей себе под стать. Под рев мычащего стада победители радостно принимаются за триумфальный пир. В честь любимой воли. В честь щедрых Богов, что даровали победу. В честь душ ушедших к предкам героев. В честь воскрешенного единства родственных племен Великой Степи.

Глава 17. Поединок семерых

Третий день свадеб. За двадцать три дня до сражения

Скилур твердо держал обещания. Раз обещал удивить – значит, удивит. Женихи, невесты, приглашенные ждали обещанной «ягодки-чудинки». Утро выдалось легким. При звездах маялись в заботах. Но вот день! Он обещал веселье. Сегодня – «выбор пар» и «танец». Что и говорить, важный день. Правильнее сказать, полдень. Спустя двое суток знакомств девушки и юноши должны выбрать суженых. В танце выбор супруга утвердить перед племенами, вождями, старейшинами, знатными. Общество поглощено приготовлениями, стряпней, стройкой. На лугу прочно вкопали три высоченных крашенных столба для разбивки порядка в танцах. Сверху на столбах венки полевых цветов.

В суматохе нового дня не заметили поначалу шестерых необычных всадников. Прибывшие с гостями не схожи – скорее, пленники под конвоем. Ноги и руки связаны. Во ртах кляпы. Ведут пленников под строгим присмотром. Сопровождают их десятка два озерных в холщовых черных доспехах, при копьях. Да мало ли кого могли поймать на границах владений? Свадьбы поважнее. Но всадники все-таки привлекли общее внимание. Босоногие мальчишки разнесли весть об отряде – сбежали и на реку, и на остров, и в шатры, и даже нашли погонщиков вдали селенья. Позабыв о приготовлениях к танцам, бросив праздничные платья, степной народ стекался к свадебному лугу, где и остановился отряд с гостями-пленными. Привлекли же жгучий интерес племен не те шестеро, под конвоем, а двое странных верховых, что следовали сразу позади командира отряда. Шли рысью, парой. Так же опутаны веревками. Но те двое давно уж были мертвы. Две мумии размеренно покачивались в седлах. Мумии вошли в яркий, солнечный, весенний день из другого мира. Из мира мертвых. Вошли печальными тенями былых живых красавцев-мужей. Вошли с мрачным торжеством духов на свадьбы. Судя по богатству их одежд – готовились торжественные наряды загодя. Белые рубахи, расшитые кожаные штаны, сапожки, шубы, шапки.

Вождь Скопасис, выйдя из гостевых шатров, присоединился к любопытствующей толпе. Люди расступались, предоставляя дорогу главе племени. В конце пути, рядом с всадниками, держа за узду коня, стоял, широко улыбаясь, Скилур.

– Вот обещанная «ягодка»! Принимай, мой разлюбезный вождь, послов.

Воины сопровождения осторожно сняли с лошадей мумии – молодого человека и мужа постарше. Постарше – с завитой бородой. Помладше – в шубе. Грубые серые с красным нити удерживали сомкнутыми челюсти мумий.

– Надо позвать жриц. Прибыли подлинные послы, – вождь золотых всматривался в мертвые лица.

– Скопасис, друг мой, оцени, в каком гости виде! Как живые. Тлен не поел их. Вот посмотри, остались и татуировки.

Вожди склонились над лежавшими в примятой траве мумиями.

– Скилур, их возможно усадить?

Скилур в ответ отрицательно покачал головой.

– Хотя... – достойный муж озерных провел ладонью по затылку, – ...только если порезать суставы. Понял твой замысел. Погодь. Сейчас смастерим...

Через некоторое время мумии сидели в креслах на почетных местах. С этого момента каждый, кто оказывался на лугу, из праздной пытливости или по спешным делам, считал долгом учтивости поклоном поприветствовать духов усопших послов. Состояние останков истинных послов савроматов внушало приветствующим благоговейное почтение. Боги оставили духам часть плоти. Конечно, и ранее случалось, что трупы не трогало тление, но только не в пору зреющей весны. Зимой, в снегах, во льду часто находили замерзших пастухов и весто-

вых. Но весной, по теплу? Такое невозможно. Степнякам явился некий знак, от почивших – живым.

– Скилур, духи савроматов среди нас? Вернулись из мира мертвых, чтобы доделать незаконченные дела? Посредники между Богами и нами? – Скопасис перевел взгляд с задумчивого собеседника на послов. Закачал головой. – Да, сомнений нет. Боги отправили их к нам.

Вождь золотых приветствовал мумии долгим рукопожатием.

– И в том с тобой, вождь, согласен. – Скилур прервал раздумья. Решительным тоном, почему-то обращаясь к послам, быстро заговорил: – Хотел бы закончить начатые дела. Скопасис, видишь тех шестерых в путах?

Степной народ, завершив приветствия, кто традиционным жестом, кто поклоном, – повернулся к подконвойным. Скилур вразвалочку подошел к одному из них. Вытащил кляп. Поднял болезненным рывком за волосы голову пленного.

– Вот эти шестеро из рядов наших. Из озерного, то бишь, края. Пастухи многим известные. Дерзкие людишки. Все шестеро – родные братья. Так?

Подконвойный упрямо молчал. Такого непочтительного отношения достойный Скилур стерпеть не мог. С силой пнул пленника под дых. Послышался стон.

– Речь веду с тобой, наглец. Откликайся. – Скилур отвесил связанному затрещину.

– Братья мы, – зло выдавил сквозь зубы пленный, не поднимая глаз.

– Вот так бы и сразу. – Скилур обвел довольным взглядом народ. Обернувшись, обратился уже к мумиям. Заговорил с ними медленно, торжественно, будто те слушали мертвыми ушами.

– Как один из знати озерного края, хочу загладить вину перед вами, почетные гости. Достопочтимые послы савроматов. Хочу загладить также вину и перед своим новым очагом. Предлагаю, мой вождь... – теперь Скилур пристально смотрел в глаза Скопасису, – ...провести *ритуальный бой в честь общих предков*. Шестеро будут биться насмерть друг с другом. Кровь их успокоит несчастные души. Души послов, которые, как мы видим... – Скилур еще раз дал пленному ногой под дых. Оставил его, стонущего, подошел с поклоном к мертвым, – ...восстали из мертвых, чтобы доделать важную посольскую работу.

В полной тишине Скопасис поднял правую руку, сжатую в кулак.

– Согласен. Будет ритуальный поединок. Проведем брань перед танцами. Предложим послам еды?

Как велят каноны гостеприимства, знатных гостей положено с дороги напоить и накормить досыта. Мумиям предложена еда. Со скорбью в лицах разложили на звериных шкурах перед их усохшими ногами праздничную свадебную еду. На золотом подносе – доброе мясо из вчерашнего рагу. Налили в бронзовые кубки отличное душистое вино. Удалились с поклоном продолжать прерванные приготовления к танцам.

– Скилур, а где вы их нашли? – Вождь говорил тихо, чтобы мог слышать только знатный соратник.

– Там, где указала Танаис. Банда сходила с ума от скуки. Мерзавцы выпотрошили убитых. Тешились. Набили солью так, как рыбу мы солим, намазали еловым соком. Внутренности высушили и снова сложили, кроме кишок и печени. Изнанку выложили мятной травой. Зашили. Действовали умело, прямо как... жрецы. За теми... им неположенными... жреческими занятиями их и нашли... – Скилур всем своим видом выражал крайнее удивление.

– Как отнесутся *озерные* к поединку? – Скопасис настороженно взглянул на говорившего. Скилур взял за руку вождя племен.

– Нет жалости. Оплатят долг. Так люди говорят. – Лицо достойного мужа озерных приняло жестокое выражение. Брови сдвинулись. Губы сложились в тонкую нить.

– Добро. – Вождь положил руку на плечо соратнику.

Шестерым братьям выдали оружие. Двоим достались копья. Третьему топор. Оставшиеся имели выбор между мечом и двумя клевцами. Ритуал смерти для Богов, даже на свадьбе, на глазах у племен, – последний шанс умереть достойно. Счастливый, в щедрости, выбор за тяжкое преступление. За убийство послов союзных степных племен пострашнее положено возмездие. Возможно, Боги смилостивятся над душами шестерых бродяг? Пустят в мир мертвых, избавят от скитания среди лесов, гор, рек? Шестеро братьев уцепились за назначенный поединок как за посмертное примирение с племенем. Откажись они от поединка, и лютая кара вихрем сметет их семьи, жен и детей. Таков порядок предков.

Шестеро встали в два ряда. Понуро опущены головы. Взглядами что-то ищут в траве. Племена в праздничных одеяниях заняли места. Расселись на земле. Вышел хор в пятьдесят участников. Перед ними жрицы. Их десять. Прочтя молитву, встали в рядах хора. Жрицы выбрали для исполнения веселую песню. Хор запел балладу о знакомстве Бога Папая и Богини-Матери. Вознесли хвалу родным лесам, горам и степи. Из темных горных лесов вышел юный Бог Папай. Звал Папай создательницу миров Богиню-Мать, чтобы породить племя людей.

На этой части баллады судьи поединка – вожди – подняли клевцы. Бой начат. И ожидаемо он не заладился. Не смогли кровные братья достойно биться друг с другом. Вялые удары легко парировались противниками. Оружие бесполезно болталось в руках. Из хора, разорвав ладные рифмы баллады, вышла широким шагом девушка. Верховная жрица прежних золотых. Сняла с головы высокий, в золотых оленях, убор. Передала красную островерхую шапку хористу. Прошла, в тишине, к стражникам. Вынула из-за их поясов два клевца. Осмотрела их хищные клювы. Провернула в руках оружие. Подступила к шестерым братьям. Ритуальный поединок развалился. На бранном поле появился седьмой участник ритуала. С оружием боец. Как видно, длинное женское платье и накидка – не помеха седьмому воителю. Стражники первыми, едва завидев обожаемую жрицу, подняли копья на шестерых. Приглашенные встали. В плотных рядах свадебных гостей заблестело оружие. Мечи, топоры, кинжалы обнажены.

– Вам дали шанс спасти семьи...

Танаис разминала кисти рук, вращая клевцы. Намерения жрицы очевидны присутствующим. Свадебная толпа, в хмурой суровости лиц, готова сдвинуться с места.

– ...Вам, подлым, дали шанс спасти детей своих от рабства. Жен от смерти... – Танаис прошла сквозь поникший строй шестерых. Заткнула за жреческий пояс клевцы. – До смерти *плохими* решили быть? Подлость неискоренима? Подлость в крови? Подлость перешла к детям?

Танаис оказалась на стороне, противоположной хору. Теперь она стояла перед вождями. Обращалась жрица уже к ним:

– Тогда зачем племенам нашим такой *мусор*? Плохо не то, что вы *«худые»*. Плохо не то, что вы пастухи. Без богатств в мир приходим мы. Голыми рождаемся и голыми умираем. Плохо то, что вы учите *раздору* племя. Жены ваши такие же уродливые духом, как вы. И дети ваши, калеченные вашим назиданием, будут портить кровь потомкам. Подлостью портить. Той самой подлостью, которой вы погубили послов. Сначала вы выдали себя за проводников. Взяли за труд плату. Втерлись в доверие. Заманили в засаду, задушили во сне, как крыс, веревкой послов союзных нам племен. Позволили *добрым* пасть недостойной смертью?

Рокот возмущения прервал речь верховной жрицы.

– У-у-у-у! – Протяжным ураганом разнеслось по полю. Шестеро разом вздрогнули от направленного на них гнева чужих людей. Побледневшая жрица повернулась к обвиняемым. Плотно сдвинулись черные брови на красивом девичьем лице. Слова падали камнями на могилы:

– Что будет дальше с нами? Оставим вас и ваши семьи *жить*? – Жрица подходила к каждому из обвиняемых. Смотрела прямо, в упор, в глаза. Тех, кто отводил взгляд, за бороду, за волосы возвращала. – ...И ваше семя даст *прирост*. Сорняк тот, *потомство ваше*, поест

нас изнутри? Возможно, подлость ваша в будущем прорастет корнями среди вождей? Вождей, что зорко хранят нас от бед? Среди жрецов, что учат нас воле Богов? Потомки ж ваши будут пить кровь у братьев и сестер? В засадах сторожить гостей с пиров и свадеб. Лишь для того, чтобы доставить огорчение? Дары похитить у гостей? Убив забавы ради, тела покойных соломою набить? Так будем в далеких днях время коротать? Такими будем в потомках мы? Так разменяем Великую Степь на подлость вашу?

Жрица обращалась в гнев к шестерым. Мужи больше не опускали головы. Смотрели теперь уже прямо, как мыши на змею. Оружие тоже не опустили. Сжали крепко в руках. Свадебный хор за спиной верховной жрицы давно не пел весельем – гудел криками.

– Так вот. Мой вам приговор. Богиня-Мать вас не простит. Табिति не помилует семьи ваши. За подлость и трусость, за раздор вы угаснете. Здесь и сейчас. Весь род ваш искореним: ваших жен и поросль вашу. Никто не породит *подлых* среди нас!

Жрица, закончив речь, перешла от слов к работе палача. Первым же ударом правый клевец, в коротком замахе, с плеча, вошел в живот одному из братьев, ближе всех к ней стоявшему. Так же быстро клевец покинул жертву. Удар перебил брюшную артерию. Хлынула кровь. С громким криком муж рухнул в траву. Клевцы жрицы продолжили работу. Левый, схожим ударом, угодил в бедро следующему из братьев. Там и застрял. Второй брат присел от боли на колени. Перехватив обеими руками клевец, жрица нанесла сокрушающий удар по темени. Размозжила череп. Клевец остался в смятой голове. Взяла у стражника копьё для пешего боя. Обеими руками удерживает древко. Пригнулась, готовая к нападению.

Третий из братьев, по инстинкту, не по уму, направил на жрицу меч. Присутствующие громко ахнули. Святотатство – поднять на жрицу оружие. Поругание Богов добавилось к перечню преступлений братьев. С криком подняв над головой меч, обезумевший бросился в атаку. Выпад этот стал для него роковым. Танаис уклонилась от боевого металла. Словно танцуя, пригнулась, зашла под левый бок и нанесла смертельный удар копьем под ребра. Вторым отточенным маневром свалила с ног, поддев за ступни бронзовым тыльником копья. Добила лежащего тремя яростными ударами в грудь. В последнем ударе провернула наконечник копья в теле. Расшитый камнями сапог верховной жрицы придавил бьющегося в агонии. Раздался смертный хрип. Короткий миг. Осталось трое братьев. В боязни сбились спинами друг к другу. Копье и два клевца враждой направлены на прежде им родное племя. Степняки плотно окружили преступников и святотатцев. В руках злость. Глаза налились кровью. Жрицу мягко, любовно, нежно оттеснили от оставшихся братьев. Переняли из девичьих рук окровавленное копьё. Водрузили ей с почтением на голову жреческий убор. Поправили бережно косу. Стряхнули пыль с накидки. Кто-то рядом из толпы незнакомым зрелым голосом, видимо, из сватов озерных, выкрикнул поверх голов, обращаясь к жрице:

– Погодь, любимая Танаис! Теперь наш черед.

Братьев бескровно разоружили. Схватили под руки. Свадебная гурьба в праздничных убранствах зашла в потоке и растерзала преступников сотнями рук.

– Богиня-Мать тверда и непреклонна, – Скилур почтительно склонил голову перед верховной жрицей.

Глава 18. Выбор пар и танцы

Не в обычае степных племен долго хранить печаль. Дознание гибели послов закончено. Пролитую кровь шестерых братьев сочли праведным наказанием. И раз уж собрались на лугу, то и немедленно перешли к сердцу праздника свадеб.

– Это кто так широко расставил столбы? – Вождь с улыбкой оценил дистанцию. – С таким-то запасом?

– Жрицы твои тут с утра командовали. Меня, простого озерного рыбака, и того заставили столбы крепить. Ты уж не обессуди, как могли, так и вкопали. – Скилур гордился проделанной работой. Гостям из озерного края и вправду непросто дались три столба.

– Сегодня места в танцах хватит... – Скопасис удовлетворенно цокнул языком. Помедлив, добавил, усмехаясь в бороду: – ...Всем. В самую пору развернуться двумя племенами в танцах.

Скилур, в свою очередь, очень внимательно посматривал на хлопочущих музыкантов и хор. Видно, в диковинку бывшему вождю озерных, а ныне правой руке Скопасиса, такое внушительное число сопровождающих веселье.

– Триста человек в хоре? Размах! – «Простой озерный рыбак», не таясь, пересчитал вслух и удивленно развел руками.

– Ну что тут скрывать! Да, любит народ песни распевать. Только повод дай. – Вождь с хитрецей смерил взглядом «*озерного владыку*», как он часто называл Скилура. – Будешь танцевать?

– Буду! Ну, вождь, держись, ноги оттопчу. Предупредил. Мы же, *озерные*, только по воде танцоры. – Чуть помолчав, Скилур важно заговорщицки продолжил: – Да знаю, что такое твои танцы...

– Говори, Скилур. – Скопасис оперся на посох, приготовился внимательно слушать. С самого появления дочери вождь пребывал в превосходном расположении духа.

– Танцы – серьезное и достойное для мужа занятие! Так скажу. Да и не танцы вовсе то. Не шутки, ногами бить по земле. Моим скромным разумением, то никак не меньше, чем клятва в верности под песни хора. Так понимаю танцы твои. Представление для Богов, с другой стороны. Ну как тут не станцевать! Тут и хромой станцует...

Скопасис крепко обнял Скилура. Посох вождя остался воткнутым в землю.

Хор первым занял место, предписанное канонами праздника. Расположился тремя линиями вдоль трех столбов – с юга на север. Лицами хористы строго на запад. В трудном деле создания праздничного настроения музыканты вызвались сопровождать хористов. Стали не абы как. Жрицы расставили барабаны, струнные и флейты. Музыканты полукругом обступили хор. Положение хора хотя и почетное, но после полудня сопряжено с неудобством. Солнце смотрит прямо в накрашенные глаза. Светило так и норовит выдавить слезу среди веселых свадебных песен. Петть хору придется много. Музыка свадебную справлять до глубокой ночи. Для сидения хористам и музыкантам подготовили стулья и накидки. Мумии послов, в почете, расположились с хором. Свидетели празднеств, а таковых перевалило за два десятка тысяч, заняли места за хором и западную часть. Сели плотно, рядами, локоть к локтю. Северную часть, не теснясь, заняли знатные, и только. Не слишком почетную южную сторону без обид разобрали простые из «худых».

Сквозь толпы зрителей женихи проходили к положенному им среднему столбу. Вслед им неслись шутливые пожелания удачного выбора невесты. Раскрашен столб женихов частыми полосками в белый цвет. На верхушке полная кадка с водой. Столб с кадкой посвящен воде. Невесты, краса, да и гроза племени тоже, устроили цепочкой хоровод вокруг южного столба. Крашен столб полосками в черный, и на нем кадка с землей. Это столб земли. Вожди, жрече-

ство и родители невест с женихами расположились плотным хороводом вокруг собственного северного столба. На вершине сверкающая в солнечных лучах золотая шкура. Столб знати в свадьбах – небо, что ближе всех к светилу.

Земля, Вода и Небо – три священных доли мира, сотворенного добрыми руками Матери-Богини. Земля – народ. Вода – вожди, «добрые» и старейшины. Небо – жречество. Устройством мир степных племен схож с миром природы. И так же, как заведено в природе, у земли, воды и неба, степное племя обязано жить в дружбе меж собой – тремя едиными долями.

Когда приготовления закончились, вождь двух объединившихся племен открыл день свадеб. Возможно, самый значимый в череде празднеств. За два долгих, отошедших в азартных соревнованиях, дня женихам и невестам представилось право беспрепятственного выбора партнера. Выбора собственным умом и сердцем. Никто из родителей, у кого таковые имелись, или близких родственников-опекунов не вмешивался в знакомства. Теперь же первым ритуалом дня «*выбор пар*» молодые люди являли народу свою семью. Свой личный выбор супруга. По сговору и жребию невеста или жених скоро отделялись от хоровода и брали избранника крепко за руки. Высоко поднимали руки и отправлялись к хороводу вождя, жрецов, знати и родни. Представ перед ними, называли суженых: жених – имя невесты, невеста – имя жениха. Получив громкое одобрение супружескому предпочтению от вождя и старейшин, покидали хоровод знати и уже утвержденной семьей возвращались к хороводу. Когда же последняя пара завершила обряд *выбора*, пришел черед самого долгожданного момента. Хор грянул вступительную песню свадеб. Музыканты поддерживают ритмом слаженные голоса хора. Песня веселая. В ней хвала Богам, напутствия и пожелания счастья семьям.

Танцы затеялись.

Вновь пары делятся на две группы. Невесты занимают прежний безбрачный круг *земли*, женихи теснятся холостыми вокруг столба *воды*. Музыка заливает веселой беззаботностью степняков. Хороводы вращаются вокруг столбов. Но и внутри кругов вращение танцоров. В том вращении разноцветные платья раскрываются огромными цветами. Синий цветок, белый, желтый, коричневый. Мужской хоровод попроще – в белых рубашках, в пестрых узорчатых штанах. То лишь начало. Имя танцу – «*Стародавний мир*».

Вводный танец плавно сменяется следующим. Он называется «*Смешение долей*».

– Никак и нам пора, достопочтимый Скилур, покружить в трех столбах? – Вождь взял за правую руку дочь, за левую – Скилура. Хоровод медленно сдвинулся, засеменял робко, набрал темп и закружился полной силой. Поплыл хоровод от столба неба до столба воды, от столба воды до столба земли. Вновь к столбу неба. Второго танца ожидали не только женихи с невестами. Каждый из родов племен, кто в тот день подоспел на праздничный луг, мог прикнуть к танцу. Места уставших пополняют новые танцоры. Молодые уступают место зрелым. Зрелые – молодым. Редкий шанс станцевать со жрицами! Редкий шанс станцевать, за руки держась, с вождем и «добрыми»! Такого танца никто из степняков не хотел бы прозевать. Мужики и женщины, редкие старики, молодёжь с нетерпением ждут очереди к хороводу знати. С радостными восклицаниями занимают освободившееся место в рядах танцоров. Танцующие прикрывают глаза от счастья. Музыка вводит в туман блаженства. Слаженные движения ног и рук в такт музыки наполняют удовольствием людей. Крепкий захват ладоней партнеров, теплые улыбки. Смех, веселье, шутки. Долгий-долгий танец.

– Верховная жрица, возможно составить танец вам?

– Давай руку, Колак. – Девушка первая взяла ладони стоявшего в нерешительности юноши. Потянула Колакса к себе. – Ну же! Не стой – ведь это танец! – Улыбается – и новая пара закружилась среди танцующих.

– Командир стражи умеет и танцевать? – только что успела сказать Тайгета, как кто-то из знатных озерных предложил ей руку.

– Малый оттачивал ловкость у костров, – Тайгете, уже удаляющейся в поворотах, шутливо выкрикнул Скилур. Перевел взгляд на столб, и в этот самый миг «простого озерного рыбака» выбрала красавица-портниха из золотых. Известная мастерица превзошла саму себя: ночами шила, среди заказов, или впрок загодя приготовила?.. На ней, статной, кафтан без рукавов, темно-синий, из льна, под ним из двух частей платье. Низ – юбка синяя, верх – белой плотной рубашкой навыпуск, с рукавами. На кафтане, как и на юбке, дивно нашиты синие волны, на тон светлее фона. Темно-коричневые короткие сапожки с тремя синими полосками. Головной убор тканый, синий, формой как боевые шлемы, закручен спиралью наверху. К отменному наряду портниха приложила главное украшение – скромную улыбку. Карие глаза смотрели в упор на главу озерных. Скилур вдруг как будто бы слегка оглох. Музыка, хор куда-то разом пропали. Время замедлило ход. Такой пригожей женщине невозможно отказать! Скилур удивленно цокнул языком от неожиданности предложения, нежно принял руки *золотой мастерицы*, влился в поток танцующих. К третьему танцу вдовец Скилур набрался храбрости и посватался к красавице-портнихе. Получил согласие с нежным поцелуем. Тот день стал свадебным и для него.

К сумеркам приспело время и третьему, завершающему, танцу – «*Рождение нового племени*». Невесты встают в линию между трех столбов. Женихи случайным порядком устраиваются двумя рядами по бокам. Смешиваясь с другими гостями. Как только песня начинается, женихи находят избранниц и кружат в танце на линии столбов. Гости, вождь, жрецы, «добрые» исчезают солью среди свадебного люда. Огромное кольцо вращается вокруг столбов, музыкантов, хора и танцующих новых семей.

– Ноги болят, подруга. Тебя потеряла. Искала, не нашла. – Тайгета сжала рукой пряжку пояса Танаис. – Пять раз позвали замуж за три танца. Такими красивыми словами звали. Не знала, что так выгляжу со стороны. Назвали очаровательной, лебедем, мудрой, озерной тигрицей даже. Все позвавшие замуж – из гостей. Смелые такие эти озерные. Ты-то как? – Тайгета хоть и выглядела уставшей, но сияла удовольствием. Нарядом две жрицы золотых схожи. Красные длинные платья из конопли. На плечах отороченная мехом также красная, до бедер, накидка. Короткие, повязанные ремешком, в узорах, сапожки. В левой руке Тайгета держит высокий, бордовый, с козырьком, убор жрицы.

– Уф-ф! Едва стою на ногах. – Танаис поправила на шее ритуальную золотую цепь верховной жрицы, набранную из фигурок животных. – Кажется, протерла подошву сапожек. Ступнями чувствую траву.

Девушка приняла, поблагодарив, факел от рядом стоящих. Тепло попрощалась с гостями. Две жрицы проследовали на остров.

Теплая весенняя ночь яркими звездами бережно укутывает свадебный луг. Степь запахами трав заполняет воздух. Ветер с гор развеивает волосы и свадебные наряды.

Развеселые хороводы на лугу сблизили озерных и золотых в одно неделимое племя. Песней разносится над свадебным лугом старинная клятва степняков. Юной разноголосицей под серебряной луной вторят слова верности великой степи женихи и невесты. Нет больше на свадьбах знати, нет «добрых» и «худых». Степное племя живет отрадой празднеств. Смеешься от души, тебе в ответ смеются тоже. Поешь, закрыв глаза, и песню твою подхватывают гости. С любовью ты объят родным племенем. Ты не один в потоке дней. Тебя не бросят в радости и в беде. Ты нужен племени. Как воин, как пастух, как пахарь, как кузнец, как сын, как мать или дочь. Ты в дружном племени степном. Среди родных. Ты часть большой семьи. Здесь знают твое имя. Здесь помнят имена твоих далеких предков. Прихлопывая в такт музыки руками, кружась, танцуя, ты кружишься с преданными друзьями. Ты делишь радость с такими же, как ты, открытыми людьми степи. Племя и ты, в пляске – громадный, многорукий, могучий, все-сильный человек. Богам же с неба приятно видеть праздник свадеб среди людей. Ведь шутки,

веселье, танцы, смех – вкуснейшая из жертв для Всесильных Богов. Невидимыми тенями танцуют Боги среди степного люда.

Глава 19. Персидский арсенал

На второй день после сражения под славным городом Хваризам

– Отец, к персидским доспехам полагаются еще и щиты? – Танаис, с усилием потянув обеими руками, извлекла из бесконечной стопки странного вида тяжелый щит. Поставив торцом изделие на каменный пол царского арсенала, принялась изучать защитную амуницию врага. Щит полностью, с головой, закрыл девушку. Два вождя заинтересованно принялись оценивать персидскую задумку.

– Козырек прочный. Выдержит удар стрелы. – Скилур вытянул руку. Указывал пальцами на продолговатый верх щита.

– Щит набран добротно. Тяжел. – Скопасис принял из рук дочери изобретение персов. Примерился. Приподнял. Подержал на весу. Щит оказался на несколько локтей выше роста не обиженного богами сложением вождя озерных и золотых. Восхищенным тоном продолжил: – Основой, так вижу, – дуб. Бронзу листами не пожалели. Справили на гвоздях.

– Дорого им щиты достались. Металла здесь на два меча хватит, – подхватила Танаис.

– Сколько здесь щитов? – Скопасис обращался к пятерым хранителям арсенала. Заносчивого вида холеные низкорослые горожане с плешью на седых головах, в дорогих шерстяных одеждах, в полосатых хурритских узорах. Хранители царского арсенала и меж тем верные сторонники степных племен. В числе первых хранители вышли с хлебами к победившим армиям.

– Три тысячи щитов, с тем, что у вас в руках, – без запинки и без раздумий гаркнули хранители царских запасов. По их надменным лицам пробежали улыбки, видимо, от гордости за крепкую купеческую память.

– Ну, что думаете, достопочтимые степняки? Перед нами мудрый опыт чужой войны? Для чего ж персы удумали такие тяжести? – Танаис держала в руках уже знакомое по битве с царем платье-доспех. Платье тускло сверкало бронзой пластинок. Очередная находка из амуниции персов вызвала не меньший интерес, чем щиты. – Мое предположение, вожди, щиты и платье – для штурма укреплений.

– А козырек над головой, стало быть, – прикрытие от стрел или камней? – Скилур вопросом поддержал версию Танаис.

– Разумно придумано. Сразу за стеной таких щитов поставить легких стрелков. Стрелки будут бить тех, кто сверху, на стенах, держит оборону. – Вождь продолжил версию жрицы. Танаис же тем временем облачилась в персидскую амуницию. Надела платье-доспех. На голову водрузила овальный шлем из бронзы. За пояс заткнула короткий топор. Обеими руками взяла осадный персидский щит.

– Как-то не по назначению пришлые использовали амуницию в прошлой брани. Со страху, что ли? Или перс намеревался весь день на поле простоять? – Скилур задумчиво разглядывал пешего воителя Танаис. Встав, быстро направился в противоположную от жрицы сторону. – Им бы вот в эти доспехи приодеться для брани. – Скилур бережно достал из другой стопки кожаную кирасу, обшитую тремя пластинами из бронзы. К кожаной кирасе приложил длинное тяжелое копье и среднего размера щит от груди до колен: – Вот так бы я на их месте снарядился к тому сражению. А по их выбору сходится, что перс ожидал стрел? Порешили принять глухую оборону в битве с нами? Так?

Скопасис согласно закивал. Подошел к Танаис. Провел правой рукой по борту щита. перевел взгляд на платье.

– Хорошие доспехи. Будем перенимать новшества. Наши мастеровые смогут повторить? – Скилур обращался к задумчивому вождю. Скопасис обернулся к «простому озерному рыбаку». Улыбнулся.

– Да, конечно смогут, Скилур. Только образчик покажи. Нашьем похожие. Но вот только персидские пластинки идут внахлест, другим узором, а в наших-то плотно прилегают друг к другу. Идея у перса замечательная. Знаешь, что думаю? – Вождь обращался сразу к двум собеседникам, попеременно оглядывая их. – Танаис? Возьми-ка ты, голубушка родная, персидские платья-доспехи, да и штурмовые щиты тоже. Вооружим-ка те отряды, что в поход на Чжоу идут?

Скилур первым за Танаис громко ответил. Эхом отозвался голос в арсенале:

– Хорошо думу держишь. Ни к чему нам, степным, штурмовать крепости. А вот в Чжоу потребуются такие мудрености. – Танаис подняла правую руку. Скилур продолжал: – Отряды надо бы подучить новым построениям. Чжоу неприятно удивятся. Подумают, что союзники их предали. – Скилур вразвалочку подошел к вождю и сжал его руку. – Вот, вождь, твердое доказательство, что мы верно поступили с царем хурритским. Готовился к походу на нас царь. Покойник много чего задумал. Не расскажет, жаль. Персы неспроста заявили к нам с новыми-то придумками. Щиты, платья в бронзе, копья. Разминулись с царем, не в его пользу, на десяток дней.

– Ты прав, друг. Доказательства на лицо. Не сколоти мы тогда на свадебном лугу союз племен, воевали бы поодиночке. Потерь было бы не счесть. – Лицо вождя племен стало суровым. Злыми стали глаза Скопасиса. – Что и говорить! Совсем по-другому тогда бы война обернулась для нас. Полегли бы мы в сечах у очагов. – С теми словами вождя трое знатных покинули арсенал города. Выходя из ворот арсенала, степняки почти столкнулись со спешащим куда-то, в поту, запыхавшимся дедом Агаром и четырьмя его спутниками.

– Да позаботятся Боги о вас, достопочтимые! – вождь хурритов раскрыл руки, приветствуя жрицу и вождей. – Насилу вас нашел. Прощение хурритское, скромное, к вам имеется. – Дед Агар заговорщицки хитро подмигнул. Трое знатных остановились. Вождь хурритов немедленно перешел к прошению:

– Возьмете меня и мою горстку бойцов в поход на Чжоу?

Неожиданные слова деда Агара произвели впечатление и на степных, и на хранителей арсенала, стоявших позади знатных, и на свиту самого вождя хурритов.

– Однако, неплохо день сложился. – Скопасис, удивленно подняв густые брови, вопросительно посмотрел на вождя хурритов.

– Что так? – участливо поинтересовался Скилур. Танаис промолчала, но восхищенным взглядом выразила одобрение «прошению».

– Жизнь моя, достопочтимые, заканчивается, а значимое свершить еще не успел. Сорок шесть лет, чудо как много прожил, а в великом не поучаствовал, – неожиданно для собеседников перешел дед Агар к серьезности. – Ой, как мне обидно!

Вождь хурритов встал между вождем племен и верховной жрицей. Обнял нежно отца и дочь. Продолжил тем же печальным тоном, обращаясь уже к Скилuru:

– Что так, мил человек? Хочу закончить мудро дни. В походе. Если уж совсем распогодится, в брани какой. Ну и, возможно, Боги смилостивятся... – Он поднял глаза к синему небу в рваных облаках: – ...Мечта про то заветная моя, так упокоюсь в поединке, на глазах у степной армии. Легендой стать хочу для орлов своих. Не хочу превращаться в царя.

Дед Агар высказал затаенные мысли доверительно, не в привычной рассудительной манере спокойного судьи хурритов. Оценив эффект, произведенный на слушателей, расплывшись в доброй улыбке, вполголоса продолжил:

– Всего же набралось от хурритов... – Дед Агар выдержал короткую паузу. Скопасис прищурил глаза, ожидая оглашения числа воинов, и поднял брови, услышав: – ...*Четыре тысячи* добровольцев, охотников за славой. Готовы хоть сейчас тронуться в земли Чжоу. Через Алтай со всеми или через наши перевалы волей своей.

– Как бывший командующий армией... – Танаис, поддержав манеру разговора, вполголоса обратилась к трем окружавшим ее мужам.

– Позволь, не бывший, никто не отменял назначение, – прервал ее решительно вождь Скопасис.

– Хорошо, вождь. Как *командующий* прошу достопочтимого вождя хурритов принять отряд озерных и золотых. Довести отряд моего племени и своих западных племен до ставки Таргетая, в Алтае. Мне же надо перехватить *двух рассорившихся птиц* на другом берегу великого озера. Дождись меня с ними у Таргетая, на Алтае.

Дед Агар качнул головой, разнял руки, провел ладонью по лицу, вышел вперед. Обернулся, стал лицом к Танаис. Преклонил колено перед командующим. Давняя традиция присяги. Встал, отряхнул колени. Крякнул для важности и торжественно заговорил:

– Благодарю за честь, мой предводитель. За доверие. Выполню приказ. Дозволь, пойду рядить отряд к походу?

Танаис крепко обняла Деда Агара. Так появился среди озерных и золотых командир из племен хурритов. Танаис задала вождю давно сберегаемый до случая вопрос:

– Дед Агар, скажи, как создал союз западных племен. Обменом на обмен. Тебе рассказала про медведицу, может, поведаешь без секретов про горных хурритов?

– Просишь немало, верховная жрица и командующий. Утаил бы, не рассказал бы, – вождь хурритов мотнул головой, – но так как присягнул, то и отказать не смогу... – Дед Агар искал взглядом, где ж расположиться. Вождь Скопасис, заметив это, жестом пригласил в только что покинутый арсенал. Угрюмое каменное строение арсенала примыкало к пищевым складам дворца, похожим на раздутые кувшины. Вместе с ними царский арсенал формировал замкнутый четырехугольник-цитадель, в центре которого скрывался двумя этажами дворец. На фоне серых стен арсенала дворец, сложенный из песчаника, радостно улыбался широкими бойницами. Гордость Хваризама, царский арсенал являл собою яркий образчик строительного мастерства горожан. Монолитное здание, высотой в два этажа, внутри без перекрытий. Опорой арсеналу служат крепкие наружные стены, сложенные из тесаного серого камня, как и городские крепостные стены. Двенадцать массивных в обхват колонн из цельных стволов горной ели. Колонны через равные промежутки, в два ряда, надежно поддерживают крышу. Ряды столбов делят складское нутро арсенала на три равных части. К ним же рубленным замком крепятся балки для хранения на весу амуниции и оружия. Свет проникает в арсенал сквозь узкие бойницы, что почти под самым потолком, сложенным из плотно подогнанных, грубо струганных бревен. Узкие лучи света нисходящим узором переплетаются на густом лесе копий; на стопках и рядах щитов; на развешанных колчанах, полных стрел; на кривых наборных степных луках; на бронзовых мечах, секирах и клевцах; на доспехах и шлемах, покрытых густой пылью с шумных улиц города.

Периметром, вдоль бойниц, выложен узкой дорогой на одного стрелка настил из тонких досок. Крепится прочно настил к стенам балками. Стена арсенала с воротами сложена как башня крепости. Надежная толщина стен подготовлена горожанами явно под долгую осаду, с лестницей из камня. Солидное украшение арсенала – ворота, ничем не уступят в красоте главным городским. Двустворчатые, тяжелые и прочные, из вековой сосны, обитые снаружи листами меди ворота сияют богатой краснотой металла. Округлые шляпки медных гвоздей, крепящих листы к основе, сложились в известный хурритский узор зигзагом. Ворота запираются изнутри на мощный засов – ствол дерева, струганным квадратом в поперечнике, на всю длину створок. Над воротами пять бойниц, размером больше остальных, в полный рост мужчины. У входных бойниц, над воротами, два чана, наполненные до верха смолой в кусках. Под чанами – сложенные из камней очаги с сухими дровами. Приготовления к возможной осаде города велись в спешке. Почти уже прикрытые ворота вновь отворились перед важными гостями.

Окинув по-хозяйски взглядом заполненный доверху армейским добром царский арсенал, пройдясь ладонью по ровной кладке стен строения, Дед Агар перешел к обещанному рассказу. Вожди расположились, подогнув под себя ноги, на полу новой, в свежей краске, двухосной тяжелой колесницы, пожалуй, что на пятерых бойцов, ни разу не побывавшей в деле. На передке красных бортов грозно вдаль смотрели нарисованные синие глаза с черными зрачками. Огромные колеса о двадцати четырех спицах – почти под подбородок мужей. К одному колесу прислонилась, в ожидании, жрица.

Сказ про деда Агара и союз западных племен хурритов

– Племена мои как озорные дети. Молоды, горячи, обидчивы по пустякам. Чуть кто кого легонько толкнул – уже драка. За дракой кровь. А там глядишь, и жуткая месть может разлиться. Рекой плача разольется и потопит племена в раздоре. По ничтожным пустякам то происходит. Гордостью называли баловство. Бараны не туда зашли за межи, лошади попутались в ночи. Сходились хурриты строем в драки чаще по весне. Чуть пригреет – надо межи делить. И повторяется из года в год одно и то же – сломанные носы, синяки, ругань. Мне, как вождю, надоело видеть, как понапрасну наши достойные племена тратят силы. Тратят добрые силы в глупых драках, и все только промеж собой... – Дед Агар, говоря горькие слова о недавних временах западных хурритских племен, улыбался, да так, словно шутки шутил. Его развеселый вид никак не вязался с повествованием о горьких ссорах внутри племен. – ...Понятное дело, сил много, а пристроить их не к чему. То как мамкина кукла для малого дитя. Драки, ругань, погони за скотом чужим. Заберешь куклу, но что дать взамен? Забрать-то заберешь, но без игрушки дитя малое рыдать будет. Вот вопрос, что долго мучил меня... – Тут дед Агар стал серьезным. Суровым. Превращение шутника в строгого судью случилось так быстро, словно бы муж сменил деревянные жреческие маски. – ...Куклу под названием «ссора» на круге горных племен легко забрал. Речь сказал. Переговорил со старейшинами. Никто тогда не спорил со мной. Пришли к согласию. Многим мелочность драк уж как надоела. Поперек горла стояли межевые обиды, – дед Агар провел ребром ладони по кадыку. – Взамен предложил куклу «война». К нам в гости собирались походом с бранной разведкой лихие люди Чжоу. Мои друзья по ту сторону гор мне исправно вести слали про их скопление, про лагерь и оружие, даже про их еду в чанах. Эту простую куклу сразу приняли племена. Уж очень похожи куклы. Как по перевалам Чжоу к нам пошли, так и мы отправились в поход. Чжоу встретилась с нами, хурритским союзом, то бишь, в узком ущелье, что у пресного озера. Того самого, что потом убежало на вас. По прошлому году. – Дед Агар сделал паузу. Хитрыми прищуренными глазами оглядел вождя и жрицу. Ухмыльнулся. Повел бровями, словно бы говорил, дескать, известно мне и про вас все до крупинки. – Так вот. Мы, горные, тропы знаем. Так же хорошо, как и проводников, что вели врага. Отряд их, в пять тысяч пеших Чжоу, не успел развернуться из каравана, а мы их и атаковали со склонов. Стрелу, понятное дело, пустили. Спешились и копьями потеснили. Не абы как, а строем. Прижали, значит, мы к склону гостей. И давай Чжоу с гор поливать стрелами, как в дождь водой. От безнадёги враги сдались. Осталось их половина. Повязали пленных. Стали на круге старейшин союза думать, что делать с Чжоу...

Дед Агар внезапно замолчал. Казалось, он потерял интерес к собственному рассказу. Теперь вождь хурритов придирчиво изучал платья-доспехи персов. Немного погодя, видно, сложив воспоминания воедино, надевая доспех персов, продолжил:

– ...Вожди соседские предлагали в расход определить Чжоу. Кровь выпустить. Головы поотсекать и назад императору подарком отправить. Но я-то думку дальнюю держал. – Дед Агар снова замолчал. Надев доспех, прошелся в нем по арсеналу. Снял. Заговорил уже быстрыми словами: – Предложил пленных, а это считай что две тысячи, продать Чжоу, живыми, за хороший-то выкуп. Среди отряда сын императора обнаружился. Проводники на него указали. Свои-то скрывали. Утаивали командира от нас. Малолетний глупец поверил в счастливые предсказания гадателей – сунулся к нам в горы. Послушались меня старейшины. Доводы

мои убедительные, те, что за выгоду торговли с империей, приняли без споров. Продали, значит, мы, отряд, правда, без оружия. Мертвых упокоили их традицией. Трофеи оставили себе. Выкуп, в золоте, бронзе и краской драконьего дерева, немалый получили. Разделили поровну между племенами. Предложил Чжоу пускать за достойную плату через перевалы их торговые караваны. Богатство потекло рекой. Теперь моим словам и недоверчивые верили без раздумий.

Наше племя предложило раз в год, в тот день сражения, праздника Богам устраивать. Соревнования, как ты, Скопасис, – свадьбы, танцы. Так дал племенам куклу «дружба». Соревнования в честной борьбе, по правилам и на знатные призы – понравились. На значительные свадьбы в первый раз не согласились. Но к нам другие племена уже захаживали без приглашений. Доверчиво. Гостили. Привыкали к дружелюбию. На следующий же год невест и женихов напривозили без увещаний. Потратили мы много из добычи на те празднества Богам. Но приобрели все же побольше. Следующим сходом племена казны переместили нам на сохранение. Потом к нам же переехали запасы оружия. Для его хранения сообща возвели в неприступном месте, в горах, двойные валы с частоколом. Ну а теперь уже тройные, и со сторожевыми башнями, валы. Так у нас появилась кукла «казна племен».

Для споров на сходе центральных и западных хурритов предложил обновить традиции предков. Единые ввести традиции для союза горных племен. Толкование традиций тоже одно, в ясности и без ложных пониманий. Ссоры договорились решать не дракой, но мировым соглашением, без кровной мести. Так появилась кукла «суд». Теперь к нам ездили разбирать обиды и западные, и южные, и те, что под Хваризамом. Решали споры не спеша. Не за день. Выслушав стороны, свидетелей. Решали советом, вспоминая похожие обиды. Посоветовавшись, выносили приговор. Понравилась и эта кукла. Тропинка к нам, горным, превратилась в дорогу. Хорошо такую, утоптанную дорогу. Драки по мелочам сошли на нет. Крепко спать по ночам понравилось. Молодняк числом прибыл.

Теперь же, через много лет после того схода, хурриты силы берегут для состязаний. Племена семьями, да что там – целыми родами переезжают к нам. Страсти кипят в соревнованиях! Аж перехлестывает за края азарт. Меж ловких женщин танцы на быках за призы недавно придумали. Девы наши через рога на спинах бычьих прыгают. Дух захватывает. Опасно танцуют. Быки немаленькие у нас. Меня ж избрали меж западных племен почетным судьей, затем и вождем. Стал для племен мамкой. Строгой и справедливой. Пятнадцать лет у той терпеливой мамки ушло на воспитание... – Дед Агар всерьез заинтересовался секретной защитной амуницией персов. Взял щит с козырьком. Неожиданно переменял тему: – Так понимаю, для нас готовили доспехи? Штурмовать поселения? – Старик обвел удивленно-тревожным взглядом собрание.

– Не жалеешь, что с нами выступил? – вернул, в серьезности, Скопасис вопрос деду Агару.

– Царь в неоднократной подлости замечен. Переметнулся к персам. Веру персидскую принялся насаждать. Костры их традицией жег. Сговоры тайные против несогласных плел. Пропадали иногда знатные люди, побывавшие в гостях у царя. Полагаю, это те, кто не нашел согласия с ним. Сегодня они, – вождь хурритов указал левой рукой на персидские доспехи, – вас одолели бы. А завтра, глядишь, и нас. Никакие бы тройные валы не спасли. Поодиночке нас в рабов быстро бы обратили... – Дед Агар прислонил щит к стене, положил доспехи в ближнюю корзину и подошел к сидевшим в колеснице: – Года так два как назад сопровождали длинный и странный караван. Уж больно тяжело груженный шел от Чжоу до перса. Не похож на обычный торговый караван. Двойную оплату за провоз нам выдали. Теперь, так понимаю, то тайный договор за поход на золотых? А может быть, то была плата и за войну против всех непокоренных степных племен?

– Ох и умен же ты, дед Агар! – Скопасис встал с гостеприимной персидской колесницы. – За мудрые секреты отдельное спасибо. Есть что перенять у тебя в правлении племенами. Дай

обниму мудреца с гор! – Стиснул вождь в объятьях сурового деда Агара – в знак союза. Старик дружески похлопал Скопасиса по спине. Рецепт праздничного горного блюда стал понятен до мелочей. Танаис со Скилуrom объятием с двух сторон поддержали союзный договор вождей.

– Преемника на вождя хурритов оставил? – шепотом, предназначенным лишь для четверых, обратилась к деду Агару Танаис.

– Оставил. Мудрого определил себе на место. Спокойно покидаю племена, – последовал ответ. Скопасис неожиданно разжал объятия. Приложил ладонь ко лбу, словно вспомнил о чем-то. Потянулся рукой к суме. Вождь хурритов, завидев суму, опередил вождя озерных и золотых:

– Достопочтимый, если хочешь чем-то одарить, сразу говорю – не приму. И так в долгу у тебя.

Скопасис засмеялся.

– Послы савроматские, сваты мои, везли меж подношений послание. – Вождь озерных и золотых протянул свиток деду Агару. – Писан, как разумею, на арамейском. Возможно, ты, уважаемый судья, сможешь прочесть, что в нем.

Вождь хурритов принял тяжелый свиток. Оглянулся и подозвал хранителей арсенала. Торговые мужи развернули кожу. Принялись за толкование письма. Однако с каждой прочитанной строчкой лица хранителей становились все мрачнее. Вожди молча ждали разгадки. Посовещавшись, хранители подвели итог:

– Вожди и жрица, царь славного города Хваризама предлагал савроматам и близким к ним племенам союз против ваших степных племен. Называл своими друзьями персов и Чжоу. Последние слова царя – о близкой войне с вами, к которой он, подлюстью отмеченный, и предлагал примкнуть племенам.

– Ну, что ж, ответ савроматов царю послы до нас довели. Духами, но довели. Не иначе как всеильные Боги отправили к нам послов. Не смог царь посеять смуту среди степи. – Скопасис бережно сложил царский свиток в суму. – Теперь становится понятным и сватовство к нам савроматов.

Ворота арсенала беззвучно затворились лишь к раннему утру. Мудрым собеседникам было что обсудить перед дальней дорогой. За обменом мнениями, планами, за подготовкой к походу на Чжоу проводили вечер, ночь – и устало встретили восход. Им помогали в сорок рук хранители, стража арсенала и «добрые» степных. Арсенал, прежде царский, теперь стал общим для союзников. За медными воротами вереница телег, запряженных быками, заполнялась добротным персидским оружием и амуницией. Горные и степные племена готовили бранный ответ империи Чжоу.

Глава 20. В гостях у императора Чжоу

Империя Чжоу. Великий город Шан. Поздняя осень того же года

– ...Сунь-Ли, сказал же – *без лишней спешки*... – император, суровым шепотом на ухо, отдавал указания генералу. Обращаясь же к званым гостям, правитель подобрал самую теплую улыбку: – Это мы о порядке пира хлопочем... – Вернувшись взглядом к генералу, продолжал той же секретностью: – По моему сигналу, Сунь-Ли, когда достану из дорожной сумки кубок, только тогда. Не раньше, слышишь? Ты мне все дело не испорти. – Император резко, схватив за скулы, повернул к себе лицо генерала. Строго посмотрел в глаза. Примирительно улыбнулся. Похлопал пухлой ладонью по широкой спине верного слугаки.

За вытянутым низким столом расположились приглашенные гости в расслабленных позах – сидя, а кое-кто и полулежа на бараньих шкурах, постеленных поверх деревянного пола. Гостей общим числом пятнадцать, все крепко сбитые мужи. Празднично одетые. Уложенные бороды. В шапках, в груботканых рубахах, в красных кафтанах, подбитых мехом, в штанах, расшитых пестрыми узорами. Некоторые в пышных шубах.

На окрашенном темно-синей краской еловом столе расставлена первая перемена блюд. Огромный запеченный целиком кабан, наполовину съеденный, украшал голыми ребрами простое керамическое блюдо. Насечка ровных геометрических узоров сходствовала с иглами на ветке ели. В таких же простых керамических тарелках лежали, с пылу с жару, лепешки. В кубки слуги щедро доливали неразбавленное вино с душистыми приправами и медом.

– Ю-Ван, когда будем обиды стародавние обсуждать? – рослый муж в годах, лет тридцати, намеревался встать. Опершись на стол, мужчина перенес вес тела на руки, подался вперед. Но выпитое крепкое вино сказалось – руки скользнули по жирному столу, и мужчина упал на спину. Шапка соболя отлетела в сторону. Грохот сопровождал неловкость. Никто не засмеялся. Помогать подняться с пола тоже не стали. Лица гостей повернулись к правителю Чжоу.

Император чинно встал из-за стола. В отличие от упавшего, он не пьян. Лицо правителя стало привычно серьезным, улыбка улетела птицей с лица. Император скорыми шагами подошел к лежавшему на спине. Протянул правую руку, помог подняться. Теперь два мужа смотрели друг на друга. Тот, что посильнее, выше на голову, с русыми волосами, голубыми глазами, улыбался блуждающей по лицу пьяной улыбкой своему недавнему конфузу. Напротив него – властного вида муж поменьше ростом, с небольшим округлым пузом, с накладной черной бородой, в высокой синей шапке.

– Ты называешь меня по имени? Вот так просто по имени? – император сверлил пьяного пристальным взглядом черных, маленьких, как бусины, глаз. – Так значит, мы с тобой равны? – правитель Чжоу подбоченился и выпятил грудь. Теперь он походил на нахохлившегося воробья, грозившего из гнезда хищной птице. Настрой собравшихся за столом изменился. Лица помрачнели. Брови сдвинулись. Однако стоявший напротив Ю-Вана муж продолжал улыбаться какой-то совсем детской улыбкой.

– Да, равны, – заговорил пьяный. Речь его, однако, была тверда, слова звучали уверенно. – Вождь я. Вождь гордого племени жунов. Племя мое никогда не целовало ноги правителей города Шан.

– Как зовут того гордого вождя? – Император Чжоу наигранно веселым тоном переменял ход разговора. Жестом левой руки остановил почтительно приближающегося генерала с парой слуг.

– Люк мое имя, племя белоголовых, – ответил вождь с пьяной высокомерной улыбкой.

– Люк, говоришь? – Император теперь внимательно смотрел на застольную компанию. Веселые глаза-бусинки скользили по приглашенным, не упуская ни одной кривой улыбки,

ни одного косога взгляда, задерживаясь на надменных лицах. Осмотрев каждого, обратился к груди стоящего перед ним Люка: – Начинай.

– Что начинать-то, Ю-Ван? – Вождь белоголовых перестал улыбаться. На щеке сразу стал виден глубокий шрам. Многим тогда показалось, что Люк и не пьян вовсе.

– Начинай про дела. – Императору Чжоу не хотелось поднимать голову, и он продолжал беседовать с грудью Люка. Чуть позже протянул задумчиво: – ...Наши. Дела на-а-аши. Как ты говоришь, «обиды стародавние».

Люк, слегка шатаясь от винных паров, подошел к окну-бойнице высотой от пола до перекрытий потолка. Потянул ворот серой рубахи. Глотнул свежего холодного осеннего воздуха. Повернулся отрезвевшей головой к правителю.

– Собрал ты нас. А предложить нечего. Плохи дела. Хочешь нас подмять под себя. То же пытался проделать твой покойный отец. До него твой дед. И дед твоего деда. Так исстари ведется – то мы вас, то вы нас. Но мы вас все же почаще. На равных бьемся. Еще скажу: правили давным-давно мы, жуны, этим городом. Пока правители из наших не растворились, по глупости, в народах Чжоу. Война меж нами тлеет поколениями. Вот такие вот, как ты говоришь, Ю-Ван, «дела наши». Не будет меж нами мира. В этот раз тоже ни о чем не договоримся. – Люк обращался к правителю империи Чжоу крайне непочтительно – стоя у бойницы, держась рукой за перекладину поперек окна, с расстояния в пять или шесть шагов. Говорил уверенно, громко. Говорил, глядя прямо в глаза, поверх голов собрания. Видимо, зная заранее ответ, гость свесился из бойницы и посмотрел вниз. Под стенами дворца стояло несколько возов с мешками зерна, для кладовых. За ними шумела холодной водой река, неся красную глину к щедрым полям через город Шан. Как-то совсем неловко гость правителя разжал руку и в тот же момент безмолвно камнем скользнул в проем бойницы.

С шумом пять или шесть приглашенных разом вскочили с мест. Тарелки с лепешками упали на шкуры. В сумраке вечера гости пытались понять, что произошло. «Где выпавший?» – «Не вижу его». – «Может, упал на мешки?» – слышались возгласы. Император от неожиданности замер. Удивленно поднял брови. Остановил непонимающий взгляд бусинок-глаз на том месте, где только что пребывал непочтительный вождь с запада. Генерал Сунь-Ли схватил за рукава слуг и отправил вниз, на розыски пьяного. И он же первым вывел из задумчивости императора. Поддерживая под руку, помог дойти до почетного места. Усадил за стол. Вручил богато расшитую драгоценным нефритом сумку. Спустя долгое время несколько запыхавшихся слуг вернулись к пирующим. В поклонах слуги, дрожа от страха, сбивчиво, путанными словами, часто перебивая друг друга, доложили, что Люк пропал бесследно.

– Не иначе как утоп в реке, – произнес печальным тоном генерал. – Упал, дошел до реки и потонул.

В ответ на это странное предположение раздался общий удивленный вздох. Настроение за праздничным столом стало напряженным, тревожным. Воцарилось гнетущее молчание. Затем некоторые гости с гневными восклицаниями начали одеваться, они намеревались покинуть радушного хозяина.

– Пьяный не ведал, что делает. Найдем завтра. Обещаю, – Сунь-Ли как мог пытался успокоить гостей. Поднял правую руку, останавливая уходящих. – По реке будем искать. Сыщем. Обязательно сыщем Люка. Может статься, и живой, если плавать умеет.

Император упорно молчал. Опустил голову. С растерянным видом Ю-Ван медленно развязывал несложный узел сумы из нежной кожи.

Генерал стал распорядителем пира. Император все не мог выйти из оцепенения, и Сунь-Ли взял на себя хозяйские обязанности: останавливал, хватая за руки, торопившихся гостей. Обнимал. Возвращал. Что-то вполголоса дружески говорил. Почтительно усаживал. Рассадив мужей, хлопнул в ладоши, и слуги внесли вторую перемену блюд. На месте съеденного кабана появились печеные птицы с нашитым прежним оперением. Рыба благоухающая, на пару. Нава-

ристыми супами наполнили до краев миски. Пироги со сладкой фруктовой начинкой заполнили пустое место на столе. Но не генерал с его учтивостью, а роскошные горячие яства остановили бегство гостей.

– Император, – почтительно начал речь слегка перекошенный на правый бок седобородый одноглазый муж, крепкий старик лет сорока, – не суди о нас всех по одному только Люку. Живой он или мертвый. Люк про свою правду говорил. Мы же будем об общей правде думать. Ты обещал, когда приглашал нас, вождей жунов, сюда, что война закончится. Между Чжоу и нами будет выгодный мир. Вечный славный мир. Твои слова передал посол? Мы вожди. Пришли с миром. Племена жунов устали от бесконечных войн с Чжоу.

Гул одобрения поддержал его слова. Император наконец одолел узел и раскрыл суму. Запустил поглубже руку. Сунь-Ли не прерываясь смотрел на руки правителя. Рядом с генералом в ожидании застыли пятеро слуг. Но не из обычных, что стояли у стен позади вождей жунов, сторбившись в поклоне. Эти слуги статью напоминали «добрых». Император Чжоу встал из-за стола. Вынул руку из богатой сумы. Что-то сжал и резко поднял к лицу. Обоими руками Ю-Ван держит кубок из золота. Дрожащим от волнения голосом обращается к гостям:

– Кубок этот моего деда. Для особо важных случаев. Из него дед пил, когда замирял южные племена. Отец мой доставал его, когда включил во владения западные горы... – Правитель густо покраснел, слегка замялся, подбирая слова: – Я, Ю-Ван, правитель империи, буду пить за вечный мир с жунами. Прекратим войны. Пришел славный мир. Чжоу не будет более искать земель у ваших племен. Вот мое слово. А вы, жуны, добрые соседи, прекратите мстить Чжоу за стародавние обиды. Такое соглашение. Выпьем за примирение жунов и Чжоу! Стихии-покровительницы, будьте свидетелями торжества!

Слуги внесли в зал внушительных размеров мех с вином. Украшенный цветными лентами, расписанный четырьмя, бегущими волной, белыми полосками. Мех показали императору (Ю-Ван кивнул в знак согласия) и откупили. Слуга выпил во славу стихий мерную пробу. Разбавили вино водой и налили в кубок императору. Ю-Ван отпил пару глотков из кубка. Довольно цокнул языком и, обведя гостей довольным взглядом, радостно бросил:

– Наше лучшее вино!

Слуги вылили без остатка содержимое меха в керамический чан, смешали с водой, добавили мед и специи. Обнесли вином гостей. Кубки у гостей личные. Каждый из вождей жунов привез памятный лишь ему одному кубок. Кубки являли собою отделанные металлом половинки черепов врагов. На этом сходство кубков между собой заканчивалось. Оправы большинства – из боевой бронзы, иногда без отделки, иногда в простых узорах насечкой, у двух же вождей оправы из золота с изображениями зверей. У трех из серебра. И лишь один забытый, опрокинутый владельцем кубок остался пустым, без вина. Кубок вождя Люка. Из черного дерева, с медными накладками-фигурками танцующих оленей. Рога оленей сплетались, ноги, разбегом, в стремительном прыжке. Две изогнутые боковых ручки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.